

КОГОТКИ ГАЛАТЕИ

Часть первая МУКИ ПИГМАЛИОНА

Следователь В.А. Сорокин

Убитых в доме оказалось трое, а не один, как утверждал свидетель из соседнего дома. Первый лежал при входе. Его лицо было изрублено до такой степени, что походило на бесформенный кусок мяса. Только по удостоверению в кармане мы определили, что тело принадлежит члену совета директоров фармацевтического акционерного общества «Симбир-Фарм» С.В. Клокину. По данным экспертов, пострадавший получил пять ударов топором: три по лицу и два по темени. Кроме того, у убитого перебит позвоночник в районе поясницы. В карманах жертвы найдено пятнадцать тысяч долларов.

В гостиной за столом в сидящем положении обнаружены еще двое. У них проломлены черепа. Они получили по одному, но очень сильному удару, очевидно, тем же орудием. Смерть у обоих наступила мгновенно. По всей видимости, преступник был в состоянии сильного аффекта.

Один из трупов в гостиной принадлежал хозяину этого дома, главе фармацевтической фирмы «Симбир-Фарм» А.П. Рогову, второй — его водителю Л.Н. Петрову. Правая рука Рогова сжимала газовый «Вальтер» с передернутым затвором и взведенным курком. Одна рука водителя держала рюмку, другая — вилку с нанизанным огурцом. На столе стояли три початые бутылки водки. При осмотре трупов, в карманах председателя АО было обнаружено восемна-

дцать тысяч долларов, у водителя — десять тысяч долларов. Кроме того, из нагрудного кармана рубашки Рогова изъяты алмазное кольцо и золотые серьги с рубинами.

Все трое погибли в состоянии сильного алкогольного опьянения. Предположительно, каждый выпил почти по литру. Под столом обнаружено пять пустых бутылок из-под водки. По словам соседа Чебыкина, пьянка в доме Рогова началась сразу после их приезда. А приехали они в начале одиннадцатого утра.

Орудие преступления не обнаружено. Также не были обнаружены отпечатки пальцев преступника. Обе двери, ведущие в дом, убийца открыл ногами, обутыми в кроссовки, ориентировочно сорок второго размера. Следы тех же кроссовок найдены на крыльце и в гостиной. По ним можно судить, что убийца действовал в одиночку. Скорее всего, он был знаком с хозяином особняка.

По следам обуви убийцы можно произвести приблизительную картину происшествия. Немаловажно, что его появление в доме Рогова никого не всполошило. Во всяком случае, при виде его водитель спокойно подцепил на вилку огурец и собирался опрокинуть очередную рюмку. То же самое, очевидно, намеривался сделать и член совета директоров. Но неожиданный гость завел разговор, который заставил хозяина дома залезть в карман, достать «Вальтер» и перевернуть затвор. Двое других оставались невозмутимыми, что свидетельствует о том, что у преступника сначала не было в руках топора. Он его достал потом: либо из сумки, либо из-под куртки, но уже после того, как Рогов перевернул затвор «Вальтера».

Неизвестный ударил Рогова сразу после того, как он взвел курок. Далее, не дав опомниться, он ударил и водителя. Клокин, судя по всему, бросился бежать, но у самого выхода преступнику каким-то образом удалось сбить его с ног. Думаю, что он метнул в него топор, причем с такой силой, что перебил позвоночник. Остальные пять ударов в лицо и темя убийца нанес уже после того, как жертва свалилась на пол. На все это у преступника ушло не более пяти минут. После чего он положил орудие убийства обратно в сумку, перешагнул через труп, наступив пяткой на кровь изрубленного им Клокина, и скрылся. Его следы затерялись в траве тотчас, как он сошел с крыльца. Также не было обнаружено никаких следов и за пределами двора.

Приехал ли он на своей машине, на такси, или пришел пешком — установить не удалось.

По данным экспертов, тройное убийство было совершено между 17:00 и 17:30. На место происшествия следственная бригада прибыла в 19:30. Вся областная милиция поднята на ноги. Личный состав ищет человека среднего роста, в кроссовках сорок второго размера со следами крови на одежде.

Итак, смерть Рогова и Петрова наступила мгновенно. Клокин скончался после пятого удара в темя. Странно, что соседи ничего не слышали. Однако между 17:00 и 17:30 они чувствовали какой-то специфический запах гари, исходящий с участка Рогова.

И действительно в саду рядом с мусорной кучей обнаружено кострище с горкой пепла, на котором лежала полуобгоревшая пластмассовая канистра из-под бензина. Не исключено, что преступник, прежде чем покинуть место преступления, что-то сжег. По мнению экспертов, был сожжен большой кусок поролона. Также в пепле обнаружены клубок тонких проводов и расплавленные части от пальчиковой батарейки. Чтобы это значило?

28 августа 2000 года

1

Сегодня понедельник, двадцать восьмое августа двухтысячного года. На часах половина одиннадцатого. За окном темно и видны звезды. Сказать откровенно, я впервые в жизни вижу за окном звезды. До этого в ночном стекле я замечал только свой унылый силуэт, склонившийся над настольной лампой. Но не об этом сейчас речь. А речь о том, что моя жалкая сущность впервые в жизни ощутила потребность в писании дневника. Если бы я не сгубил душу, или сгубил ее хотя бы наполовину, тогда бы я бросился на колени перед иконой молить о прощении грехов. Но я не настолько глуп, чтобы не понимать, что мои грехи не входят в категорию прощаемых.

Итак, «я не преследую цель оправдать себя ни перед Всевышним, ни перед людьми». Это первое, что я записал в дневнике. Второе: «я не хотел бы, чтобы мои записки кто-нибудь прочел». Когда я почувствую, что мне приходит конец, я постараюсь их уничтожить. Третье: «несмотря ни на что, я

снова начал осознавать себя. Я как будто заново родился. Точнее: наконец проснулся!» Вот же черт!

Это случилось в ванной, когда я в одежде и обуви стоял под ледяным душем. Я отметил, что сегодня утром уже стоял под этим душем, но это был не я. Вернее, я наполовину. Точнее, я полуспящий. И вот теперь пробудился. А до этого я чувствовал, как мне молотят по щекам. Я еще подумал, что пробуждение в этом мире всегда происходит через какие-то шлепки.

Кстати, я где-то читал, что чем полнее пробужден человек, тем он больше помнит из своего детства. Толстой, к примеру, помнил, как его пеленали. Я же помню, как меня отпускали на Землю. Можете не верить. Это ровным счетом ничего не меняет ни во мне, ни в устройстве этого скучного мира.

Как сейчас себя вижу в каком-то сумрачном, густо населенном месте. Не могу сказать, что это за место и кем оно было населено, но даю голову на отсечение, что оно существует и по сей день, и что все это, о чем я рассказываю, происходило до моего рождения. Наиболее характерные ощущения, оставшиеся в памяти, — тоска, безлюбие и вечное отсутствие света. Сзади смутно вырисовывался темный барак, коридоры которого уходили глубоко вниз. Меня вызвал на поверхность какой-то старичок в холщовой рубашке, которая была выпущена поверх его льняных портков. Когда я вышел, он хмуро приблизился ко мне и как-то очень просто и буднично произнес:

— Собирайся, пойдешь на Землю.

— Кто? Я?

— Не я же.

— Вы это серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Вот же черт! Учитель! Как я счастлив!

— Не поминай черта всуе!

— Вы отпускаете меня с миссией?

— Отпускаю в последний раз.

— А дальше?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Значит, я доживу там до старости?

— Если не убьют.

— Что вы такое говорите, учитель? Неужели там убивают?

— Случается. Иногда даже топорами?

«Какое же там все-таки варварство, — подумал я, но следом прогнал эту мысль прочь. — Пустяки! Любое варварство можно скрасить любовью...»

И в ту же минуту из барака выпорхнула встревоженная девушка, той самой первозданной красоты, к которой всегда стремилась моя душа. Она ласково обняла сзади, и мою сущность обволокло сладкой истомой. Эта была она. Но, боже мой, почему я об этом догадался только сейчас? Тогда бы моя жизнь не закончилась так глупо! Однако даже она не заронила во мне ни капли сомнения в необходимости командировки на Землю. Старик отвел глаза и треснувшим голосом прошамкал:

— Но, учти, она останется здесь. Ты будешь искать ее и не найдешь, а похожие на нее будут приносить тебе страдания...

Страдания? Какой вздор! Страдание — выдумки непросветленных людей. К тому же физические страдания — это ничто по сравнению с вечными сумерками и безлюбовью...

Однако, что за черт? Кто так остервенело молотит меня по щекам? Пришлось сделать усилие, чтобы разлепить веки. И первое, что я почувствовал, невероятную тяжесть на сердце и бессмысленный шум в ушах. Я открыл глаза и сквозь туман увидел испуганное лицо соседки. Она тормозила меня за ворот. С ней было еще двое: дядя Коля, старший по дому, и дворник (не знаю, как зовут). Окна и двери были распахнуты настежь. Мою шевелюру шевелил сквозняк.

— Ну, слава Богу, ожил! — облегченно вздохнула соседка. — Мы думали, вам конец? Даже «скорую» вызвали.

— Что случилось, Марья Ивановна? — удивился я, с трудом отлепляя чугунную башку от рыхлой спинки кресла.

— Это вас нужно спросить, что случилось? — ответила Марья Ивановна сердито. — Вы чуть не взорвали весь дом. Ладно, вот Николай Петрович учял запах газа. Ему скажите, спасибо! Это просто чудо, что ваша дверь оказалась незапертой. А то мы уже приготовились ломать. А если бы кто-нибудь зашел с сигаретой в подъезд. Все — кранты! Разнесло бы к чертовой матери, как в Бийске. Как же вы так, Саша? От вас вроде водкой не пахнет.

Пришлось сделать изумленные глаза и кинуть взор на газовую плиту. Голова продолжала гудеть.

— Извините, Марья Ивановна. Я только что приехал из командировки. Не думайте, что я пьяный. Я просто устал, как

собака. Поставил на плиту кофеварку и сам не помню, как отрубился...

Убежавший кофе, который залил конфорку, красноречиво свидетельствовал об искренности моих слов. Старший по дому укоризненно покачал головой и нравоучительно изрек, что лучше бы я напился, тогда бы возможно подобного не случилось, поскольку алкоголь прочищает мозги. Пришлось долго извиняться, оправдываться и обещать, что впредь буду неукоснительно пользоваться его советом. Еще немного постыдив, делегация направилась на выход. Но, прежде чем исчезнуть окончательно, Марья Ивановна трижды обернулась и трижды напомнила, что своим нюхом спасла мне жизнь. Я трижды поблагодарил ее за нюх и, наконец, захлопнул за ними дверь.

После того, как они ушли, я поплелся в ванную, стараясь не глядеть в комнату, где у окна еще стояло ее кресло. От кресла нужно избавиться как можно быстрее. Оно, купленное когда-то в самом дорогом антикварном магазине, красноречиво свидетельствовало о моем падении.

Признаюсь, я слукавил. Конечно, я не помню, что было до моего рождения. Тот старик в холщовой рубаше и девушка, выпорхнувшая из барака, приснились мне после развода с моей первой женой. Но это не был сон. Это было воспоминание. Только сейчас начинаю соображать, зачем оно мне было ниспослано. Я даже вспомнил слова старика относительно моей первой жены.

— Что, не понравилось? — произнес он ворчливо, больше с равнодушием, нежели с укором. — А ведь я предупреждал, что ты не будешь счастлив...

После этого он сказал что-то очень важное, то самое, ради чего мне и приснился этот сон. Но я не принял его слова всерьез, и поэтому все забыл.

Я встал под холодный душ и вот тогда-то вдруг понял, что утром под ним стоял совсем другой человек, хоть и в моем обличии. Я недоверчиво себя ощупал. Затем внимательно всмотрелся в зеркало и увидел, что стою в одежде и кроссовках. Совсем спятил! В груди защемило так сильно, что я чуть не свалился на пол. Неужели я опять стал тем, кем был девятнадцать лет назад?

Девятнадцать лет назад мне было двадцать четыре. Я знал о жизни все. Был спокойным, улыбочивым, мудрым, а главное абсолютно уверенным в себе. Я четко осознавал, кто есть я и для чего был спущен на Землю? Именно тогда мне в

руки и попался этот чертовый томик философа Юнга. Он предлагал написать пять пунктов, по которым я никогда не скачусь в Тартар, будучи уверенным в своей осознанности. Почти не раздумывая, я написал:

1. Я никогда не смогу убить человека.
2. Я никогда не смогу покончить жизнь самоубийством.
3. Я никогда не попаду в тюрьму.
4. Я никогда не стану жертвой страстей.
5. Я никогда всерьез не вживусь в этот мир, ибо он — всего лишь мираж.

2

«Ибо он всего лишь мираж!» — с улыбкой повторял я, видя, как окружающее все более прирастают плотью к этой презренной материи. Но если бы только плотью. Они врастают в нее всей своей бессмертной сущностью. Неужели никто не видит, что жизнь в материи ничтожна и коротка, а сама материя не более чем песок? Можно ли всерьез вживаться в то, что течет и сыплется?

Человеческую жизнь я всегда представлял в виде разового выезда на пляж. Привезли, скажем, к морю отдыхающих. Самые умные бросились резвиться, купаться и загорать. Самые глупые принялись занимать и огораживать участки, объявив их своей собственностью. Весь день их прошел в недовольстве и тяжбах с соседями. Возможно, к вечеру кому-то из них и удалось доказать свое право на жалкий клочок берега, но уже пора уезжать. И самыми счастливыми оказались те, кто не теряли времени на дележку песка, которого и без того навалом, а занимались тем, ради чего и прибыли к морю: наслаждались солнцем, волнами и свободой. Вся человеческая история — это бессмысленная дележка песка.

Мог ли при таком отношении к жизни я когда-нибудь всерьез вжиться в этот мир? Никогда! Однако вжился. И вжился с кровью. И все из-за этой мерзавки Галатеи.

Но если быть справедливым до конца, нельзя не сказать, что мое падение началось задолго до Галатеи. К нему меня шаг за шагом подталкивали две молодые женщины. Однако этих особ, из-за которых моя жизнь дала трещину, породила все та же пресловутая смертельная тоска.

«Знаете ли вы, что такое смертельная тоска? — спросил я в дневнике, обратившись неизвестно к кому. — Если не

знаете — вы счастливейший из смертных». Насколько мне известно, она посещает не каждого? Безусловно, это привилегия художников, но опять-таки не всех, а тех, которые растрачивают свое время по пустякам.

Тоска накатывает преимущественно ночью, особенно после пустого бестолкового дня. Она обволакивает чем-то вязким и зеленым и начинает нашептывать, что жизнь не бесконечна, и ты в ней не вечен, а за гробом пустота. А ты, скорее, случайность под этим небом, апофеоз генетических ошибок, и как ты ни молод сейчас, все равно тебя не минует острая коса смерти.

И вот уже представляешь себя на белой простыне под тусклой лампочкой в кругу плачущих родных. За окошком темно, на душе темно, темно в углах твоей квартиры, в глазах близких и во всех развешанных над тобой картинах, составляющих некогда смысл твоего существования. И куда бы ты ни кинул взгляд в ту отвратительную минуту, отовсюду на тебя надвигается эта густая бездонная чернота. И вдруг прямо на глазах начинают чернеть ногти рук, замогильно леденеть ноги, потом мучительные судороги, и, наконец, кульминационный момент, когда язык (независимо от того, сколько ты трепал им в этой жизни) проваливается внутрь и затыкает глотку. В глазах чернеет окончательно, и не просто окончательно, а — на вечные века. И ты с тоской осознаешь, что через мгновение станешь роскошным кормом для червей, а этот мир как жил своей суетливой, торопливой, может быть, скучной, но все-таки солнечной жизнью, так и останется жить, и ничто в нем не изменится с твоим исчезновением...

Теперь я понимаю, что подобное снисходило ко мне как предупреждение за пассивность и лень. У каждого свой путь к спасению души. Мой — заключался в картинах. «Но ты транжиришь время, художник, а с ним рискуешь потерять бессмертие», — вот что не удалось мне услышать тогда. Ведь самое бесценное, что есть в этой жизни, — и есть время, отпущенное нам для совершенствования. И мой мастер не уставал повторять: «Не теряйте времени — творите! Не всем дано право творить. Вы это право заслужили прошлыми жизнями».

Но и без его наставлений я знал, что Божью искру, не подкрепленную трудом, ждет та же участь, что и костра, не подкрепленного дровами. Точнее сказать, что костер без дров вообще не может существовать. Словом, я трудился. Тру-

дился дни и ночи. Боже, как добросовестно я трудился! И энергии было достаточно, и фантазии — хоть отбавляй.

Но что случилось на двадцать втором году от рождения меня? Меня заметили. Меня назвали гением. Мне стали авансом возносить хвалы. Нет-нет, я не заболел звездной болезнью, как последний провинциальный идиот, а скажем мягко: «слегка прихворнул». И этого было достаточно, чтобы чуть облениться, или свысока взглянуть на своего собрата по кисти. Словом, я «дал слабинку», и расплата не замедлила явиться.

«Что в жизни никогда не остается в долгу, так это расплата за высокомерие», — записал я в дневнике, и в прихожей раздался звонок.

«А вот это уже излишне, — усмехнулся я. — Квартира открыта настежь». Я прошлепал в коридор и распахнул дверь. Передо мной стояла толстая медсестра, а из-за ее плеч выглядывал угрюмый санитар с носилками.

— Вы вызывали «скорую»? — спросила она.

— Нет, — ответил я кротко.

Сестра подозрительно взгляделась сначала в меня, затем в пространство за моей спиной и наконец остановилась взглядом на выбитом замке.

— Эта квартира восемь?

— Восемь, — подтвердил я.

— Здесь отравились газом?

Пришлось здесь круглые глаза и театрально втянуть голову в плечи.

— Вас дезинформировали. Здесь никто не отравлялся.

Медсестра повела носом и снова подозрительно посмотрела на раскуроченный замок.

— Странно, — произнесла она с раздражением. — «Неотложку» вызвала некая Мария Ивановна.

— Впервые о такой слышу, — развел я руками, невольно покосившись на соседскую дверь. «Не дай Бог, сейчас выглянет...»

Но она, слава Богу, не выглянула. И бригада скорой помощи, ворча и проклиная темноту в подъезде, отправилась обратно, на ходу грозя, что в это район они больше ни ногой.

После того, как дверь подъезда яростно хлопнула, я полез в шкаф, достал гвозди, молоток и стамеску. Все-таки нужно починить замок. Дверь, судя по всему, была выбита одним пинком. Сам замок почти не пострадал, если не считать лег-

кого изгиба язычка. В основном пострадала скоба, да еще косяк, от которого отлетела щепка.

Скобу я выправил двумя ударами молотка, язычок одним. Щепку от косяка приложил к прежнему месту и забил гвоздями. Через десять минут запор был восстановлен. Мне всегда без труда удавались хозяйственные работы. Быт меня никогда не напрягал. Закрывшись на ключ, я положил инструмент на место и зашел в залу. Увидев пустое кресло, я застонал и снова убежал на кухню. Ничего не поделаешь. Придется спать на тесном кухонном диванчике. Раскрытая тетрадь под настольной лампой по-прежнему лежала на столе. Однако на чем я остановился? Ах да: на смертельной тоске.

Тогда в юности я неправильно истолковал нисходящую на меня тоску. Я перепутал ее с одиночеством. Хотя только в одиночестве человек и способен по-настоящему творить. Не зря же Бог разрушил Вавилонскую башню, потому что не захотел принять коллективного творчества. И если сегодня вы спросить, откуда у меня взялась Алиса, семнадцатилетняя длинноногая акселератка, не лишенная некоторых прелестей, я могу ответить точно: ее породило одиночество.

Мне стукнуло двадцать четыре, когда мы столкнулись с ней на выставке одного новоявленного авангардиста. Сейчас затрудняюсь сказать, понравилась ли она мне? Тем не менее, из Дома Художника мы вышли вместе и побрели по сумрачному городу, беседуя о новых течениях в живописи, в которых она была абсолютной дилетанткой. Скорее всего, в ней что-то было, если за столько лет, перевидав множество красивых натурщиц, я решил пригласить в гости именно ее. А возможно так распорядилась судьба. Впрочем, в судьбу я тогда не верил. Точнее, верил, но не предавал ей значения...

Все! Хватит. Пора спать. Ведь завтра утром на работу.

Не раздеваясь, я лег на маленький диванчик, на котором можно поместиться только в скрюченной позе, и потушил настольную лампу. «Хлобыснуть что ли стакан водки для отрубона?»

3

В тот вечер было так же серо, как сегодня. Мы бодро топтали по затихающему городу в мою однокомнатную «хрущевку», и я расплылся крылатыми притчами своего учителя о творческом расцвете гения. По его словам, расцвет художни-

ка приходится на возраст от тридцати двух до тридцати восьми лет.

— И если в этот промежуток времени ничего не создашь, то в сорок, милая, ловить уже нечего, — добавлял я. — Если бы Гоген ушел из дома не в тридцать пять, а четырьмя годами позже, то мир бы уже никогда не увидел его великолепных картин.

Она слушала и кивала. Кивала и ни черта не понимала. Но все равно кивала, и я не мог определить, нравится мне такое послушное согласие, или наоборот? В тот вечер на меня напало небывалое красноречие. А почему бы не потрепаться после стольких лет молчания у мольберта? До начала моего творческого расцвета оставалось восемь лет, а до возраста Гогена одиннадцать. За это время можно нарастить такую технику, какая не снилась и Рафаэлю. А техника — фундамент любого дома. Что касается фантазий и способностей ухватить образ — их отсутствием я не страдал никогда.

В тот вечер я сам поражаюсь своему красноречию. Возможно, в прошлой жизни я был ритором. Я заявлял, что выше искусства может быть только само искусство. Я крыл последними словами Гегеля, который утверждал, что философия важнее искусства. Но философия находится всего лишь на плебейски умозрительном уровне, потому что требует слов, а там, за облаками, восприятие происходит через символы и образы, на которые открывает глаза прекрасное. Я наголову разбил Гете, полагавшего, что религия значительно выше искусства. Но к религии допускаются все, а к искусству избранные.

— Ведь быть талантливым, значит усечь те законы, по которым творился этот мир, а быть гением, значит творить собственные законы! — кричал я на всю улицу.

Кажется, я прошелся еще по Аристотелю, Дидро и Шеленгу. И, разумеется, всех их смешал с бульварной пылью. Зато обласкал старика Канта, который, как и я, полагал, что гении существуют только в искусстве. Закончил я все это выводом, что выше художников могут быть только Боги. Но и подобная наглость не возмутила мою собеседницу. Она так же послушно кивнула, и после этого я замолчал надолго.

Однако у подъезда, когда я предложил ей послушать Вивальди, мой голос предательски дрогнул, и она не могла не догадаться, что Вивальди — всего лишь повод, чтобы заманить ее в дом. Она также послушно кивнула и жеманно отвела глаза.

Пожалуй, не нужно было приплетать сюда Вивальди. Зачем великих впутывать в свои мелкие похотливые делишки? Между низким и высоким должна стоять четкая и жесткая граница. Теперь я это понимаю. А понимал ли тогда? Честно говоря, не помню. Но зато на всю жизнь запомнил, как екнуло в груди сердце, когда мы переступили порог моего жилища. Почему-то стало грустно, и я весь вечер не мог понять причину этой грусти.

Я ставил Корелли, Вивальди, Телемана, и она слушала с завидным вниманием. Я показывал свои работы, и она закатывала глаза. Я выбалтывал свои замыслы, о которых не рассказывал даже мастеру, — что мечтаю научиться рисовать во сне и, тем самым, пойти дальше тех италяшек, царапающих что-то на тему снов в жанре сюрреализма. Ведь они воспроизводят всего лишь клочки воспоминаний из своих ночных блужданий. Я же собираюсь писать точную потустороннюю явь. Она распахивала ресницы и долго с изумлением смотрела в глаза.

Тоскливо пиликала скрипка Вивальди, и сердце сжималось от новой неведомой печали. И я не мог не уловить в своем любимом концерте для скрипки с оркестром какие-то нотки обволакивающей безысходности. Мы пили не очень хорошее вино и заедали не очень дорогими конфетами. А за окном темнело. Проигрыватель продолжал играть, и я томился ожиданием той минуты, когда она запросится домой. Спohватись она вовремя, я с готовностью проводил бы ее на любую окраину города и никогда бы потом не помышлял о встрече. От этой мысли на сердце щемит и по затылку бегут мурашки. Ведь тогда бы моя жизнь потекла совсем по иному руслу.

Но она продолжала кивать и закатывать глаза, будто совсем забыла о тикающих над головой часах. А после одиннадцати из нашего района не выберешься, а стрелки, между тем, крались к двенадцати. Черт! Как невыносимо тоскливо ныла скрипка моего любимого Антонио. И диван у меня всего один...

Она встрепенулась только в половине первого. Она не заставила себя долго упрашивать. Она странно и застенчиво посмотрела в глаза, затем попросила ночную рубашку...

***Прокурору области
ст. советнику юстиции Л.Г. Уханову***

Докладная записка

После отъезда следователя Сорокина, наша группа продолжала обследовать место происшествия. Неожиданно в доме обнаружили следы тех же кроссовок (сорок второго размера) около дивана, стоящего в гостиной в трех метрах от стола. Стало очевидно, что преступник, добив Клокина, не сразу вышел из дома, а сначала проследовал к дивану. На второй этаж преступник не поднимался. А как раз там, в спальне за картиной находился сейф. В нем лежало четыреста пятьдесят тысяч рублей. Но, видимо, преступника деньги не интересовали.

Также пятна крови обнаружены в гостиной на полу в двух метрах от Клокина. Кровь, очевидно, от топора, который отлетел от спины жертвы. Убийца поднял его очень аккуратно, не задев паркет даже ногтем. Такое ощущение, что он наслаждался каждым своим движением. Добив Клокина, преступник, по всей видимости, положил топор в сумку, которая все это время висела у него на плече. Если бы он сунул топор за пояс, или продолжал держать в руках, то на пол бы накапала кровь.

По направлению его следов мы установили, что он направился не на улицу, а в глубину двора к мусорной куче. Канистра бензина стояла на пути его следования к кострищу. Однако следов кроссовок у кострища обнаружить не удалось из-за густой травы.

Возвратившись в дом, мы тщательно обследовали диван. Покрывало на нем было смято и пахло дорогой парфюмерией. Больше ничего особенного на диване обнаружено не было, но, когда мы сдвинули его с места, неожиданно увидели под ним бронированную дверь. Дверь была замаскирована под паркет и не сразу бросилась в глаза. Замок был гаражным. Нам удалось открыть замок и проникнуть внутрь. Это оказался подвал, три метра в высоту, три в длину и два в ширину. Он был совершенно пустым и почти весь (включая потолок), выложен белым кафелем. Пол из цельного листа нержавеющей стали. В середине пола — дыра диаметром десять сантиметров. В стену вмонтирован водопроводный кран. Ощущение в подвале странное — словно находишься в гигантской посудомойке. Судя по пыли, в подвал не входили более пяти лет, а может и больше. Предназначение помещения крайне непонятно. Подвал напоминает патологоанатомическую лабораторию.

Судмедэкспорт считает, что убийца либо мясник, либо патологоанатом. Два удара — и две черепных коробки по полам. Это под силу не каждому. На третьем он, видимо, выместил всю свою злобу.

P.S.

С правой стороны дома расположена дверь основного подвала. Его площадь около тридцати квадратных метров. Он почти пустой, если не считать четырех мешков с цементом, двух пустых бочек и нескольких лопат. Однако с левой стороны от входа мы обнаружили железную дверь с бетонным покрытием. Покрытие явно служило маскировкой. Нам удалось открыть дверь и проникнуть внутрь. Помещение оказалось простой кладовкой, площадью около десяти квадратных метров. В ней обнаружен льняной мешок с трикотажными изделиями.

*Начальник экспертного отдела
советник юстиции А.В. Звонарев
28 августа 2000 года*

4

На следующий день я проснулся с тяжелой головой. Черепушка раскалывалась. Я вышел из сна, точно выполз из глухого погреба с потайной дверью. Никогда еще утро не было для меня таким беспросветным. Даже мир снов отвернулся от меня, потому что в эту ночь мне не снилось ничего.

Я механически сполз с дивана и поплелся в ванную, стараясь не смотреть в зал, где стояло это ужасное кресло. Встав под душ, я начал раздумывать над тем, какой придумать повод, чтобы не пойти на работу. Вчера я нарисовался довольно основательно, а значит, все уже знают, что я приехал. Ничего не поделаешь: как говорится, нужно продолжать жить.

На автопилоте я пожарил яичницу, проглотил ее без всякого аппетита и вышел из квартиры. На лестнице мне попался дядя Коля, старший по дому. Он посмотрел на меня не очень доброжелательно и спрятал руку в карман.

— Сегодня газ не оставили? — спросил он хмуро.

— Ну, что вы, дядя Коля.

— Смотрите, а то отключу.

Я почти уже вышел из подъезда, но тут внезапно вспомнил про кресло.

— Вам не нужно кресло на дачу? Бесплатно!
— Что за кресло? — заинтересовался дядя Коля.
— Старинное, красивое, крепкое. По-моему, даже из красного дерева.

Старший по дому изменился в лице.

— А оно вам не нужно, что ли?

— Абсолютно! Если у вас есть время, то я готов вернуться и показать. Если понравится, то сразу и заберете.

Мы поднялись с ним на мой этаж, вошли в квартиру и я указал пальцем на эту антикварную прелесть из княжеской усадьбы, как заверили в комиссионке. Дядя Коля долго с недоверием вглядывался в обшивку, щупал ножки, цокал языком и без конца переспрашивал, намерен ли я отдать эту рухлядь бесплатно, или все-таки дать на бутылку?

— Да берите, берите, какая к черту бутылка! — поморщился я, стараясь не глядеть на кресло. — Оно совершенно не вписывается в мой интерьер.

Старший по дому одобрительно кивнул, как бы подтвердив, что кресло в отличие от интерьера предполагает желать лучшего. Поразмыслил, чмокнул губами и, наконец, похозяйски вцепился в резные ручки под бордовым бархатом. Когда он вынес его на площадку, я вздохнул с облегчением. После чего мне пришлось еще минут пять стоять у окна, чтобы дать дяде Коле время спуститься с креслом на первый этаж. И только после этого я отправился на работу.

Я пришел с опозданием на десять минут, но едва переступил порог офиса, ко мне сразу же метнулись взволнованные сотрудники.

— Слышали новость?

— Нет. А в чем дело?

Глаза секретарши, казалось, сейчас лопнут от ужаса. Она наклонилась к моему уху и прошептала:

— Вчера нашего шефа зарубили топором. Прямо на даче в Красном Яре. А вместе с ним Лешу, водителя. И еще Клокина...

— Клокина? — вздрогнул я. — И тоже топором?

— Всех троих топором. А Клокина порубали на кусочки.

— Не может быть, — пробормотал я, почувствовав головокружение.

Моя реакция на сообщение возымела эффект, потому что на лице секретарши отразилось удовлетворение. С минуту я молчал, глядя в ее распахнутые глаза, затем сглотнул слюну и выдал из себя:

— Откуда такие сведения?

— От милиционеров. Они приходили утром. И сегодня будут нас всех допрашивать. Составили список работников фирмы и велели начальству всех впускать и никого не выпускать.

— Какому начальству, если всех порубали? — пробормотал я и потопал в отдел.

В отделе никого не было. Как оказалось, все сотрудники отправились в зал заседания. Прошел слух, что именно там милиция начнет свои допросы. Пока же следователь отправился опрашивать родственников пострадавших.

Я подошел к столу, включил компьютер, чтобы написать отчет о командировке, но махнув рукой, отправился в зал. На мой приход никто не обратил внимания. Только спросили вместо приветствия, известно ли мне, что произошло. Я кивнул и сел в кресло, а мои коллеги продолжили взволнованно обсуждать:

— Это дело рук красногорцев, — убежденно жестикулировал всезнающий Сабитов, начальник отдела сбыта. И все с ним соглашались. Один только юрист Захаров скептически пожимал плечами.

— Но зачем? Деньги же им вернули?

— Много ты знаешь в своем юридическом отделе! — побагровел Сабитов. — Вернули, да не вернули! Если к рукам Рогова что прилипнет, то хрен когда отлипнет. Так он тебе и перевел! Держи карман шире!

— Я лично убедил Рогова перевести все в полном объеме, и шеф согласился, — пожимал плечами юрист. — Насколько мне известно, шеф в этот же день подписал «платежку» на полтора миллиона. Вот Анна Петровна не даст соvrать.

Все устремили взоры на главного бухгалтера, которая почему-то забилась в угол и, насупившись, смотрела в пол. Она растерянно обвела глазами присутствующих и как-то суетливо и очень неопределенно кивнула.

— Так были деньги переведены в Красногорск, или нет? — сдвинул брови Сабитов.

Бухгалтерша снова обвела присутствующих глазами, после чего ее испуганный взгляд остановился на Сабитове.

— Это не ваше дело, Виктор Павлович, — ответила она скороговоркой. — Ваше дело заниматься сбытом, а не лезть в финансовые дела. Вот, пожалуйста, идите и занимайтесь. В этом месяце вы недобрали сорок три процента от заплани-

рованного. А кто и за что убил нашего начальника, с этим разберется милиция.

После этого все возмущенно загалдели: одни встали на сторону Сабитова, другие на сторону Лебединой. Убийство начальства не могло не волновать. Ведь решалась судьба не только самой фирмы, но и ее сотрудников. Единственный, кто не участвовал в споре, это Гена Козлов. Он стоял у окна со скрещенными руками и смотрел на улицу. А ведь, пожалуй, только он мог внести ясность в это темное дело. Но так уж принято, несущий истину более молчалив, чем несущий вздор.

5

«Готовы ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?» — сурово спросил меня мой внутренний голос, когда выкрикнули мою фамилию. «Да! — мысленно воскликнул я. — Лгут из трусости, или из боязни чего-то потерять». Мне бояться нечего. Я уже все потерял. Единственное, что у меня осталась — эта сама жизнь, которой я больше не дорожу.

Именно с мыслями быть искренним я переступил порог кабинета нашего покойного шефа Рогова, в который по очереди приглашал следователь прокуратуры. На пороге я столкнулся с Козловым. Мы встретились взглядами, и он едва заметно усмехнулся. Я скорчил презрительную гримасу и вошел в кабинет.

За столом Рогова сидел белобрысый парнишка в очках лет двадцати семи, похожий на Шурика из «Кавказской пленницы». Я был наслышан о нем, как о самом крутом следователе в нашей области. Однако по виду не скажешь. Он кивнул на стул и первый протянул мне руку.

— Сорокин Валерий Александрович. Прошу.

— Ветлицкий Александр Викторович, начальник отдела планирования, — ответил я, неохотно тряхнув его кисть.

Он не очень долго всматривался в мою физиономию и как-то сразу по-деловому принялся сыпать вопросами. Еще не успев расположиться на предложенном стуле, я безошибочно угадал, что моя персона не представляет для него интереса.

— В каких отношениях вы были с Роговым, — спросил он скороговоркой.

— Можно сказать, ни в каких, — ответил я. — Во всяком случае, в дружеских не был. Отношения у нас были чисто деловые...

— Тогда почему, когда на него «наехали» бандиты, он побегал искать защиты у вас? — сощурился следователь.

— Наверное, потому, что никакому рэкету не взбредет в голову искать его у меня, — ответил я, пожав плечами. — Думаю, именно этим он руководствовался, когда отправлялся ко мне. А на самом деле, его ко мне послало проведение. Он мой злой рок. Не зря же его фамилия Рогов.

Откровение насчет рока и провидения не понравилось следователю. Он пристально посмотрел в глаза, пытаюсь определить, не насмехаюсь ли я над ним? Ничего не определив, сыщик явно занервничал. Он сделался чрезвычайно серьезным и спросил с металлом в голосе:

— Говорил ли он вам, кто на него «наехал»?

— Нет! Кто заказал, говорил. Это представители Красногорского завода лекарственных средств.

— Вы в курсе дела, что за инцидент произошел в Красногорске, — шевельнул бровями следователь, продолжая сердито сверлить меня взглядом.

Мне ничего не оставалось, как театрально развести руками.

— Я знаю не больше других. Вряд ли я смогу добавить что-нибудь новое. С Красногорским заводом мы сотрудничаем давно. Месяц назад наш КамАЗ отправился туда за грузом. Как я слышал от ребят, они прибыли туда в обеденное время. Бухгалтерия обедала, а склад был открыт. Рогов договорился на складе, чтобы в целях экономии времени начали загрузку КамАЗа без документов. Вернутся с обеда бухгалтерста — и оформят задним числом. КамАЗ загрузили лекарствами и выгнали за пределы предприятия, поскольку во дворе было тесно. Но оказавшись на улице, Рогов неожиданно приказал водителю гнать домой без всякого оформления. Красногорские коллеги позвонили только через три дня и потребовали перечислить деньги в полном объеме. Это полтора миллиона в рублях. Рогов прикинулся шлангом. Ответил, что в Красногорск он никакой КамАЗ не гонял, что ребята чего-то путают, и что если у них есть какие-то претензии к «Симбир-Фарм», пусть подают в суд. Сами понимаете, о каком суде может идти речь, если не отмечены даже путевые листы. На следующий день из Красногорска приехали два представителя, которые наивно попытались воззвать Рогова

к совести. Но это также бесполезно, как взывать к совести каменную статую...

— То есть, действия Рогова вы считаете аморальными, — перебил меня следователь.

— А какими же мне их еще считать? — удивился я.

— Почему в таком случае вы продолжали работать в этой фирме? — строго спросил следователь.

— Наверное, потому, почему и вы продолжаете служить государству, которое десять лет назад предало национальные интересы граждан, — миролюбиво ответил я.

Следователь немного помолчал, затем продолжил более спокойным тоном.

— Значит, действие Красногорских гостей вы не считаете из ряда вон выходящими?

— Что они наняли рэкет? Вполне обыденное явление! А что им еще оставалось? Честно говоря, мне на это дело наплевать, поскольку дело меня не касается. Но если бы коснулось, я бы на их месте поступил также. Ни в милицию же обращаться!

Следователь удовлетворительно крякнул. Мой ответ ему понравился. Он перегнулся ко мне через стол и полупшепотом спросил:

— По-вашему, Рогов был мерзавцем?

— Еще каким! — усмехнулся я. — Но почему по-моему? Так считают все.

— Считают все, но не все об этом говорят, — подмигнул Сорокин и откинулся на спинку стула. — А в каких отношениях вы были с Клокиным?

— Ни в каких, — ответил я, невольно вздрогнув от этой фамилии. — За пять лет работы в фирме я его видел только четыре раза. Он возглавляет дочернюю фирму в районном центре.

— Понятно, а что вы можете сказать о моральных качествах шофера, который угнал КамАЗ?

— Угнать ему приказал начальник. Причем здесь моральные качества? — пожал плечами я.

— Я поговорил со всеми вашими водителями. Все уверяют, что никто, кроме Петрова, не стал бы выполнять такой приказ. Да и никому, кроме него, Рогов не посмел бы его отдать.

Я снова вздрогнул. Только сейчас до меня дошло, что зарубленный на даче водитель и есть тот тип, который угнал КамАЗ.

— Вы что же думаете, убийства связаны с угоном лекарств?

— Разумеется.

— Но ведь Рогов перегнал в Красногорск все до копейки. Лебедкина при мне перечислила на их счет полтора миллиона рублей.

— Как бы не так! — усмехнулся следователь.

ТРОЕ ЗАРУБЛЕНЫ ТОПОРОМ

Идеи Раскольниковова витают в воздухе нашего края

(газета «Симбирские Вести»)

Неведомое по своей жестокости преступление произошло вчера вечером в селе Красный Яр. В особняке председателя АО «Симбир-Фарм» неизвестный зарубил топором троих работников вышеназванного предприятия: самого главу «Симбир-Фарма», хозяина особняка, его заместителя, директора дочернего предприятия в Чердаклинском районе и водителя. Как стало известно нашему корреспонденту, преступление было совершено около пяти вечера. В это время хозяин соседнего дома Леонид Чебыкин был во дворе и не слышал никаких звуков. В половине седьмого он обнаружил труп в доме своего соседа и сразу вызвал милицию. По словам очевидца, с потерпевшим он почти не общался, поскольку последний бывал в этом доме редко. Отдыхать Рогов предпочитал в другом загородном доме, а здесь появлялся не больше одного раза в месяц.

Вчера, по словам Чебыкина, около десяти утра во двор соседа въехал фиолетовый «Джип», и сразу после этого началась гулянка. Из-за забора доносились громкая музыка, пьяная речь и свисты. Где-то к полудню компания утихомирилась и принялась жарить шашлыки. После этого сосед еще некоторое время слышал их пьяные голоса, но ближе к пяти все утихло. В половине седьмого Чебыкин отправился к Рогову поговорить с ним по поводу совместного асфальтирования дороги. Калитка была открыта. Ничего не подозревающий сосед спокойно проследовал через двор к дому и постучался в дверь, которая тоже оказалась незапертой. Поскольку на стук никто не откликнулся, Чебыкин толкнул дверь и увидел, что в прихожей лежит труп с кровавым куском мяса вместо головы. Сосед сразу побежал

вызывать милицию. Приехавший милицейский наряд обнаружил в доме еще два трупа.

Работники прокуратуры комментировать происшествие отказались. Однако, как стало нам известно, расследование этого дела взял под контроль губернатор, поскольку преступление выходит за рамки своей ординарности. По нашим данным, следственная комиссия ежедневно отчитывается перед прокурором области.

Ничего подобного, в нашем сравнительно тихом регионе не наблюдалось уже с восемьдесят девятого года. Тогда в восемьдесят девятом горожан ошеломило расчленение четырнадцатилетней девочки Ольги Соколовой, части тела которой были обнаружены в разных концах города. Напомним, что аналогичных преступлений было два: в восемьдесят восьмом и восемьдесят девятом году. Обе жертвы были одного возраста и одного роста. У них был похожи глаза и волосы. Их обоих звали Ольгами.

Родители Ольги Соколовой после исчезновения дочери ездили к болгарской прорицательнице Ванге, и она предсказала, что «маньяк-потрошитель» будет пойман после третьего похищения девочки по имени Ольга.

Тогда расследование этих преступлений также было на контроле губернатора. После пропажи Соколовой сняли с должности прокурора области и второпях обвинили водителя директора молокозавода Владимира Агеева. Обвинение было построено только на одном факте, что Агеев был частым гостем в доме Соколовых, а после исчезновения девочки, перестал приходить в гости. По нашим сведениям, это дело до сих пор не закрыто, а от водителя до сих пор не получено признания, несмотря на мощное психологическое давление. Подозреваемый все эти годы находился в психиатрической больнице имени Карамзина.

Не подобным ли путем собирается пойти нынешний прокурор? То, что прокуратура отказывается от комментариев, говорит о слабости следствия. Однако наша газета намерена провести свое независимое расследование. Уже удалось узнать, что подобные убийства не так уж новы для нашего региона.

В областном архиве хранится дело 1864 года, которым занимался известный симбирский следователь Иван Соколовский. Суть его такова: некий молодой человек нигилистских взглядов зарубил топором старуху-процентщицу и ее служанку с целью завладения ее сбережениями. Сделал

он это с убеждением, что деньги ему, человеку передовых воззрений, принесут больше пользы, чем старушке. У многих горожан этот факт вызовет недоумение. Совершенно верно! Именно Соколовский рассказал Достоевскому об этом уголовном деле. В то время писатель работал над другим романом под названием «Пьяненькие», где главным героем был Мармеладов. Однако роковая встреча с нашим земляком в корне изменила мысль его будущего произведения. Так что идеи Раскольникова еще витают в воздухе нашего края.

6

Меня целый день не покидало чувство какой-то животной недосказанности. Так бывает, когда задумываешь одну картину, а в результате получается другая, которая на ранг ниже той, которая представлялась в воображении. Я ушел от следователя крайне разочарованным, не сказав ему полной правды, потому что он не был к ней не готов. Оказывается, мало донести правду, к ней еще нужно подготовить. Она также как и человеческое общество подразделяется на высшие и низшие сословия. Что касается Рогова с Петровым, то они относились к самой низкой человеческой категории — к роду Ханаана. Одно непонятно, как в эту компанию затесался Клокин?

Вечером было тяжело возвращаться в свою однокомнатную келью. Можно, конечно, отправиться в ресторан, в общество, в народ. Можно, конечно, попить вина, потанцевать, подурачиться, снять, наконец, проститутку. Но моя душа (пусть даже уже загубленная) не нуждалась в удовольствиях. Она нуждалась в человеческом общении. Мне нужно было выговориться. Но перед кем? Перед иконой? Это уже невозможно. В Его глазах меня уже не существовало. Друзей у меня нет, а женщинам я не доверяю.

Войдя в квартиру, я сразу в плаще и обуви проследовал на кухню и записал в своем дневнике: «Друзей у меня нет, а женщинам я не доверяю». Почему не доверяю? Потому что вся моя жизнь — это последовательное разрушение моей личности женщинами.

Я опустился в кресло и задумался. Фраза, которую я записал в дневнике, была истиной в первой инстанции. Наверное, бывают и другие женщины, но мне были ниспосланы именно

эти, растащившие мою душу на части. Я себя чувствовал цельным только тогда, когда бывал один. Бывать одному ужасно. Но для меня это единственный способ оставаться самим собой.

Впрочем, у меня с детства складывалось так, будто сама судьба предупреждала, что от совместного жития я буду иметь только страдания. Мне кажется, я поспешил появиться на свет. Возможно, мне готовилось более достойное рождение, но я был нетерпелив. Мне хотелось поскорее на Землю.

Родился я в Куйбышеве в одном из барачков Механического завода, в котором работал мой отец. В моей памяти его образ встает весьма смутно. Лица не помню совсем. Когда в подростковом возрасте матушка показала мне его фотографию, я был очень удивлен. В моем представлении он был совсем другим, более строгим и более серьезным. А так: простой самарский чувачек с глуповатой улыбкой и рыжей копной волос. Наиболее характерный портрет отца, оставшийся в моей памяти и дополненный моим воображением, — это высокий элегантный мужчина с накинутым на плечи пиджаком, гордо разгуливающий по коридорам барака. Самое яркое впечатление от общения с ним — порка ремнем. Он порол меня почти ежедневно, после того, как мы с матерью возвращались из детского сада. Порол по заднице, с наслаждением, зажав мою голову между колен. Процедура не самая приятная, однако запоминающаяся.

Помню, как мы с матерью бегали от него ночью. Это случилось неоднократно: он был страшным скандалистом и любил поддаться. Все эти скандалы, по словам матери, случались на почве ревности. Я даже помню, как он набрасывался на мать с ножом, но ей каким-то образом удавалось отбиться.

Словом, отец у меня всегда ассоциируется с водкой, скандалами и ремнем. Когда в анкете я подхожу к графе «сведения о родителях», моя рука без всякого трепета ставит на отце прочерк. Лучше вообще не иметь родителя, чем иметь такого. Словом, большой досады от того, что у меня практически не было папы, я не ощущал.

Когда мне исполнилось шесть лет, мы драпанули от него в Ульяновск, и тоже под покровом ночи. Это было окончательное наше бегство из Куйбышева. До этого они с матерью сходились и расходились несколько раз. В жизни у них что-то не ладилось, и они решили родить меня — для связки семейной жизни, как потом с юмором вспоминала матушка. Однако мое появление на свет не помирило родителей. И если

взять мой период жизни от рождения до шести лет, его можно охарактеризовать как одним сплошным переездом из Куйбышева в Ульяновск.

Не могу сказать, что я каким-то образом страдал от подобного кочевого бытия, переживал от скандалов, или испытывал стресс. Радость жизни, хлеставшая через край, помогла мне переносить все эти семейные неурядицы с удивительной легкостью. Месяца за три перед школой отец выкрал меня у матери и увез обратно в Куйбышев.

Случилось это в воскресенье. Мы с матерью мирно лежали на Свяжском пляже, и вдруг ее охватило беспокойство. Она поднялась и стала тревожно озираться по сторонам. После чего произнесла, зябко набросив халат:

— У меня такое предчувствия, что сейчас появится отец. Пошли-ка, дружок, домой...

Предчувствия ее не обманули. Не успел я выразить протест против возвращение домой, как появился он. Мой родитель элегантно шествовал по берегу с пиджаком через плечо и папиросой в зубах. Увидев нас, папашка приблизился, и они обменялись с матерью довольно сухими приветствиями. При этом глаза его сверкнули несусветным бешенством, и мать торопливо застегнула халат на все пуговицы.

Как я уже упоминал, мой родитель был чрезвычайно ревнив, и любое обнажение телес моей матери (даже на пляже) могло кончиться плачевно. А она была женщиной красивой и при фигуре.

Словом, до дома мы добрались хоть и в напряженном молчании, но без эксцессов. Они перекидывались рублеными фразами, а я шел посередине, сосредоточив внимание на самолете, который вручил мне отец в качестве подарка.

Перед самой калиткой родители круто разлаялись. Мать забежала в дом и позорно закрылась на крючок. Чтобы дверь оказалась не выломанной, матушка прибегла к помощи деда. Дед вышел на крыльцо и послал отца... обратно в Куйбышев. Слова деда ввели моего родителя в окончательное уныние. Вот тогда-то он мне и сказал:

— Пойдем, я куплю тебе шоколадку. Только оденься.

Последнее показалось мне совершенно излишним. Я привык ходить по Ульяновску босым и в одних трусиках. Чем не одежда? Даже майка мне было не нужна. Тем не менее, спорить с родителем не стал. Зашел в дом, деловито напялил тенниску и шорты, влез босыми ногами в сандалии и, ни о чем не подозревая, побежал к отцу.

Самой странной в этой истории оказалась реакция моей матери, точнее, отсутствие какой-либо реакции. И еще полное равнодушие деда. Если последний всегда был несколько отстранен от мирской жизни (он был верующим, ходил в церковь и даже пел в церковном хоре), мать не могла не знать о коварстве своего мужа. Купив шоколадку, отец неожиданно предложил мне прокатиться на самолете. Против самолета я тоже ничего не имел, однако уточнил, сколько времени займет это удовольствие?

— Слетаем до Куйбышева и обратно. Вечером будешь дома, — ответил родитель.

Ответ меня вполне удовлетворил. Но в аэропорту в голову закрались сомнения по поводу возвращения домой к вечеру.

— Вернемся завтра! — не моргнув глазом, соврал отец.

Помню, этот перелет в Куйбышеве я перенес плохо. Меня тошнило и рвало. Я тогда конечно не понимал, что это знак моей предстоящей нелегкой жизни с отцом. Не знаю, как бы среагировала на мое исчезновение мать, если бы в Куйбышеве у барака меня случайно не увидела родная тетка.

— Ты разве здесь? — выпучила она глаза.

— Да! Меня папа прокатил на самолете. Завтра мы полетим обратно.

Она видимо и позвонила матери, сообщив, что со мной все в порядке, мол, я при отце, и нет никакого повода для беспокойства. Тем более что не нынче завтра отец отвезет меня обратно. Однако ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю, ни через месяц назад он меня не отвез. А мать забрать меня обратно почему-то не спешила.

Впрочем, жизнь с отцом была для меня не столь уж и обременительна. Родитель с утра отправлялся на работу: давал мне сорок копеек на пирожки и исчезал до позднего вечера, а иногда — на несколько суток. После работы он непременно загуливал, а я покупал себе мороженое и сто грамм карамели. Мне хватало, чтобы не умереть с голоду. Питался ли я чем-нибудь еще, честно говоря, не помню. Но то, что я голодал, этого в памяти не отложилось. Также не отложилось и ничего негативного по поводу моей беспризорности: мне было все хорошо, даже когда я остался в бараке один одинешенек.

Это случилось месяца через два, после моего приезда. Барак, в котором мы жили, на моих глазах начали разбирать. Из него уже выехали все соседи, вывезли всю мебель и выкрутили все лампочки с патронами, а отец все не появлялся. Только тогда, когда обрушили полбарака и разобрали крышу, он, наконец, соизволил выйти из-за гула, и мы переехали в отдельную квартиру. Там, я совсем не помню отца. Квартиру помню, отца — нет. Кажется, он даже перестал приходить домой ночевать. Рассказывали, что я до самой ночи слонялся по двору, а потом забирался на пятый этаж, садился на ступеньки и засыпал.

Но все когда-то кончается. И моя вольная Куйбышевская жизнь тоже закончилась. Как-то утром я сидел на подоконнике и смотрел на прохожих. И вдруг не поверил глазам: по улице, как ни в чем не бывало, вышагивал дед. Я так закричал, что качнулись верхушки лип. В ту же секунду я выпрыгнул из окна (к счастью, мы жили на первом этаже) и радостно кинулся ему в объятия. Мне и по сей день кажется, что не заметь я его тогда, он бы прошел мимо.

Дед увез меня обратно в Ульяновск, так и не зайдя в квартиру и не поговорив с отцом. Впрочем, в этом не было необходимости. Его все равно не было дома, а все мое, тениска, шорты и сандалии на босу ногу, было на мне. С тех пор я отца не видел.

И слава Богу! Поскольку в нем я абсолютно не нуждался. Позже у меня был отчим. Никакой особой радости от его появления я не испытывал, как, впрочем, и досады, хотя моя личность в глазах матери как-то резко поблекла и отодвинулась на второй план. Не знаю, возлюбила ли она его как саму себя, но все внимание теперь уделялось этому чужому дяденьке. Лучшие куски доставались ему, а на меня была взвалена вся грязная домашняя работа. По дому отчим принципиально ничего не делал. Он целыми днями валялся на диване, на котором раньше валялся я, и почитывал газеты. Когда матери не было дома, он жарил себе мясо, а потом бесшумно ел со сковородки, прикрывшись газетой, чтобы я не видел. Но мог бы и не прикрываться: к мясу я был равнодушен, как, впрочем, и ко всем удовольствиям, связанными с чревоугодием.

Мне вообще было несвойственно чувство обиды. Мне все было прекрасно. Мне всегда и везде и со всеми было уютно и весело. Я не испытывал никакого ущемления от того, что мо-

ей персоне не оказывали должного внимания. Черт с ним, с вниманием! Жизнь и без внимания стоящая штука!

Мать рассталась с отчимом через пять лет. Нельзя сказать, что с его уходом я ощутил какую-то утрату. Более того, я, кажется, испытал радость, несмотря на то, что он забрал магнитофон и мопед. Так что слово «отец» для меня, скорее, что-то чужеродное, нежели родное. Без мужчины в доме я чувствовал себя более комфортно. А вот без матери мне приходилось туго.

Все мое детство можно разделить на два этапа. Первый, ранний — это вечное опасение, что отец выпорет ремнем, второй, поздний — это вечное ожидание матери.

После того, как дед привез меня в Ульяновск (и то только потому, что мне нужно было в школу), мать определила меня в интернат.

Я ждал ее по средам, когда был родительский день. Ждал со страхом, потому что на меня жаловались. Я был очень энергичным и подвижным. Почему-то мое бурное проявление жизнерадостности воспитатели воспринимали как хулиганство. Сколько себя помню, я всегда стоял в углу и ковырял штукатурку, пытаясь таким образом изобразить на стене что-нибудь художественное. За это меня наказывали еще кручи: ставили на всю ночь в коридор, или лишали ужина. И к тому и к другому я относился с английским спокойствием. Что делать? Искусство требует жертв!

На выходные меня забирали домой. Если за мной приходил дед, это был праздник. Все, что ему высказывали относительно моего поведения, он пропускал мимо ушей. Мать же меня отчитывала, награждала затрещинами и в наказание запрещала смотреть телевизор. Однако она сердилась недолго. Кормила и выпроваживала на улицу. Затем запирала дом и уходила, напомнив, что скоро должен вернуться дед. Но дед возвращался не скоро. После вечерни он любил забрести к какой-нибудь старушке, а я бегал по сугробам с деревянным автоматом и расстреливал врагов. Ближе к полуночи, перестреляв их целый дивизион, мне становилось немного тоскливо. Окна нашего дома по-прежнему оставались черными, а ноги и руки уже порядком окачивали. Но тоскливо было не от мороза, а от одиночества. Я смотрел на луну, и мне казалось, что я один на всем свете. Однако в отчаянье не впадал, ибо всегда выходила соседка и, костеря мою матушку, брала к себе в дом. Соседи давали мне карандаш с

бумагой, и я рисовал. Насколько себя помню, я всегда рисовал в ожидании мамы.

Следователь В.А. Сорокин

Конфликт между «Симбир-Фармом» и Красногорским заводом лекарственных средств мне до конца не понятен. В частности нет ясности в том, на каких условиях красногорцы согласились замять этот инцидент с КамАЗом, и замляли ли вообще? Думаю, об этом станет известно после допроса Мордвинова и Самойлова, сотрудников Красногорского завода, приезжавших разбираться. Они оба задержаны московскими коллегами и уже дают показания. Словом, я жду результатов.

Что касается Рогова, которого преступник зарубил первым, а это явное свидетельство того, что убийца охотился именно за ним, то его портрет в глазах подчиненных выглядит не очень симпатичным. У большинства допрошенных убийство их начальника не вызвало сочувствия. Многие предполагали, что именно этим и закончится его карьера. Махинация с КамАЗом также никого не удивила. По словам работников «Симбир-Фарма», для их шефа подобный инцидент — вполне заурядный случай. Рогов никогда не упускал случая прихватить то, что плохо лежало. В большинстве случаев это сходило ему с рук. Но красногорцы оказались упорными. Они «наехали» на Рогова так энергично, что для него, как свидетельствует охрана, это явилось неожиданностью. Поэтому он так быстро и пошел на попятную, распорядившись оформить сделку документально.

Я ознакомился с договором и платежами. По документам деньги за товар были перечислены 27 июля, но возможно Красногорцы потребовали возмещение убытков.

Не удивило сотрудников фирмы и убийство водителя Петрова. По их словам, он — любимчик Рогова, и поэтому в фирме на особом положении. Работает Петров с самого основания АО, и он на пару с шефом обдeldывал какие-то делюшки. Подробности еще не прояснены. Единственный, кто вызывает недоумение, — это Клокин. С ним Рогов не был в панибратских отношениях.

С Клокиным — полная неясность. Он уже больше двух недель находится в официальном отпуске. Его секретарь

уверяет, что Клокин за границей. Во всяком случае, он туда собирался.

Удалось мне поговорить и с женой Роговой. По ее словам, в день убийства муж вышел из дому в семь утра, хотя обычно выходил в восемь. Его у дома ждала машина. Ровно в девять Рогов появился в фирме. Пробыл в ней не более пяти минут. Подписал четыре договора на поставку медоборудования и ушел, приказав бухгалтеру оформить двухдневную командировку ему и Петрову. По словам секретаря, он был необычайно возбужден и очень спешил. Водитель Петров тоже заходил в офис выпить минеральной воды. Клокина никто не видел. Что-то здесь не так.

29 августа 2000 года

8

Я взял ручку и записал в дневнике: «Искусство — это всегда ожидание чего-то...» Немного подумав, я зачеркнул «чего-то» и написал «любимого человека». Все великие вещи написаны в ожидании любимого человека. Болдинская осень Пушкина — это ожидание встречи с Натали...

За окном уже стемнело. На небо высыпали звезды. В черном стекле, кроме настольной лампы, опять отражался мой унылый силуэт. Я снова не замечаю звезды, а вижу только себя. Зрелище не доставляет удовольствия. Мне уже сорок два. «Я больше никогда не возьму в руки кисть, не потому, что я больше ее не достоин, а потому что мне больше некого ожидать...» — написал я в дневнике.

Я поднялся и поставил на плиту чайник. Затем через силу залез в холодильник и достал кусок сыра. Без всякой охоты я сделал себе бутерброд и насыпал в чашку заварки. Есть совершенно не хотелось, как впрочем, уже не хотелось ничего. Когда говорят, что несмотря ни на что нужно продолжать жить, мои губы расплзаются в понимающей улыбке. От нашего желанья продолжение жизни не зависит. Жизнь идет сама по себе. Точнее — катится, и — все больше по инерции.

Итак, мой художественный дар стал проявляться еще в раннем детстве. Я всегда ожидал прихода матери то в интернате, то в больнице, то у соседей, то в пионерском лагере. Рисовал, чтобы убить время. И все мне задавали один и тот же вопрос: «Кто тебя учил рисовать?»

Я пожимал плечами и напрягал лоб. Рисовать меня никто не учил. Это я помню хорошо. Прежде всего, потому что моим близким было не до меня. Рожденный для связки семьи и не выполнивший своей миссии, обязан родителям доставлять как можно меньше хлопот. Я это чувствовал, но хлопоты со мной были, прежде всего, из-за моей подвижности. Меня наказывали за все, даже за то, за что впоследствии восхваляли. В первую очередь — за рисование.

Надо сказать, что рисовал я весьма нестандартно. Например, когда требовалось изобразить весну, и все естественно рисовали солнце, ручьи и птиц, я рисовал румяную девушку с распущенными волосами в виде ручьев. Ее объятия были распростерты, глаза сверкали, а на устах сияла блудливая улыбка. За столь вольное толкование этого времени года, меня поставили в угол на полдня. Полдня — это пустяки. А стоять у доски — вообще удача. Когда учительница углублялась в чтение, можно было присесть на урну и отдохнуть. Правда, меня всегда выдавали одноклассники своим жизнерадостным ржанием, но я на них не в обиде.

А однажды на уроке рисования у меня что-то не получилось, и я закрасил весь лист черной краской. Если бы учительница имела представление о Малевиче, то поняла бы, что я в точности скопировал его Черный квадрат. Однако увидев мою копию, она, молча, схватила меня за ухо и легким движением руки направила в угол.

— Что ты этим хотел изобразить? — кричала потом завуч, тыча в нос моим Черным квадратом.

— Темную ночь... Только пули свистят по степи... — неуверенно отвечал я.

— И где же пули?

— Они только свистят. Звук пока еще не научились отображать в изобразительном искусстве...

За столь остроумный ответ, который почему-то сочли издевательством, меня лишили ужина.

Уже намного позже, лет в семнадцать, мои авторские пояснения к картинам стали слушать более внимательно. Выставлять меня начали довольно рано, лет с пятнадцати. И больше всего народа собиралось у моих работ.

— Почему у вас деревья с руками и головами? — сердито попытался один известный искусствовед регионального значения.

— Это не деревья, это люди, — отвечал я. — Точнее, символ людей. Они корнями вросли в земную жизнь, а сами тянутся к небу...

— Лично я не тянусь к небу, — презрительно скривил губы критик. — А это что за святотатство? Сквозь осыпанную икону проступает голая девица.

— Это Вавилонская блудница, — миролюбиво пояснял я, давая в себе раздражение от тугоухости регионального искусствоведа. — Человечество прошло сложную эволюцию от примитивного плотского влечения к сложному возвышенному чувству. И вот сейчас в духовной эволюции человечества наблюдается обратный процесс: все современное искусство направлено на то, что бы снова будить первобытные инстинкты...

— Что ты знаешь о человеческой эволюции? — презрительно фыркали критики, и в их глазах читалось: «Кто ты такой, чтобы сметь размышлять о таких глобальных вещах?»

Но я не размышлял. Я просто рисовал то, что видел. Что касается человеческой эволюции, то о ней я знал все. Нельзя сказать, что о смысле человеческой жизни я вычитал в теософской литературе, вовсе нет! Человеческую эволюцию я просто видел, как видят с самолета извилистую ленту реки или серебристую полосу железнодорожной линии. Я даже искренне удивлялся тем людям, которые не видели человеческой эволюции. Ведь это так очевидно.

Как можно ее не видеть, когда в духовной эволюции человечества наблюдается удивительная последовательность, несмотря на кажущуюся хаотичность и случайность. В истории нет места случайностям. Каждая эпоха в духовную копилку человечества опускала что-то свое. Греки принесли на землю понятие красоты, христианство — понятие любви, были времена, когда человек осваивал другие моря и континенты, но сейчас он стоит на пороге освоения других миров. Если это кто-то связывает с космическими полетами, то сильно ошибается. Технический прогресс только тормозит духовное развитие человека разумного. Что принесли ему эти сорок лет полетов на ракетах за пределы нашей атмосферы: счастье, прозрение, доброту? Может, просветление, может, миропонимание? А может, новое направление в искусстве? Пожалуй, если за его высшее проявление считать тех космических уродов, которых расплодил Голливуд.

Едва на следующее утро я переступил порог офиса, ко мне сразу метнулась секретарша с розовым от волнения лицом.

— Слышали новость? Лебедкину арестовали.

— За что? — изумился я.

— Как за что? — выпучила глаза Вероника. — Неужели не догадываетесь? Из-за нее грохнули нашего директора.

Я вздрогнул и увидел на лице девушки неопишное удовлетворение. Сказанное возымело эффект. Она с опаской повертела головой и, перейдя на шепот, поделилась секретной информацией:

— Оказывается, наша бухгалтерша не перевела деньги. Вернее, перевела, но не в Красногорск. Сейчас с этим разбираются финансисты из прокуратуры. Лебедкина там такое накуралесила.

— Она хотела их присвоить?

— Что вы? Просто прокрутить. А впрочем, — Вероника боязливо оглянулась, — возможно, и присвоить. Она такая. Решила, значит, под шумок воспользоваться. Думала, если Рогов пошел с красногорцами на мировую, значит, они отозвали рэкет. А если отозвали, то месяцок подождут, никуда не денутся. Оказывается, нет! Не такие уж бараны, наши коллеги. Одобряю! Молодцы ребята!

Тут откуда-то вынырнул юрист.

— Хватит трепаться, Вероника! Не могли убить рэкетеры! — вмешался он в разговор. — Не разноси сплетни. Просто смысла не было красногорцам снова обращаться к рэкету.

— Не скажите, Валерий Павлович! Рэкетеры могли по собственной инициативе потребовать мзду?

— Не спррю. Может, и могли. Но зачем рубить топором? Думаешь, стволов у них нет?

Юрист махнул рукой и исчез. А я отправился в отдел. В отделе сотрудники хоть и сидели на своих местах, но никто не работал. Некоторые даже не соизволили включить компьютеры.

— Кто теперь будет нашим директором? — с тоской вздохнула Маша, полируя пилочкой ноготок.

— Не беспокойся, поставят! — ответил Виктор, не отрываясь от газеты.

— Кто поставит, кто? — распахнула ресницы Маша. — Все начальство поубивали, а фирма частная. Она принадлежала только Рогову. У него контрольный пакет.

Виктор оторвался от газеты.

— По закону, директора должны избрать акционеры.

— Умалю вас! О каком голосовании может идти речь? В нашей-то шарашке, Виктор Павлович, — плачущим голосом пропела Маша, не отрываясь от ногтей, — вы, как маленький, право. Теперь фирмой будет управлять жена Рогова. А скорее, ее любовник.

Виктор оторвался от газеты и внимательно посмотрел на Машу:

— У нее есть любовник? Ты точно знаешь? Да ведь не знаешь. Я бы хотел посмотреть на того счастливого.

— Скоро помотришь, — подмигнула Маша.

В это время зазвонил телефон. Маша сняла трубку и протянула ее мне.

— Вас, Александр Викторович. Из газеты.

Я взял трубку и нехотя поднес к уху. Мои коллеги насто-рожались.

— Это Ветлицкий? — борзо раздалось из телефона. — Я расследую обстоятельства гибели председателя вашей фирмы. До меня дошли слухи, что месяц назад, когда на Рогова «наехал» рэкет, он прибежал к вам прятаться. Это правда?

Прежде, чем ответить, я окинул взглядом сотрудников, которые все как один наострили уши. Мне совсем не хотелось разговаривать с репортером желтой газеты, тем более, не удосужившемуся представиться, но и отказывать было неловко.

— Я не имею право разглашать информацию, пока идет следствие, — соврал я.

— С вас взяли подписку о неразглашении? — изумились в трубке.

Я опять задумался. Если я скажу, что взяли, то газета этот факт раструбит на всю область, да еще подаст как сенсацию. В этой желтой прессе вечно недержание, как при несварении. Если я скажу, что никакой подписки с меня не брали, то корреспондент не отвяжется. Тогда я решил сказать нечто нейтральное:

— Извините, но мне сейчас некогда. Начальство не одобряет, если мы в рабочее время обсуждаем посторонние темы.

Я положил трубку под явное одобрение коллег.

— Правильно! Нечего им давать информацию. Все равно переврут, — закивал головой Виктор. — Читали, какой бред они написали во вчерашней газете? Кого только не приплели к убийству: и Соколовского, и Достовского, и губернатора. А прокуратуру просто смешали с дерьмом... Ну, про губернатора понятно. На носу выборы. А газета как бы в оппозиции...

— А про Олю-то к чему вспомнили? — захлопала глазами Маша. — Причем тут Оля?

— А при том! — отрезал Виктор. — Что эти газетчики готовы на все, лишь бы их читали. Весь мусор сгребли в кучу, только бы сделать сенсацию. Хоть бы пощадили родителей этой Оли...

10

Итак, она звалась Олей. Хотя себя называла Алисой. И всем знакомым представлялась исключительно Алисой. Про Олю я уже узнал потом, когда взглянул в ее свидетельство о рождении. Паспорта у нее почему-то не было. Алиса была высокой, тонкой, зеленоглазой, с кудрявой копной на голове, как после выяснилось — химией. (Свои волосы у нее были прямые и жидкие). Можно сказать, она была первая, кто положил основу к деформации моей личности.

Я не потерял себя ни в беспризорном детстве, ни в бесшабашной юности. Все несчастья и неурядицы, связанные с моей неустроенностью, только закалили меня. Более того, к пятнадцати годам Господь вознаградил меня за страдания. Он послал мне учителя.

Дмитрий Дмитриевич, преподаватель художественной школы, был единственным человеком, который относился к моим художественным хулиганствам серьезно. Серьезно ко мне не относилась даже мать. Она и по сей день считает меня шалопаем и всех подряд уверяет, что никакого Божьего дара у меня нет.

В детстве я мечтал ходить в художественную школу. Но это было решительно невозможно. Моя мать сэкономила каждую копейку, и на такую ерунду, как на занятия в художественной студии, тратиться не намеривалась. Я понимал это. И даже не просил. Я занимался во дворце пионеров. Учителей там не было, но там хотя бы имелись краски и бумага. Меня широко выставляли на всяких районных выставках. Вот

на одной из таких выставок в Доме Художника мою акварельную мазню и узрел Дмитрий Дмитриевич. Он разыскал меня через дворец пионеров и пригласил к себе в мастерскую заниматься бесплатно. Нужно ли описывать мою радость?

Весь мир вокруг преобразился. Во-первых, мастер начал сразу выделять меня из своих учеников. Во-вторых, ко всему, что я вытворял на холсте, он относился с чрезвычайным одобрением. В-третьих, он с уважением относился ко мне как к личности. И в-четвертых, он заставил меня поверить в мою значительность. Последнее было самым важным. Ведь до этого я чувствовал себя букашкой.

В мастерской я все схватывал на лету. Я напоминал влаголюбивое дерево, которое долго стояло без влаги и вот, наконец, хлынули дожди, и оно стало на глазах расцветать и наливаться соком. К двадцати годам я уже ощущал себя настоящим художником, а к двадцати двум даже снисходительно кивал, когда меня называли гением. Дальнейшая моя жизнь была предельно ясна и расписана по дням. Мою фамилию все больше ассоциировали с Сальвадором Дали, но для меня это было мелковато. У Сальвадора Дали — вдохновение слепое, поэтому в большинстве его картин не следует искать глубокого смысла. Я же, берясь за кисть, всегда знал, что намерен написать, и какой смысл будет означать каждый мой мазок. Смысл у меня имели не только композиционные строения, но и цвета, и даже полутона.

К двадцати четырем годам я достиг пика своего духовного расцвета, но именно в этот год судьба выкинула свой первый фортель. Я привел в дом Алису. Просто привел, чтобы прикупить одиночество. А через месяц мы поженились.

Нет. Я не любил ее. Но с ней мне не было одиноко. С ней притупилась та тревога вечного неудовлетворения, которая без конца сверлила внутренности и не давала спокойно существовать. Пока моя юная жена только кивала и закатывала глаза, было еще терпимо. Но когда она воображала, что мир крутится исключительно вокруг нее, мои поджилки начинали трястись, а щеки пылать негодующим огнем. У меня и по сей день на скулах выступает румянец, когда я вспоминаю свое жалкое существование с ней.

Впервые зубы она показала в Алуште, куда мы имели неосторожность укатить на второй день после свадьбы. Сейчас не помню, какие она предъявила требования, но в сердце отпечатались, что их было неимоверное количество, и что

они были настолько фантастичны, что начни их выполнять, то я сразу из художника превращусь в слабоумного пажа. Такое применение моего таланта показалось мне весьма расточительным, и с той минуты я начал тихо ее ненавидеть.

Но развестись с ней оказалось не так просто. При любом упоминании о разводе она с визгом выбегала из дома бросаться под машину, и я, невольный участник этого спектакля, срывался за ней следом. Разумеется, я возвращал ее обратно с дрожащим подбородком и заискивающими извинениями. И все опять начиналось сначала.

— Слушай, — спрашивал я ее по утрам. — Почему ты никогда не убираешься?

— А я тебе не служанка! — дерзко отвечала она.

— Я не прошу убираться за мной. Убирайся за собой. Я не могу работать в таком бардаке.

— Не работай! — хмыкала она и отправлялась на кухню варить себе кофе.

После этого Алиса уходила в свое медицинское училище, оставив на столе крошки и невытую кофеварку. А я оставался один в своей разгромленной квартире.

Мое священное жилище, где вынашивались идеи, пробуждались чувства и воплощались замыслы, теперь было поругано. Повсюду валялись предметы, далеко не способствующие возвышенному настрою души: заколки, чулки, туфли, бюстгальтеры. Я по сей день вздрагиваю, вспоминая этот бардак в квартире: вечно неубранную постель, вечно липкие полы, вечно залитая плита... Я хватался за голову и стонал. Я стонал каждое утро, оставшись один, и клял тот день, когда потащил ее в ЗАГС.

Боже мой, какой же я был осел! Зачем нужно было расписываться? Самое печальное, что я первый завел разговор о женитьбе. А все потому, что после того вечера, с Вивальди и Телеманом, она целую неделю безвылазно прожила у меня. «Что скажут ее родители?» — с тревогой думал я. К тому же, на шестой день я выяснил, что она несовершеннолетняя. Так и есть, сначала меня убьют ее родители, а потом посадят за соращение малолетних. Вернее, сначала посадят, а потом убьют на зоне. Смерти я не боялся. Но на зону мне было нельзя. Ведь буквально за две недели до знакомства с ней я написал в третьем пункте юнговской анкеты: «Я никогда не попаду в тюрьму...»

Но лучше бы я попал в тюрьму, чем в этот переплет. С уголовниками всегда можно поладить. Я много их перевидал в детстве и юности. Большая часть из них — вполне милые люди, а некоторые даже были моими друзьями. Замочить они, конечно, могли, но на присвоение духовной свободы никогда не претендовали.

Итак, я первый заговорил с Алисой о женитьбе, в первую очередь потому, что как честный человек лишивший девушку невинности, был обязан на ней жениться. Сейчас, конечно, про свою виртуальную обязанность я вспоминаю с улыбкой. Во-вторых, меня все-таки волновали ее родители. Я наивно полагал, что они рвут и мечут, переживая недельное отсутствие дочери. Тогда я не знал, что ее родители алкоголики, и им безразлично, где ночует их единственное чадо?

Помню, как за неделю до росписи я сидел за столом с ее предками, и Алискин папашка, пьяно утирая слезы, глотал рюмку за рюмкой и с чувством хлопал меня по плечу: «Украл ты у меня дочь! Украл, как джигит из горного аула». Мамаша, приняв на грудь два стакана, все норовила вцепиться супругу в физиономию и, косясь на меня, ежеминутно восклицала: «Теперь у меня есть заступник! Теперь, скотина, ты вот где у меня будешь!»

Роль в качестве заступника меня не привлекала. Я растерянно оглядывался на невесту и ждал момента, чтобы поскорей покинуть их квартиру. «Поспешил я с заявлением, — мелькнуло в голове. — Ой, как поспешил». Ведь ее родителям все равно, где обитает их дочь. Как после выяснилось, Алисе тоже было до фени, как жить со мной — в официальном браке, или в гражданском. Она, оказывается, вообще не планировала выходить за меня замуж, прежде всего, по причине несовершеннолетия.

Тем не менее (не помню, как) в ЗАГСе нас расписали без каких-либо проблем, и мы закатали свадьбу. Сразу после свадебной гульбы характер моей супруги резко изменился. Ей захотелось сразу всего: косметики, нарядов, фарфоровую посуду, ресторанов, морских курортов и прочего, что подразумевается под красивой жизнью, тем более что денег на свадьбу набросали нам прилично. Однако в отличие от нее у меня никогда не было тяги к роскоши. Я был совершеннейшим аскетом, равнодушным ко всякого рода удобствам и роскошным вещам. Главным для меня в жизни было искусство.

Моя новоиспеченная этих взглядов не разделяла. Точнее, сразу после свадьбы резко переменяла их на противоположные и начала требовать от меня такое, чего я и вообразить не мог. Она оказалась упрямой, скандальной и истеричной. Таких самодурок я еще не встречал. Алиса из-за пустейшей мелочи могла заткатить скандал на людях, а потом неделю не разговаривать. Сцены на людях — это самое ужасное. Мне всегда было стыдно. А ей все равно. После черноморского курорта я стал тайно мечтать о разводе. Почему тайно, потому что, когда в Алуште я вслух намекнул о разводе, Алиса устроила такое, что меня до сих пор кидает в дрожь.

Шла третья неделя нашего пребывания в черноморском пансионате. Ни один день у нас не проходила без скандала. Среди полусонных курортников наша импульсивная пара привлекала всеобщее внимание. Как только мы приходили к морю и ложились на песок, сразу же те, кто нас знал, сворачивали свои подстилки и уходили на другой конец пляжа. При этом женщины морщили носы, а мужчины бросали на меня сочувственные взоры.

Но в то утро у Алисы было хорошее настроение. День был солнечный, тихий и ласковый. Море — сплошная лазурная гладь. Песок под ногами еще не успел раскалиться и очень приятно охлаждал ступни. Мы только что позавтракали и теперь сидели под соломенными шляпами в плетеных креслах, лениво шелуша земляными орехи. Время и настроение располагало поговорить в благодушных тонах. Тогда-то я и попытался объяснить, что я совсем не тот человек, за которого она меня принимает.

— Пойми, я человек искусства. Я работаю на вечность. На мне ответственность за духовное продвижение человечества. Понимаешь?

Она посмотрела на меня недоверчиво, сильно сомневаясь по поводу моей ответственности за духовное продвижение.

— Ты в этом уверен?

Я подавил в себе раздражение от этого пошлого вопроса, занесенного нам как сорняк из американских фильмов, и продолжил:

— Запомни, что только искусство способствует духовному продвижению человечества, только искусство. Только ему дано право останавливать мгновение, чтобы все увидели, как оно прекрасно. По этой причине греки и ваяли из мрамора человеческие тела, хотя натуральных тел в Афинах кишело

кишмя. Но мрамор менее подвержен влиянию времени, чем человеческая плоть, хоть он также не вечен. И пусть не останавливать, а слегка притормозить мгновение, вот какая функция была возложена на античных скульпторов. Тебе это ясно? После греков дух человечества движет Эпоха Возрождения. Перенос мира в двухмерное пространство был необходим для панорамного видения невидимых сфер. Прежде всего, нужно увидеть малое, чтобы понять великое. Кстати, и Лобачевский четырехмерное бытие математически доказал только после того, как оттолкнулся от двухмерного. Вот видишь? А импрессионисты показали, как в знойный полдень дрожит воздух... А до Мане англичане не знали, что туман над Лондоном не серый, а розовый...

— А зачем мне все это надо знать? — капризно перебила она.

— А затем, что я не намерен гробить жизнь на сиюминутные нужды. У нас с тобой никогда не будет особняка, машины, дачи, роскошной мебели, модной одежды, изысканной еды. Мы никогда с тобой не будем богатыми!

— Будем! — брызнула она глазами. — Я не хочу жить в нищете. Неужели ты не работаешь? Мужик ты или не мужик?

— Я не мужик, — улыбнулся я. — Я художник. У меня нет времени на всякую ерунду...

— Мой знакомый, — перебила она, — всего год работал на строительных шашках и купил жене соболью шубу...

— Но пойми! — с отчаяньем вскрикнул я. — Этой шубе жизни пять, ну десять, ну, от силы двадцать лет. Года работы на нее — не стоит. За год я напишу такое, что будет жить вечно. Если ты не понимаешь этих соотношений, давай расстанемся! Найди себе мужика, который будет на тебя ишачить!

— Что? — вскрикнул она, и слезы брызнули из ее глаз. — Раз так, ты меня больше не увидишь.

Она схватила валявшийся на покрывале нож, которым мы намеривались разрезать арбуз, и занесла над своим запястьем. Я испуганно перехватил руку с ножом и прижал ее к себе. Она стала рыдать, а я принялся ее успокаивать, хотя успокаивать нужно было меня. Успокоившись, она произнесла упрямо:

— К осени мне нужно шуба...

— Купим, — произнес я скороговоркой, сдерживая зубную дрожь.

«Вот это вляпался, — с тоской подумал я. — Если мне удастся развестись, — это будет большая удача...»

Следователь В.А. Сорокин

Главбух «Симбир-Фарма» А.П. Лебедкина сегодня дала показания. Во вторник утром 27 июля она получила указание по телефону от А.П. Рогова переписать на счет Красногорского предприятия лекарственных трав полтора миллиона рублей. По ее словам, в это время в дверях ее кабинета уже стоял начальник отдела сбыта Красногорского завода Н.Г. Мордвинов. Договор был составлен и подписан обеими сторонами в двух экземплярах на стандартном бланке. Согласно ему, АО «Симбир-Фарм» за поставку товара из Красногорска обязалось перевести на счет завода полтора миллиона рублей в течение месяца. Конкретно, до 28 августа.

После этого Красногорцы с копией договора отбыли на родину, а Лебедкина, как она чистосердечно призналась, перевела эту сумму на счет своего родственника предпринимателя З.П. Лопухова. Ничего дурного, по словам бухгалтера, она не хотела. Присвоить эту сумму мыслей не было. За месяц держания на своем счету Лопухов обещал ей сто пятьдесят тысяч рублей. Родственник уверил, что 28 августа деньги уже будут в Красногорске. Лебедкина в недоумении. Она не ожидала такого развития событий. Лопухов всегда был человеком слова.

Самое любопытное, что деньги действительно 28 августа уже были в Красногорске, но не с утра, а где-то к восемнадцати часам, то есть приблизительно через полчаса после убийства Рогова и его сотрудников. Пока по этому факту у меня нет никаких соображений.

Только что пришла из Москвы ксерокопия допроса наших красногорских друзей: начальник отдела сбыта Н.Г. Мордвинов и начальник службы охраны Л.С. Самойлов. Они признались, что 25 июля приезжали в наш город для разбирательства с инцидентом. По их словам, переговоры с Роговым ни к чему не привели. Они опробовали все варианты для разрешения конфликта миром и только после этого обратились за помощью к местным рэкетирам. Красногорцы предполагали подобное развитие событий и для этих целей привезли с собой двести тысяч рублей наличкой.

За эту сумму выбить деньги с Рогова взялись двое нигде не работающих спортсменов-тхеквандистов из Заволжского района П.Н. Загряжский и Л.Г. Пьяных. По договору, в их обязанности входили только предупреждения и устные угрозы. Ни о какой физической расправе речи не шло. Битье стекол в доме главы фирмы было инициативой спортсменов. Я склонен верить допрошенным. Дело в том, что в случае успеха, рэкетиром обламывалось по сто тысяч рублей, в случае неуспеха — только по двадцать тысяч.

Сегодня нами был задержан один из этих спортсменов П.Н. Загряжский. Он подтвердил, что о физической расправе речи не шло, но не подтвердил насчет битья стекол. Однако поклялся, что стекла бил Пьяных, а он сидел в машине. Также он признался, что красногорцы честно рассчитались с ними за проделанную работу, вручив им наличными по сто тысяч.

Но вот интересный момент, который, на мой взгляд, играет ключевую роль в этой истории: Пьяных был недоволен оплатой и потребовал надбавки. В данный момент он еще не задержан. По словам жены, супруг ушел в понедельник утром (как раз 28 августа) и после этого не появлялся. Мы прочесываем все места, где он мог находиться. Думаю, это дело двух, трех дней.

А вот с деньгами, найденными в карманах убитых, полная неясность. Не думаю, что они имеют отношение к убийству. Лебедкина уверяет, что эти деньги не из фирмы. Все отчетные и неподотчетные источники ей известны. У жены Рогова эта (сумма восемнадцать тысяч долларов) вызвала удивление. По ее словам, деньги на карманные расходы у мужа были, но не в таком количестве. В курсе она и о деньгах находившихся в сейфе. Это, по ее словам, загашиник на тот случай, если налоговая закроет счет. Откуда в карманах мужа эти деньги — она не знает. Еще большее недоумение у нее вызвали алмазное кольцо и рубиновые сережки. Муж не имел привычки покупать дорогие вещи ни жене, ни любовницам.

То же самое и с деньгами Петрова. Его жена уверена, что это не его деньги, и быть таких денег у него не могло. Что касается Клокина, то его семья в данный момент находится за границей, поэтому прокомментировать что-либо по этому вопросу, пока никому.

P.S.

Если в ближайшее время удастся задержать Пьяных, это будет большая удача.

31 августа 2000 года

12

«Это будет большая удача, если в ближайшее время мне удастся развестись...» — тоскливо пришло в голову. Я даже помню время и место, когда такая мысль впервые пришла мне в голову. Это было в Алуште в 1982 году в последний день лета в шестнадцать ноль ноль.

Сегодня тоже тридцать первое августа, и на часах те же шестнадцать ноль ноль, только вот год с тремя нулями. Сегодня последний день лета и в наличии у меня пять нулей. Беспросветная партия!

Неожиданно я понял, что судьба мне не намерена давать никаких поблажек, несмотря на мое дарование. Один неверный шаг, и я по шее в болоте.

За тот месяц, проведенный с Алисой в Алуште, я сразу постарел на восемнадцать лет. Это сейчас мои годы, наконец, меня нагнали, и я вступил с ними в желанное равновесие. А тогда... Вот же черт!

А ведь когда мы уезжали к морю, я был совсем другим человеком: я был восторженным, жизнерадостным и уверенным в себе художником. Вернулся я угрюмым, ворчливым и замкнутым. О своей холостяцкой жизни я вспоминал как о покинутом рае. Правда, во мне еще теплилась надежда, что, когда мы вернемся домой, я возьму в руки кисть и снова обрету себя. Тогда я еще не знал, что дома у меня уже нет.

По возвращении Алиса сразу повалилась на диван, а я вместо кисти взял в руки веник, потому что не мог работать в таком бардаке. Помню, что в тот день я серьезно намеривался написать один этюд, но так и не написал. Вместо этого я напился. Напился я и на следующий день, так и не достав из шкафа красок. А на третий, когда я решительно разложил посреди комнаты мольберт, жена закатила скандал.

Алиса требовала, чтобы я убрал из комнаты это деревянное уродство, потому что оно мешает смотреть телевизор.

— И вообще, — кричала она, багровая от злости, — если ты художник, у тебя должна быть мастерская. А если ее нет, то значит ты не художник. А если ты не художник, нечего выпендриваться со своей палитрой.

Такой наглости я не ожидал. Я влез в кроссовки и выбежал из дома. Я пошел, куда глаза глядят, с твердым намерением не возвращаться. Разве у меня было время на все это? Моя жизнь расписана по минутам. К тридцати двум годам, к началу творческого расцвета, я должен освоить технику всех великих мастеров. Для этого мне нужно каждый день по восемь часов стоять за мольбертом. Разве у меня была хоть минута на семейные скандалы?

В тот вечер я ходил по городу и обдумывал свои дальнейшие планы. Я был расстроен и растерян, но сохранял трезвость рассудка. Как бы не складывались обстоятельства, они не должны быть помехой в осуществлении великой цели.

Человечество стоит на пороге освоения иных миров, тех самых, которые физики называют параллельными, и которые живут совсем по другим законам. Путь к ним укажут не ученые, не физики, не политики. Путь к ним укажут художники. Всех, кто до этого пытался рисовать сны, постигла неудача. Сальвадор Дали привязывал к руке карандаш, ставил в ногах таз и засыпал с ключами на лбу. Как только ключи падали в таз, оглушая комнату звоном, он просыпался и быстро зарисовывал то, что видел во сне. Но даже он, дальше всех продвинувшийся в этой области, не мог отобразить и десятой доли тех пространств, по которым только что блуждала его душа. А все потому, что нездешние реалии он пытался изобразить по земному.

В отличие от него, я собирался писать свои картины по законам того бытия, в котором пребывал во сне. Практически, я собирался писать потустороннюю явь там. Но при этом быть таким мастером, чтобы проснувшись, моя рука в точности могла отобразить то, что царапала в параллельных мирах. Именно для этого я и должен был стать виртуозом, освоить художественные приемы всех великих живописцев, некогда посещавших Землю.

К двадцати четырем годам я скопировал почти все картины Рембранта, Рафаэля и Рубенса. Но что толку копировать? Нужно идти дальше...

Помнится в тот вечер, я зашел в мастерскую к Дмитрию Дмитриевичу. Я долго с занудством жаловался на свою жалкую судьбу. Мастер хмурился, качал головой и ничем не мог утешить. В конце концов, он предложил мне работать у него в мастерской бок о бок с ним и еще с десятью учениками. Я горячо поблагодарил, но предложения не принял. Я привык работать в полном одиночестве и в своей конуре. У каждого

человека должна быть своя конура, а у художника — тем более.

Я встал, торопливо пожал его руку и ушел. Он догнал на лестнице и пообещал пробить мне мастерскую. Для этого мне следовало вступить в Союз Художников и написать с десятка два портретов местных вождей. Все остальное он обещал устроить.

Я криво усмехнулся и вышел на улицу. На вступление в Союз и пробивания мастерской уйдет минимум два года. Это в лучшем случае. А приступить к работе я должен уже сегодня. Сердце мое сжалось. С этой бессмысленной женитьбой я уже потерял два месяца, и еще неизвестно сколько потеряю...

УБИЙЦЫ — МЕСТНЫЕ РЭКЕТИРЫ

К такому выводу пришла прокуратура, проводящая расследование тройного убийства сотрудников АО «Симбир-Фарм»

(газета «Симбирские Вести»)

Как стало известно, следствие имеет серьезные намерения повесить эти убийства на двух мастеров спорта по Тхеквандо: Петра Загряжского и Леонида Пьяных. Первый уже арестован, второй объявлен в розыск.

Именно они месяц назад покушались на главу АО «Симбир-Фарм» Павла Рогова. Об этом мы подробно писали. Тогда по этому факту не возбуждали уголовного дела, поскольку Рогов не обращался с заявлением в милицию. Сегодня за этих двух молодцов прокуратура ухватилась, как за соломинку.

Напомним, что месяц назад глава фирмы Павел Рогов ухитрился вывести с Красногорского завода КамАЗ лекарственных препаратов на сумму полтора миллиона рублей, при этом, не оформив ни единого документа. Представители обиженной стороны прибыли в наш город и, после безуспешных попыток уладить недоразумение мирным путем, обратились за помощью к ульяновским спортсменам: Загряжскому и Пьяных.

Тхеквандисты вразумили незадачливого мошенника, и Рогов отдал приказ своему бухгалтеру Анне Лебедкиной перечислить требуемую сумму в Красногорск. Однако один из предприимчивых родственников Лебедкиной, возглавляю-

щий строительную фирму, посоветовал «прогнать» эти деньги через его счета. По мнению прокуратуры, это и явилось причиной покушения на Рогова и его сотрудников.

Так следствие хочет представить обстоятельства дела, потому что губернатор торопит с расследованием. Прокуратура делает все возможное, чтобы скорее найти козла отпущения. Точнее, наоборот не найти. А козел отпущения уже намечен — неожиданно исчезнувший Пьяных. Следователь Валерий Сорокин всерьез считает, что именно Пьяных убил Рогова и двух его подчиненных. Однако не желает господин Сорокин задаться элементарным вопросом: а нужна ли Красногорскому заводу кровь главы «Симбир-Фарма»? Ведь это сделка оформлена документально, и все недоразумения можно уладить в суде. Второй факт, доказывающий непричастность к убийству исчезнувшего спортсмена, это то, что в карманах убитых найдено свыше тридцати тысяч долларов, а также — алмазное кольцо. И то, и другое было явно подброшено убийцей. Где это видано, чтобы киллеры подбрасывали своим жертвам суммы в десять раз превышающие их гонорары? И, наконец, самое главное, зачем преступнику понадобилось убивать топором?

Вряд ли прокуратура сможет ответить на эти вопросы. Проще «повесить всех собак» на исчезнувшего тхеквандиста. Правда, он может и объявиться, но прокуратуре выгоднее, чтобы Пьяных исчез навсегда. Словом, история повторяется: один раз как трагедия, как с расследованием убийства Ольги Соколовой, второй раз как фарс, который мы наблюдаем сейчас.

Кстати, хищение товара посредством обмана также не ново для нашей области. В 1994 году таким же образом было украден КамАЗ трикотажных изделий производственной фирмы «Мадригал». Провернула это дельце беременная женщина на девятом месяце, которая, якобы, возглавляла торговую фирму, находящуюся в том же здании проектного института, что и «Мадригал». Председательница торговой фирмы предложила трикотажному предприятию услуги по реализации. После того, как машина была загружена и отправлена, больше никто этой женщины не видел. КамАЗ с товаром канул, а это уголовное дело осталось нераскрытым, как и большинство дел в нашем регионе.

— Читали, господа, утренний выпуск? — воскликнул Захаров, влетая в отдел с развернутой газетой в руках. — Дело-то, оказывается, принимает политический оборот. Можно сказать, подфартило нынешнему губернатору перед выборами! В кавычках, конечно.

Юрист радостно рассмеялся. Но никто в отделе не разделил его радости. Наоборот, Виктор сдвинул брови и хмуро произнес:

— Эти чертовы газетчики из всего извлекут выгоду. Нет, а если трезво рассудить: действительно, на кой черт рэкетирам понадобилось рубить топором? Чего они этим хотели доказать?

— Э, нет! — поднял палец Захаров. — Рэкетеры тут ни при чем. В этом вопросе я на сто процентов согласен с газетчиками: рэкетеры убивают ради денег. А здесь — наоборот. Убили и подсунули деньги. Тридцать три тысячи баксов. Да еще алмазное кольцо.

— Подсунули? — изумилась Маша. — Мне бы кто подсунул.

— Раскиньте мозгами, коллеги! — сощурился юрист, упуская Машино пожелание. — Что мы имеем в наличие? А имеем мы весьма необычное убийство. Такое ощущение, что несчастные были убиты именно с таким расчетом, чтобы город содрогнулся, чтобы слух о жестокости содеянного долетел до генеральной прокуратуры. И действительно, до генеральной прокуратуры слух долетел, и она проявляет живейший интерес к ходу расследования. Что же мы видим дальше? А то, что преступление совершено чрезвычайно профессионально. Не правда ли? Преступник почти не оставил следов. А это о чем говорит? О том, что с нашими дохлыми провинциальными следователями раскрыть эти убийства невозможно.

— Минуточку! — замахал рукой Виктор. — Откуда ты знаешь, что преступник не оставил следов?

— Спокойно! — ответил Захаров. — У меня свои информаторы. Не будем отвлекаться! Давайте рассуждать дальше. Итак, что у нас на носу? А на носу у нас губернаторские выборы! А нужно ли нынешнему губернатору чрезвычайное происшествие, которое накануне выборов прикует к его области внимание всей страны? Да оно ему смерти подобно.

Так кому это на руку? Какому-то одному из кандидатов в губернаторы!

— Какому? — встрепенулась Маша.

— А вы раскиньте мозгами, господа! Кто у нас самый главный кандидат? Кого сейчас раскручивают «Симбирские Вести»?

— Генерала Шипанова? — почесал затылок Виктор.

— Вот именно, что генерала, — подмигнул юрист. — И убийство совершено профессионально. Чувствуешь связь? И вот еще такой момент: «Московские Вести» будто ждали этого происшествия, чтобы напомнить о маньяке десятилетней давности. А спрашивается, для чего? Да все для того же, чтобы показать беспомощность прокуратуры и слабость губернатора. Я как прочел заголовок, сразу понял, что если бы не произошло этих убийств, то их нужно было бы организовать. И тогда победа генерала обеспечена. Как-никак — генерал! Он может не разбираться в экономике, но порядок наведет всегда. И вот еще подозрительный момент: зачем газетчики в своей первой статье приплели Достоевского с его романом «Пьяненькие»? Ни намек ли это на то, в каком направлении двигать следствие? А может, прямое указание?

— Все, ребята, хватит! Давайте работать, — наконец вмешался я, чувствуя, что этот бред может продолжаться до вечера.

И не ошибся. Едва я вышел из конторы, как ко мне тут же метнулся корреспондент «Симбирских Вестей». Вид у него был дерганный, взгляд сумасшедший. Он выдавил из себя подобие улыбки и произнес высоким голосом:

— Извините! Нам утром так и не удалось с вами поговорить. Вы можете мне ответить на пару вопросов, касаемых вашего шефа?

— Нет, — ответил я.

— Почему, если не секрет?

— Не хочу быть замешанным в вашей предвыборной возне.

— Ну, что вы, — побледнел журналист. — Никаких предвыборных целей мы не преследуем. Клянусь вам, что мои намерения чисты. Я только хочу докопаться до истины, не более! Иначе нас опять обманут. А убийства повесят на невинных людей.

У него были такие честные глаза, что мне ничего не оставалось, как со вздохом пробурчать:

— Ладно. Что вас интересует?

— Почему Рогов пришел к вам прятаться от рэкетиров?
— Я уже отвечал на это вопрос.
— Да-да, извините! Я хотел спросить совсем другое. Как выглядел Рогов в тот вечер, когда пришел к вам?
— Трусливо выглядел. Дрожал, как заяц.
— Что он вам сказал?
— Что на него навели рэкет. В его особняке побили стекла. Если он к утру не переведет деньги в Красногорск, то его шлепнут без предупреждения.
— Шлепнут? — встрепнулся журналист, и глаза его радостно заблестели. — Это прекрасно! А он звонил в милицию?
— Не звонил.
— Не потому ли, что он не доверял милиции?
— Понятия не имею.
— А почему он не принял никаких мер к эвакуации своей семьи? Ведь в доме побили стекла.
— Наверное, потому, что свою шкуру ценил дороже.
Такой ответ привел журналиста в восторг. Он даже подпрыгнул от радости и стал суетливо расспрашивать меня об отношении Рогова с семьей, на что я ответил, что лучше с такими вопросами обратиться к вдове. Но и без вдовы об отношениях Рогова с семьей журналист знал достаточно. Он посмотрел по сторонам и полушепотом произнес:
— Мне удалось узнать, что семью он в грош не ставил, а тот дом в Красном Яре выполнял функцию притона. Это я узнал из эксклюзивного источника. Он так мне и сказал, мой источник, что этот дом Рогов купил исключительно для того, чтобы возить в него проституток.
Журналист по-пороссячи взвизгнул и нервно потер руки.
— Кстати, я слышал, что он предпочитал устраивать оргии в компании своих сотрудников. Вы тоже участвовали в этих мероприятиях? Мне можете — как на духу. Я не кому не скажу. Клянусь!
— Нет! — усмехнулся я. — Моя персона в его свиту не входила.
— Странно, — задумался журналист. — Почему же он пришел к вам? Впрочем, ничего удивительного. Так уж люди устроены: как весело проводить время — это с одними, а как шкуру спасать — бегут к другим. Эх, люди, люди, человеки! А что за человек был Клокин?
— Не знаю, ответил я.

Журналист сделался серьезным. Он немного помолчал, потом задумчиво спросил, больше у себя, чем у меня:

— Почему убийца измордовал его всех больше? Может дело не в деньгах, а в этом самом Клокине?

Насколько я понял, корреспондент уже получил от меня все, что хотел, и сейчас обдумывал, как бы пооригинальнее подать надыбленную информацию.

— Мне можно идти? — спросил я.

— Да-да! Огромное спасибо! Не смею больше отнимать у вас время! — расшаркался журналист и с чувством потрянул мне руку.

Я криво усмехнулся и отправился на трамвайную остановку. Уже никто не сможет отнять у меня время, поскольку я больше его не ощущаю. А тогда, в двадцать четыре, когда я бродил по ночному городу, я просто физически ощущал, как оно бездарно утекало в какую-то трубу.

Нужно было что-то предпринимать: снять квартиру, перетащить туда вещи, устроиться на работу. Да-да, как это ни прискорбно, но за квартиру нужно было платить, и нужно было кормить жену, пока она училась в своем медицинском училище. По счастью — последний год.

До того проклятого вечера я никогда не думал о деньгах. Мне всегда перепадал какой-то минимум от шабашек, на которые у меня уходило в месяц не более трех часов. Нарисовать афишу, рекламу, вывеску для магазина, оформить стенд, разукрасить стену актового зала, написать портрет или какой-нибудь неумолимый пейзажик, сотворить коллажик, или еще что-нибудь в этом роде — у меня всегда были заказы. Незначительные, но на хлеб хватало. Главное, что я их никогда не искал. Они находили меня сами, причем в тот момент, когда пустыли карманы. Деньги хоть и в мизерном количестве, но довольно регулярно падали мне с неба в виде манны. Квартира мне также досталась без какого-либо напряжения с моей стороны. Я унаследовал ее от деда. Мне как бы сама судьба говорила: «Делай свое дело и не заботься о хлебе насущном. Минимум у тебя всегда будет...»

Но в тот вечер я понимал, что на мне обязанности главы семьи, и теперь одними шабашками не обойдешься. Не мог же я, в самом деле, держать на хлебе и воде свою молодую супругу. Она же не художница.

Разумеется, первое, что приходит в голову творческому человеку по поводу заработка с минимальной затратой времени, — это работа дворником, или ночным сторожем. По-

этому, переночевав у друга, я с утра отправился в Отдел вневедомственной охраны. Там-то меня и разыскала моя юная жена. Она плакала, просила прощения и умоляла вернуться домой. Алиса уверяла, что все поняла, раскаялась, и теперь тоже наравне со мной будет служить великой цели и если надо, отправится со мной на каторгу по примеру той французской вертихвостки из фильма «Звезда пленительно-го счастья».

Следователь В.А. Сорокин

В убийстве Рогова, Клокина и Петрова я действительно подозреваю Пьяных. Как об этом узнали журналисты, не понимаю. В принципе, моя следственная группа в курсе. Однако не думаю, что проболтался кто-то из них. Все это очень подозрительно, особенно уверенность «Вестей» в том, что мы никогда не найдем Пьяных. Такое ощущение, что газетчики знают больше, чем мы.

Версия мотива преступления у меня несколько иная, чем у «Симбирских Вестей». После того, как Мордвинов рассчитался с тхэквандистами, их отношения завершились. В этом я не сомневаюсь. Сделка с «Симбир-Фармом» была оформлена документально, так что в услугах рэкетиров Красногорский завод больше не нуждался. Однако, по словам Загряжского, Пьяных был недоволен суммой гонорара. Из чего следует, что он по собственной инициативе мог требовать деньги с Рогова в качестве штрафа за авантюру. Загряжский признался, что Пьяных подбивал его «наехать» на Рогова, чтобы требовать с него 500 тысяч рублей, но тот отказался. Загряжский не отрицает, что за это дело Пьяных мог вполне взяться один.

Возможно, что в этот же день, Пьяных потребовал с Рогова зную сумму и, получив отрицательный ответ, поставил его на счетчик. Обычно, подобная процедура сопровождается еженедельными предупреждениями, звонками или визитами нанятых курьеров, информирующих о набивавшей сумме. Первые террористические действия совершаются только по прошествии месяца. Если Пьяных действительно поставил главу «Симбир-Фарма» на счетчик, то день убийства, 28 августа был последним днем.

Из беседы с вдовой Рогова я узнал, что какие-то звонки (похожие на угрожающие) действительно поступали. От

кого, неизвестно. Но от некоторых у вдовы сильно испортилось настроение. По ее словам, в день убийства их как раз и разбудил такой звонок в шесть утра. Рогов взял трубку, сначала долго отнекивался, затем быстро оделся и позвонил своему водителю. В семь прибыла машина, и они уехали.

А теперь самое главное, то, что мне дало повод подозревать Пьяных. По словам его жены, в день убийство в шесть утра он звонил некоему Алексею Петровичу. Жена четко слышала, как муж назвал собеседника по имени отчеству, поскольку звонил из спальни. Затем Пьяных взял телефон и ушел на кухню. Сначала он говорил спокойно, хотя и с явно напирательной интонацией, затем неожиданно разозлился, и жена услышала такую фразу: «Ну, сколько можно откладывать? Сегодня последний день». Сразу после этого Пьяных быстро собрался и ушел. Как поняла его жена, он отправился на встречу с тем, кому звонил. И с тех пор не возвращался.

Я почему-то уверен, что он звонил Рогову. Его тоже зовут Алексеем Петровичем, ему тоже звонили в шесть утра, к тому же 28 августа, как я уже отмечал, — день расплаты по счетам. Я прозондировал насчет знакомых Пьяных: в кругу спортсменов никто не знает Алексея Петровича, да и не принято в такой среде называть друг друга по имени отчеству. Кроме того, имеется ряд косвенных доказательств, подтверждающих причастность Пьяных к убийству. Он носит обувь сорок второго размера, и в тот день вышел из дома в кроссовках «Адидас» — это первое. Второе — его внезапное исчезновение после убийства, разве не факт причастности?

Предположим, что Рогов согласился встретиться с Пьяных и назначил ему встречу у себя в Красном Яре. Пьяных приехал на дачу к Рогову без оружия. Возможно, он ожидал увидеть Рогова одного, а не с двумя товарищами. Зайдя во двор и услышав пьяные голоса, Пьяных подобрал по пути топор, сунул себе в сумку и затем вошел в дом. Получив решительный отказ, и не просто отказ, а отказ с явной угрозой (ведь Рогов вытащил пистолет и перезарядил затвор), Пьяных пришел в ярость, извлек из сумки топор и ударил им Рогова по голове. Далее в состоянии аффекта, он зарубил и водителя, а заместитель бросился бежать. Доनाव Клокина, он зарубил и его, после чего, напуганный тем, что совершил, пустился в бег.

Почему Пьяных не прихватил деньги и алмазное кольцо? Очень просто: он о них не знал. А пошарить в карманах убитых ему не пришло в голову. Почему больше всех измордован Клокин? Да, видимо, потому, что именно он и убедил Рогова не платить рэкету. Могу предположить, что поначалу Рогов все-таки хотел заплатить из той суммы, которая была у него в сейфе. Это объясняет, почему он назначил встречу в Красном Яре. Но по дороге они встретили Клокина, который убедил шефа послать проходимца подальше. Возможно, для подкрепления Рогов и взял с собой заместителя.

Вот, собственно, и все. А с газетчиками надо разобратся.

1 сентября 2000 года

14

Только напрасно я лелеял себя, что, наконец, нашел в лице своей спутницы подругу и единомышленницу, и что мы, наконец, пойдем с ней рука об руку сквозь космические тернии и земные препятствия к высшей, Божественной цели ради просветления человечества.

Ее хватило только на два дня. Едва я разложил мольберт (на всякий случай уже на кухне), Алиса, как бешеная, влетела ко мне и принялась вопить, что ее жизнь проходит в тоске и скуке, а я вместо того, чтобы что-то предпринять, как настоящий мужик, занимаюсь, черт знает чем. Если бы я был настоящим мужиком, то вероятно впечатал бы свою палитру в ее орущую физиономию, чтобы навсегда (или хотя бы на время) излечить ее от тоски и скуки. Но я был всего лишь художником, — тонкой, чувствительной натурой, терпеливой и снисходительной к ближнему.

— Запомни, тебя никто не обязан развлекать, — ответил я, как можно спокойнее. — Лично мне никогда не скучно. Потому что я занимаюсь любимым делом. И тебе советую чем-нибудь заняться. Пялиться целыми днями в телевизор — это не занятие.

Она кинула презрительный взгляд на мольберт и произнесла сквозь зубы:

— Это что ли занятие?

До нее я был спокойным человеком. Меня практически невозможно было вывести из себя. Но когда ставят под со-

мнение дело моей жизни, которое я вымучивал с младенчества (и кто ставит, черт знает откуда-то взявшаяся невежественная девка), тогда я уже с собой управляюсь с трудом.

— Знаешь что, милая, а не пошла бы ты... снова к своим родителям!

— Что? — вытаращила она глаза, — Ты хочешь, чтобы я ушла? Хочешь, чтоб я ушла навсегда?

— Хочу! — честно признался я.

— Ах, так! — истерично вскрикнула Алиса. — Тогда прощай! Ищи меня под колесами машины!

В то же мгновения она с резвостью козы выскочила из квартиры и босиком помчалась вниз. Я видел из окна, как она вне не себя от бешенства вылетела из подъезда и понеслась к шоссе.

В груди похолодело. Еще не хватало ее изувеченного трупа. Бросив палитру, я помчался за женой, поймал ее у самой дороги как раз в тот момент, когда она намеривалась прыгнуть под колеса какого-то МАЗа, обнял и стал просить прощения. Я возвратил ее домой с трясущимися коленками и заплетающимся языком. Напоил чем-то успокоительным, затем дал чая с медом. После чего сносился в магазин за коробкой конфет и ликером. Словом, в тот день я снова ничего не написал.

Так проходил день за днем. Я устроился работать сторожем, затем еще на полставки дворником, но денег все равно не хватало. Те сбережения, которые родственники накидали нам на свадьбу, вскоре кончились. В основном все ушло ей на одежду. У нее не было даже осенней обуви, не говоря уж о зимней. Я окончил двухмесячные электромонтерские курсы по сигнализации и начал работать специалистом по обслуживанию сигнальных систем. Мы перестали мучиться бездеятельностью в области изобразительного искусства. На него, во-первых, уже времени не было, во-вторых, я уставал, как лошадь после марафона и, в-третьих, у меня совершенно не было вдохновения. Если мне удавалось намалевать что-то урывками, то получалась такая мрачная мазня, что приходилось соскабливать краски и напиваться до поросычьего визга.

А между тем, в мастерской кипела работа. Племя младое, незнакомое что-то ваяло, лепило, строгаило. Я завидовал им, и мне было не по себе, когда они по-прежнему называли меня метром. Какой я, к черту, метр? Жалкий фигляр!

Дмитрий Дмитриевич при виде меня хмурился и отводил глаза. Я понимал, что ему больно видеть мое уныние. А уныние стало моим обычным состоянием.

«Ничего, — успокаивал я себя. — Алиса окончит училище, пойдет работать и все нормализуется. Ее не будет дома целый день. Боже, какое счастье! Я снова устроюсь сторожем. Ночью буду дежурить, а днем писать. Ведь это здорово снова начать писать!»

Но и тут я просчитался. Окончив училище, моя юная спутница не пошла работать. Она твердо решила заняться домашним хозяйством, начать, наконец, готовить (до этого она готовила редко и неохотно), привести квартиру в божеский вид (убираться она тоже не любила) и в конце концов родить ребенка.

От последнего я пришел в ужас. Все мои планы рассыпались в прах. Однако Алисе было наплевать на мои планы. У нее по поводу меня были свои соображения. Я должен бросить вневедомственную охрану и пойти сезонным рабочим в строительную бригаду. Пашут они, конечно, по шестнадцать часов в сутки, зато получают такую зарплату, какая необходима нашей семье. О домашнем хозяйстве и горячем питании я могу не беспокоиться. С той самой минуты, когда я устроюсь в строительную бригаду, моя великодушная жена возьмет на себя все хозяйство. Обед она станет приносить мне прямо на стройку, в термосе, а чистое белье будет ждать меня в шкафу. Чего еще нужно мужику?

Вот, собственно, ради этого Алиса и решила бросить работу, которую еще не начинала, — пожертвовать, так сказать, самым святым — своей карьерой. Ради благополучия семьи.

Разумеется, изложение ее проекта окончился грандиозным скандалом и с ее очередной попыткой броситься под машину. Я вытащил супругу из-под колес «Белоруса» и с клацающими зубами приволок домой. На успокоение жены ушли остатки вечера, ночь и следующие за ними выходные. Когда я дал обещание пойти сезонным рабочим в эту чертовую строительную бригаду, Алиса успокоилась.

После этого прошло еще два года. Однако ни на какую стройку я не пошел. Я бился за свободу творчества, скандалил и пил, и при этом почти не писал. Я по-прежнему работал электромонтером по сигнализации, а она по-прежнему сидела дома и качала права.

Почему-то Алиса считала меня своей пожизненной ответственностью и в грош не ставила мой художественный дар. К

концу третьего года нашей семейной жизни, я начал анализировать и кое-что понимать из наших отношений.

Я обратил внимание на то, что она довольно спокойно относилась к тому, что я пью, задерживаюсь после работы, иногда не прихожу домой ночевать. Также она не проявляла чувства ревности, но мгновенно становилась агрессивной, как только я прикасался к мольберту. Сразу же у нее рождались прожекты относительно моих занятий, и все больше далеких от искусства.

Вторая причина наших скандалов тоже было связано с искусством. Точнее, с ее неряшливостью. То неряшливое беспардонство, с каким она ворвалась в мою жизнь, не могло не настораживать. Дело в том, что я отношусь к тем художникам, которые не могут работать в беспорядке. Некоторые могут. Например, мой друг, когда замышляет картину, начинает механически хвататься за вещи и разбрасывать по самым невероятным местам. Когда состояние в квартире достигает уровня классического бардака, тогда он хватается за кисть и кидается к мольберту. Эта его особенность. Моя же особенность кардинально противоположная. Если стул не стоит на месте, или ваза — не на середине стола, или кофта неаккуратно брошена на диван — в душе у меня все переворачивается и мазки ложатся совсем не так, как задумывались. Такова моя особенность. Так вот, это порядок, который мне был жизненно необходим, жена не могла обеспечить. Я спокойно относился к тому, что мы часто засыпали без ужина, что она забывала купить хлеб или картошку, но от беспорядка я чувствовал просто физическое недомогание.

Тогда-то и закралось подозрение, что она мне была ниспослана не спроста. Вспоминая встречу с ней в выставочном зале, я все никак не мог понять, что она там делала, будучи совершенно безразличной к искусству. Потом я, конечно, узнал от ее подруги. И был шокирован.

Оказывается, в выставочном зале Алиса пряталась от какого-то фарцовщика. Сначала она была с ним в деловых отношениях. Кажется, помогала сбывать товар. Но за три дня до нашей встречи, какая-то шпана отняла у нее пакет с джинсами. Товара было на приличную сумму, и если бы не случайная встреча со мной, неизвестно, была бы она сейчас жива?

Да-да, оказывается, я спас ее если не от смерти, то от диких неприятностей. Ее ловили. Пасли у дома и в училище. Она бегала по городу и пряталась в самых невероятных ме-

стах. На ее счастье подвернулся я со своей незасвеченной квартирой, где она и отсиделась. А потом мы укатили в Алушту. Фарцовщик, узнав, что она вышла замуж за художника, махнул на нее рукой.

Так вот, эта мелкая, презренная спекулянтка диктует мне условия и отравляет жизнь? «Действительно, — размышляя я после разговора с ее подружкой, — ради чего я жертвую своим временем, которое мне отпущено на искусство? Разве, я ее люблю? Нет. Я ее ненавижу. Как она могла внушить мне, что моя жизнь — не более чем ряд обязанностей перед ее персоной».

Впервые в жизни в моей душе клокотала злоба. До этого я только терпел и был снисходительным. Пусть убирается завтра же, — решил я. — Нет, сегодня же! А воспротивится — убью...

Прокурору области ст. советнику юстиции Л.Г. Уханову

Докладная записка

Прежде всего, о долларах, найденных в карманах убитых. Купюры обладают едва заметным запахом дорогой парфюмерии (какой именно, определить не удалось), что явно свидетельствует о том, что, во-первых — они хранились в шкафу с женскими духами, во-вторых — все деньги лежали в одной пачке. Все купюры достоинством по сто долларов. Среди них есть как совершенно новые, так и старые. А это значит, что они копились несколько лет.

Что касается кольца, то на нем фрагменты отпечатки пальцев Рогова. Между бусинками обнаружены ворсинки черного бархата. На рубиновых серьгах тоже отпечатки пальцев Рогова.

Мы провели тщательный анализ пепла, найденного во дворе. Сожжение определено происходило в день убийства. Что именно было сожжено, — выяснить не удалось. Исходя из химического анализа, можно сказать, что предмет сожжения на тридцать процентов состоял из пластмассы, на шестьдесят — из поролон, на пять — из шелка, на десять — из электроники. Нам удалось определить, что пластмасса была обычных отечественных стандартов, а поролон — каких нет в аналогах. Что собой представляла электронная система, — определить не удалось.

Теперь самое главное: мы тщательно обследовали кафельный подвал под гостиной, предназначение которого также непонятно. На левой стене от входа, на высоте около метра нами обнаружено несколько бурых капель. Было очевидно, что полы тщательно вымывались водой из шланга, о чем свидетельствуют подтеки у основания стен. Бурые капли взяты на обследование. Есть версия, что это кровь.

P.S.

К служебной записке прилагаем письмо с просьбой на разрешение более тщательного обследования подвала, с поднятием полов и лабораторного исследования сточной трубы.

*Начальник экспертного отдела
советник юстиции А.В. Звонарев
1 сентября 2000 года*

15

Я был наивен, полагая, что от супруги можно избавиться путем признания в нелюбви. В тот день я с нетерпением ждал Алису и нервно клацал зубами. Было первое сентября. Она с утра отправилась вести в первый класс какого-то племянника, или сына племянницы, и вот уже наступил вечер, а ее все не было.

Ровно в десять в прихожей раздался звонок. Это я помню хорошо, потому что ежеминутно посматривал на часы. За окном уже стемнело. Помнится, у меня даже мелькнула мысль, а не отложить ли разборку до завтрашнего утра? Наверняка своей истерикой она поднимет на ноги всех соседей. Я отщелкнул замок, и супруга сразу набросилась на меня, уже не помню за что: то ли потому, что сразу не открыл дверь, то ли потому, что я опять не вынес мусорное ведро, и от этого в квартире пахло отходами.

— Послушай, — произнес я как можно спокойней, — я не хочу с тобой жить. Ты должна уйти.

— Что? — вытаращила глаза Алиса и, наконец, умолкла.

Изумление длилось более минуты. Она вперилась в меня взглядом, словно клещ и, видимо, читала в моих глазах такое, отчего любая ругань застревает в глотке. — В чем ты меня обвиняешь? Я была у Юльки. Она тебе завтра подтвердит, если ты сомневаешься...

— Мне наплевать, где ты была. Я больше не хочу с тобой жить. Понимаешь? Я завтра подаю на развод.

— Что? На развод? Да, ты дурак! Мне расстаться с тобой — все равно, что отрубить руку.

— Мне глубоко до фени. Я больше не хочу с тобой жить! — сказал я.

— Вот даже как? — вскрикнула она, и из ее глаз брызнули слезы. — Тогда, прощай!

Она развернулась и вылетела из квартиры. Я услышал ее громкие, нервные туфли, стучащие о ступени и подумал: «Бедные соседи».

— Никому я не нужна! Ищи меня под машиной! — крикнула она на весь подъезд.

Внизу яростно хлопнула дверь, и стало тихо. Тихо и тревожно. Я прошел на кухню и сел на табурет спиной к окну, принципиально не желая видеть, как она вне себя от злости несется к смертоносному шоссе. Сейчас принесут ее искореженное тело, вытащенное из-под колес какого-нибудь МАЗа или «Белоруса». Приедет милиция, «скорая помощь». Сбегутся соседи и начнут давать показания, что я, такой-сякой, измывался над ней как изверг, кричал, заставлял мыть посуду, плохо кормил, одевал, не возил на курорты. И далее в том же духе. Интересно, сколько мне влепят? Да сколько бы не вlepили — один черт, жить больше не хочется! Однако как только освобожусь, сразу возьмусь за кисть.

Но столь радужным перспективам сбыться было не суждено. Алиса вернулась через пять минут тихая и виноватая.

— Давай начнем все сначала, — пролепетала она умирающим лебедем.

Я махнул рукой и отправился спать, решив отложить выяснения до утра. Утром я, как и обещал, отправился в суд и подал заявление на развод. К моему удивлению, развели нас быстро, буквально через месяц. Я все боялся, что на суде Алиса закатит очередную сцену, и после нее нас уже никогда не разведут. Но она ничего не закатила и на вопрос судьи ответила, что на развод согласна, ибо насильно мил не будешь.

Однако когда мы вышли из суда, она бодро потопала за мной, и даже попыталась взять под ручку.

— Ты куда? — удивился я.

— Домой! — еще больше удивилась она.

Следует пояснить, что весь месяц в ожидании бракоразводного процесса она продолжала жить в моей квартире.

Правда, спала уже на полу, на туристическом матрасе. «Это должно быть, временно», — утешал себя я. Однако, как после выяснилась, она совсем не планировала возвращаться к своим родителям.

— Мы теперь никто, понимаешь? Моя квартира уже не твой дом.

— А где мой дом? — сузила глаза она.

— Откуда я знаю? Наверное, где и был. У родителей.

— У них негде жить, — шмыгнула носом экс-супруга.

— Как же негде? У них трехкомнатная квартира.

— Но я не хочу с ними жить. Они пьют.

Мне ничего не оставалось, как развести руками и помчатся за трамваем. Я опаздывал на работу. А вечером в слезах снова явилась она.

— Мои родители — скоты. Это невозможно... Давай разменяем твою квартиру.

Я бы с удовольствием разменял свою конуру, если бы ее можно было разменять. Я бы с радостью согласился жить в любом подвале, на любом чердаке, лишь бы ее не видеть. Но, к сожалению, мою однокомнатную малогабаритную «хрущевку» разделить не было никакой возможности, даже на две коммунальные комнаты.

Так продолжалось полгода: ее бесконечные возвращения, слезы, жалобы, истерики. Я жил как на иголках. Даже когда мне сообщили, что Алиса охмурила какого-то поэта, и они уже подали заявление в ЗАГС, и тогда я вздрагивал от каждого цоканья туфель в подъезде. Я долго не мог поверить в такое счастье, что больше ее не увижу. Когда же она действительно расписалась с тем несчастным стихотворцем, я почувствовал себя канарейкой, которой открыли клетку.

«Только бы они жили счастливо», — ежевечерне молил я у Бога. Но разве они будут счастливы? Зачем ей поэт? Ей нужен какой-нибудь чувачек из рабочей среды, но с претензиями на оригинальность, который бы хорошо зарабатывал, тянулся к комфорту, заграничному шмотью и красивой жизни. Вот это будет пара! Поэту она тоже ломает жизнь. «Впрочем, — как догадывался я, — таково, видимо, ее предназначение — гасить Божьи искры художников». Ну, да черт с ними! Теперь я строил дальнейшие планы относительно моей вольной жизни.

Я подсчитывал и соотносил свои резервы, точнее то, что от них осталось. Я оценивал свои силы, как генерал оценивает армию после кровопролитного боя. До славного возрас-

та творца мне оставалось каких-то жалких четыре года. К тому же бесконечные скандалы и истерические сцены на людях сделало меня желчным и нелюдимым. Я представлял собой жалкое зрелище: этакое унылое неулыбчивое существо с вечно недовольной физиономией. Недовольство собой — обычное состояние художника. Но в том-то и дело, что художником теперь я мог себя назвать только с огромной натяжкой. Как человек я деградировал полностью, как художник — едва теплился.

Тем не менее, мои юношеские замыслы снова стали рваться наружу, и я сделал несколько зарисовок по снам. Мастер посмотрел и грустно покачал головой. «Ничего, — подумал я. — Нарашу!» Я не был уверен, что снова начну улыбаться, но что в течение года восстановлю свою былую художественную мощь, в этом не сомневался.

Я бросил работать и начал рисовать. Я стоял за мольбертом шестнадцать, восемнадцать, двадцать часов. По теплеющим глазам Дмитрия Дмитриевич я понимал, что иду в нужном направлении. В мастерской для меня всегда находилось место, но было неловко, что ребята по-прежнему считали меня метром. Я делал все возможное, чтобы оправдать это звание, трудился дни и ночи, забывая о сне и еде. Наконец усилием воли добивался того, что мои сверстники достигали без труда. И вместо радости в груди клокотала обида. Но когда действительно получалось что-то необычное, кривая усмешка искажала мою вечно небритую физиономию. Если бы мои братья-живописцы столько корпели у холста, сколько я, то у них, возможно, получилось бы даже лучше.

Но все равно это было счастливое время. Я работал с упоением. Казалось, еще чуть-чуть, и я на вершине желаемой техники. Только Дмитрий Дмитриевич качал головой и намекал, что на это «чуть-чуть» уходят десятилетия.

Однако года меня больше не пугали. Я снова обрел веру в себя и был уверен, что пойду дальше своих предшественников. Человечество на пороге открытия новых миров, и если мне свыше отпущено быть в авангарде, значит я не последний человек в этом дремучем мироздании...

Но однажды вечером моя кисть сама собой выпала из рук, и я почувствовал внезапное отвращение к живописи. Я покинул квартиру и поплелся по влажному тротуару, движимый новой хандрой.

В тот осенний вечер как-то слишком по мертвецки пустовали улицы, и затяжной дождь (несмотря на то, что дождь я любил во всех проявлениях) не только не вдохновлял, а наоборот — разжигал сиротский неуют в моей чахлой душонке. Честно говоря, «не фонтан» был тогда на улице, но дома было втрое невыносимее.

Не прошло и двух месяцев моей вольной холостяцкой жизни, как опять в больное нутро вползла эта щемящая тревога неустроенности. Именно она в тот вечер не дала завершить картины и дико испортила настроение. Внезапно я опять поверил в счастье и опять мечтал о женщине — тихой, мягкой, доброй, женственной и даже застенчивой. Она сидела бы тихими вечерами на диванчике под голубым торшером и уютно вязала, а я бы писал свои гениальные картины. И покой бы царил в моем одиноком доме, потому что творить можно только в полном покое.

Я мечтал не о чем-то несбыточном, не о чем-то сверхъестественном, а о самом обыденном: о женщине, которая понимала бы меня хоть немного и не требовала больше того, чего я мог дать. Неужели из трех миллиардов женщин, населяющих нашу планету, не найдется такой одной?

Как я был наивен в своих рассуждениях. А ведь буквально за два дня до этого мне приснился тот роковой сон про старика и девушку, которая выпорхнула из барака. Старик не одобрил мой развод, но и не осудил. Он сказал мне что-то очень важное, относительно этой девушки. Но что? Я забыл. Хотя, проснувшись в то утро, я все прекрасно помнил, но, кажется, не предал этому значение.

А дело в том, что тот барак, приснившийся мне во сне, я видел наяву. Недалеко от города был когда-то рабочий поселок оружейного завода. От него осталось несколько полуразрушенных барачков, но только один из них был точной копией того, из которого выпорхнула моя вторая половина. Может быть, поэтому я так скептически и отнесся к этому сну, потому что пребывание моей единственной и неповторимой никак не сочеталось с этой слободской рухлядью.

Итак, в тот вечер, когда моя кисть сама собой выпала из рук, я неожиданно узрел в своем безрадостном грядущем то, что люди называют надеждой. Надежда — это второе, что вырастает из одиночества у истинных творцов. Первое — смертельная тоска. Но теперь у меня был опыт, и я знал, что

на свете есть вещи куда ужаснее смертельного тоски — эта ежевечерняя обязанность ложиться в постель с нелюбимой женщиной.

Я зашел в мастерскую, и учитель, внимательно посмотрев на меня, как-то очень тяжело вздохнул.

— Все нормально, Дмитрий Дмитриевич, — улыбнулся я, не понимая его настроения. — Житейских проблем у меня больше нет. Я их спихнул!

— Осталось чистое искусство? — в тон моему настроению ответил мастер, и как-то очень мудро покачал головой. — А житейские проблемы, между прочим, нам даны не для того, чтобы их спихивать, а чтобы их решать. Вот, к примеру, возьмем Валентина. Художник он хороший. В этом году даже Лувр запросил две его картины. Но быть хорошим художником мало. Нужно еще быть человеком. А Валентин конфликтный, ты же знаешь. С родителями не ужился. Пять лет не мог найти с ними контакт, разменял квартиру, и что же? Живет сейчас в коммуналке. И кто бы, ты думал, сейчас у него сосед по общей кухне? Уголовник! Кто виноват?

— Судьба-злодейка! — засмеялся я.

— А по-моему, если бы он нашел контакт с родителями, судьба не была бы злодейкой.

— И какой же вывод?

— Вывод один: нерешенная проблема никуда не уходит, а только делает виток подобно бумерангу и снова бьет нас, но уже с двойной силой.

Как мудр и проницателен все-таки Дмитрий Дмитриевич. Он знал все наперед. Но я ничего не понял. Мне бы вернуться домой, поднять с полу кисть и продолжить работу. Сейчас грешно обвинять судьбу в несправедливости ко мне. Мне дважды было дано предупреждения: во сне от того старика, которого я называл учителем, и от Дмитрия Дмитриевича.

Помнится, в ту минуту внезапная зевота накатила на меня. Я как-то торопливо пожав учителю руку и вышел вон. Фонари уже загорелись, дождь прекратился, но с деревьев еще капало. Я долго ходил по пустынным улицам и мечтал о женщине. Боже, как сладко я мечтал в тот вечер. Я еще подумал, что людям, которые умеют мечтать, судьба не дает богатства и благополучия. Зачем, если у них живое воображение, благодаря которому мечтатели в любую минуту могут сделаться счастливыми. Жить в роскоши и быть счастливыми дано только людям без воображения. Возможно, поэтому Господь и вознаграждает их роскошной жизнью и окружает

красивыми вещами, чтобы хотя бы этой дешевой бутафорией пробудить в них интерес к красоте.

Я прошел полгорода, не встретив ни единого прохожего. Ничего не оставалось, как запрыгнуть в первый попавшийся трамвай, в котором была одна пассажирка. Мне было лень пройти вперед, чтобы взглянуть, хороша ли она? Должно быть, хороша. Впрочем, при таком состоянии духа, да еще ближе к ночи, все девушки кажутся обворожительными. Сейчас бы отбросить условности, подойти и рассказать ей о том, как мне одиноко. Однако на такую вещь мне всегда трудно отважиться.

Усмехнувшись про себя, я уже собрался выйти, но неожиданно в вагон ввалились два подвыпивших бича. Я прошел вперед и оглянулся. Девушка действительно была мила, и теперь я не имел право оставлять ее одну с этими архаровцами.

Орлы долго матерились, плевали под ноги и не сводили с девушки глаз. Наконец, поднялись с задних сидений и направились к ней. Сердце мое замерло. Кажется, судьба предоставляет шанс познакомиться с этой милашкой. Они подсели сбоку и начали гоготать. Девушка напряглась, но не подала вида, что испугалась. Она отвернулась к окну и делала вид, что не обращает внимания. Я стоял спиной, но в черном отражении стекла видел все до мельчайших подробностей. Архаровцы, чувствуя мою безучастность, распоясывались на глазах. Один из них нагло обнял ее за плечи, но она брезгливо смахнула руку. И когда другой проделал то же самое, я повернулся и вежливо сказал:

— Друзья, оставьте девушку в покое!

Они умолкли, переглянулись, скорчили презрительные рожи и демонстративно полезли в карманы. Я спокойно подошел к ним, плечом отодвинул крайнего и взял девушку за руку. Она взглянула в глаза и позволила поднять себя с места. Неожиданно тот, что был с края, вытащил из кармана нож и подставил лезвие к моему подбородку. Девушка взвизгнула и спряталась за меня. Именно на это и был рассчитан его дешевый трюк. Меня же такими штучками не напугаешь. Я сжал его руку и молча отвел в сторону. А мог бы и вывернуть руку. И даже сломать. Он это почувствовал, и остался на месте, демонстрирую неистовое удивление. Я взял девушку под локоток и повел к выходу. Мы спокойно вышли на остановке. Но когда трамвай тронулся, храбрецы высунулись из окон и начали осыпать нас угрозами, обещая

встретить в темном переулке. Только их угрозы были не страшнее тьяканья шавок из подворотни.

Следователь В.А. Сорокин

За прошедшие сутки мне удалось выяснить еще один любопытный факт из биографии Пьяных. С марта 1991 (после того, как его выгнали из сборной области) по август 1992 он работал на центральном рынке рубщиком мяса. Эти сведения получены от директора рынка. По словам продавцов мясного отдела, Пьяных рубил мясо искусно и даже с явным удовольствием. Так, что топором наш друг владеет виртуозно. Это важная деталь.

Но главное, мне удалось узнать, что Рогов с женой конфликтовал. И довольно серьезно. Когда он напивался, то хватался за топор и гонял жену с детьми по двору. Его соседи говорят, что таким образом он развлекался, снимал стресс, шутил. Однако, по словам тех же соседей, кроме визгов и криков о помощи, со двора Рогова часто доносились угрозы Анны, супруги шутника. Она обещала найти человека, который заступится за нее, и в полной мере даст почувствовать Рогову, каково быть под топором пьяного мужика.

В связи с этой информацией мы отработываем новую версию мотива убийства Рогова. Главное сейчас выяснить, была ли супруга Рогова Анна знакома с Пьяных?

4 сентября 2000 года

17

Должно быть, у каждого мужчины была в жизни своя страстная пятница и своя роковая женщина. Но девушка, которую я вырвал из рук тех архаровцев, не была роковой. По паспорту она тоже оказалась Олей. Но все звали ее Аленой.

Когда орлы принялись осыпать нас угрозами из окна вагона, девушка спряталась за меня и не высывалась до тех пор, пока трамвай не скрылся за поворотом. Я обернулся. Она дрожала.

— Они убьют нас, — пролепетала она, испуганно хлопая ресницами.

Я засмеялся.

— Если бы захотели убить, то убили бы в трамвае.

Она подняла на меня глаза. Ее глаза были изумрудного цвета. Подъехал еще один трамвай с пустым вагоном. Но девушка не решилась сесть в него. Видимо, боялось, что ее будут поджидать на следующей остановке.

— Вам куда? — спросил я вежливо.

— Мне до улицы Минаева, — ответила она с готовностью.

— Чего же мы стоим? Это, наверное, последний трамвай.

Через минуту мы уже тряслись в вагоне, несущемся в направлении улицы поэта-сатирика. Моя спутница долго не могла прийти в себя, и ее руки в замшевых перчатках продолжали дрожать. Через четыре остановки мы увидели наших друзей. Они сидели на лавочке и курили. Заметив нас, ребята снова принялись материться и делать неприличные жесты. Один из них даже подбежал к трамваю и бабахнул по стеклу кулаком. Моя попутчица вздрогнула и прижалась ко мне. Я улыбнулся, сообразив, что мое соседство с ней в качестве провожатого вполне себя оправдывает.

— Не бойтесь! Они из рода Ханаана.

Трамвай захлопнул двери и понесся дальше. Моя спутница вздохнула с облегчением. По пути мы разговорились. Ей было двадцать три года. Она работала программистом. Полгода назад закончила университет, после которого ее распределили в вычислительный центр. Когда она узнала, что я художник, то это ее развеселило.

— Впервые в жизни вижу живого художника, — произнесла она простодушно. — А вы можете нарисовать меня?

Начало было многообещающим. Рисование мы отложили на неопределенный срок, поскольку доехали до нужной остановки. Мы вышли из трамвая и побрели к ее дому. К сожалению, ее дом находился в двух минутах ходьбы от остановки. Я проводил ее до подъезда. Но, прежде чем зайти в него, она дала мне свой номер телефона и спросила:

— Как же вы доберетесь? Транспорт уже не ходит.

— Как-нибудь, — неопределенно ответил я.

— Знаете что? Я дам вам денег на такси...

Она расстегнула сумочку, но я захлопнул ее обратно, уверив, что деньги у меня есть, и что я завтра позвоню. На самом деле денег у меня не было.

Я брел домой пешком, и душа моя пела. В ту ночь я не спешил вернуться в свою одинокую конуру. Я бродил по улицам и снова мечтал, но мечтал уже не об абстрактной женщине, а о ней, об этой очаровательной незнакомке. Когда я

вошел в квартиру, меня неприятно поразило, что обстановка моя бедна и убога. Все обшарпано, потерто, засалено. Да-да, обстановка не совсем соответствовала тому, чтобы приглашать девушек подобного рода. Конечно я художник. Какой с меня спрос? Но косметический ремонт не помешал бы.

На следующий день я позвонил ей на работу. Спросил, как она доехала на лифте до своего этажа, не ругали ли ее родители, за то, что она явилась поздно. Алена ответила, что никто ее не ругал, что все нормально и это очень здорово, что я позвонил. Я напомнил, что намерен нарисовать ее портрет, и что через месяц я приглашу ее к себе в мастерскую (язык не повернулся сказать «домой») для позирования.

— Почему через месяц? — засмеялась она. — Ах да, поняла.

Честно говоря, я не понял, чего поняла моя новая знакомая. Но через месяц я планировал сделать в квартире ремонт, и только после этого пригласить ее к себе.

Наши дальнейшие отношения с ней развивались довольно гладко. Я встречал ее после работы, иногда с цветами. Мы ходили в кино, в театр, иногда забредали в какие-то клубы и кафе. Днем я делал в квартире ремонт, вечерами встречался с Аленой. Еще я ухитрялся брать шабашки. Как никак, намечались некоторые расходы. Еще я подумывал, а не устроиться ли мне обратно ночным сторожем? Заработок небольшой, но регулярный.

И вот, наконец, месяц прошел. Ремонт я довершил: побелил потолки, выкрасил полы и подоконники, оклеил комнату обоями, а кухню — шикарной клеенкой с розами. Получилось довольно изысканно. Еще в квартире пахло краской и клеем, а я уже решил, что завтра приведу Алену. Сняв трубку, чтобы набрать ее номер, я сильно задумался. Кажется, я уже приглашал к себе девушку, и закончилось это весьма плачевно. «Но нет! — заупрямилась моя сущность. — Тогда я не знал, кого приглашаю, а теперь знаю».

18

И снова я был наивен, полагая, что в моей новой квартире хорошо и уютно, и что Алене в ней понравится. Ей не понравилось. Я это видел по лицу. Мою комнату с мольбертом посередине прекрасная гостья осмотрела весьма критично. Проследовав же на кухню и задержав взгляд на розах, она

едва заметно усмехнулась, а, когда взглянула на газовую плиту, то просто (но со вкусом) содрогнулась. Признаюсь, что плиту я чистил второпях, конечно, не до конца (откуда у меня время?), однако по сравнению с тем, что было, она выглядела снегурочкой. Внимание моей натурщицы привлек перевернутый холодильник.

— Понимаешь, — пояснил я. — Это новая конструкция холодильника, бесшумная. В нем нет мотора. Единственный недостаток в том, что для нормальной работы его следует раз в месяц переворачивать вверх ногами на сорок восемь часов.

Этот холодильник я купил две недели назад, польстившись на то, что он бесшумный. Прежний, грохотал, как трактор и активно передвигался по кухне. Словом, по ее глазам я понял, что у меня ни как у людей. И это ей не понравилось.

Тем не менее, тот вечер мы провели приятно. Я нарисовал ее портрет, и он вышел недурно. Моя гостья получилась на нем чистым ангелом. Милая кудрявая головка со светящимися зелеными глазами и легкой всепонимающей улыбкой. Во время писания я тонко осведомился насчет кудряшек, не химия ли случайно.

— Нет! — улыбнулась Алена. — Завитки мои собственные.

Портрет получился настолько удачным, что она сразу же захотела забрать его с собой. Я мысленно себя поздравил: за сорок минут портрет маслом — это не каждому мастеру доступно. На нее произвело впечатление, что я так быстро и красиво рисую.

Проводив Алену до дома, я долго бродил по городу, не желая возвращаться в мое одинокое логово. Я думал о том, что я действительно не похож на других, и что у меня действительно все ни как у людей. Чтобы не потерять эту девушку, я должен хоть немного опуститься на землю. Конечно, я не собирался предавать большое искусство, но во имя счастья и покоя (ибо творить можно только в полном покое) можно самую малость поступиться принципами.

Мы продолжали встречаться. Она продолжала удивляться моей неординарностью, что, впрочем, было плохо, а я не уставал восхищаться ее мягкостью. После моей жены, у которой каждую минуту зашкаливал «борзомер», ее женственность казалась мне чем-то невероятным.

Однажды Алена пригласила меня к себе, намекнув, что родителей дома не будет, поскольку они уехали в Крым. При-

глашения было явно неоднозначным. Не без волнения переступил я порог ее дома. Сразу пахнуло основательностью и домашним уютом. На кухне пахло пирогами. Под ногами ковры и дорожки. Мебель сияла, в шкафу сверкал хрусталь, на полках стояли книги исключительно в позолоченных переплетах: вокруг ни пылинки, ни соринки, к тому же хозяйка была одета в шелковый китайский халат, из-под которого соблазнительно выглядывала пухлая ножка. Я впервые видел ее в домашнем облачении и отметил, что оно ей очень к лицу. «Эта женщина создана для домашнего очага», — подумал я. И в ту же минуту она потащила меня в свою комнату.

В ее комнате стояли кровать, два кресло, стол, полка с книгами, платяной шкаф и радиоаппаратура. Над кроватью висел ковер, а на противоположной стороне над столом висел написанный мной портрет, обрамленный в тяжелую раму. Про себя я отметил, что рама подобрана с большим вкусом. Для этого ангельского лица — эта самый оптимальный вариант.

Мы слушали музыку, пили шампанское и ели изумительное печенье, которое она испекла сама. Когда пробило двенадцать, плутовка не отпустила меня домой, а постелила мне в зале на диване. Сама же легла в своей комнате. Разумеется, едва свет в ее комнате потух, я с бьющимся сердцем направился к ней. Она как будто этого ждала: встретила меня жаркими объятиями и сразу припала к губам.

Со своей девичьей невинностью Алена рассталась без всякого сожаления. Ее спокойствие даже несколько шокировало. После этого Алена пошутила, что теперь, как честная леди, она должна выйти за меня замуж. Однако замуж за меня Алена не торопилась.

Не торопилась, прежде всего, потому, что у нее был в армии жених. Об этом я узнал позже от наших общих знакомых. Как выяснилось, он не очень нравился Алене, но с ним уже было все решено. Они договорились пожениться сразу после того, как он дембельнется. Когда я узнал об этом, во мне все потухло. Я позвонил Алене на работу и спросил прямо: намерена ли она связать свою жизнь с моей. Алена немного подумала и ответила, что нам лучше расстаться.

После ее слов я три дня лежал без движения в своей комнате и смотрел в потолок. Ничто мне уже было не мило. Жизнь неожиданно потеряла смысл. На четвертый день я сказал себе: «Искусство меня спасет». Поднявшись, я пнул ни в чем неповинный мольберт и направился в душ. Нужно

было идти на дежурство. Я вышел на улицу и поплелся на работу, внимательно вглядываясь во всех встречных девушек. Многие из них были милы и красивы, но не одна не походила на Алену. Я был серьезно болен ею. «Искусство меня вылечит», — ежeminутно бормотал я как в бреде и не верил своим словам.

Откуда мне было знать, что два дня назад, когда я лежал без движения на диване, он как раз и возвратился к Алене, ее дембельнувшийся жених. Два дня они выясняли отношения, а на третий — Алена твердо заявила, что не выйдет за него замуж. Этим заявлением она повергла в шок своих родителей, поскольку ее институтский друг, которого так нехотели забрили в армию, им представлялся подходящей партией. В тот же день Алена вызвалась проводить экс-жениха до железнодорожного вокзала в, так называемый, последний путь и после этого поехать ко мне. Да, она поехала ко мне с вокзала. Но неожиданно из трамвая увидела мою поникшую фигуру, плетущуюся на дежурство, и решила отложить нашу встречу до утра.

Следователь В.А. Сорокин

Мои догадки оказались верны. Пьяных был вхож в дом Рогова. Это подтвердили соседи. Одна из соседок утверждает, что видела, как этот мужчина, которого я показал ей на фото, дважды приходил к Роговым. Первый раз — приблизительно три недели назад около восьми вечера, второй раз — буквально на той неделе, в десять утра. В это время Рогов обычно бывает на работе. Следовательно, он приходил к Анне.

Оченьстораживает, что свое знакомство с Пьяных вдова категорически отрицает. На фото его не узнала, хотя не исключает того, что этот мужчина бывал у них в доме. По ее словам, к ним приходило много людей. Муж принимал их на первом этаже в гостиной, в которую она почти не заходила.

Также вдова утверждает, что ничего не знает о кафельном подвале в их загородном доме, поскольку в Красном Яре бывала всего четыре раза. Муж тоже ничего об этом не рассказывал. По ее словам, дом они купили десять лет назад уже в готовом виде, сразу же после переезда из

Краснодара. У кого купили? Она не в курсе. Приобретением занимался Рогов. Это его прерогатива.

Я пытался выяснить про этот дом в сельсовете. Действительно он был куплен Роговым в 1990 году, но у кого — узнать не удалось. Данных о его прежнем владельце не сохранилось. Согласно домово́й книге, дом был построен в 1987 году, но не был зарегистрирован ни в райцентре, ни в сельсовете. В администрации Красного Яра за последние десять лет трижды сменилось начальство. Никто ничего не помнит, документы утеряны. Мне не могли даже дать вразумительного ответа, кто и на каком основании выделит землю под строительство этого дома? Я опросил местных жителей и тоже ничего внятного не услышал. Только узнал, что раньше на этом месте был пустырь. Но с 1987 года его стали самозахватом осваивать городские дачники. С домом я поручил разбираться оперуполномоченному Синельникову. Думаю, мы все-таки найдем прежнего хозяина.

Однако вернемся к Роговой. Отработав все городские таксопарки, мне удалось установить, что один таксист из четвертого парка в понедельник 28 августа около трех часов дня высадил на шоссе неподалеку от Красного Яра женщину лет тридцати. Ее приметы таковы: она среднего роста, умеренного телосложения, волосы темные, на плече черная сумка. Она вышла и направилась в сторону Красного Яра. Таксисту показалось странным, что пассажирка попросила высадить на трассе, а не в самом Красном Яре, до которого идти четыре километра. Синельников показал ему фото Роговой. Таксист сказал, что в принципе похожа, но точно сказать не может, поскольку пассажирка была в черном платке и черных очках.

Очень интересно!

Теперь о колье и серьгах. Нам удалось выяснить, что оба этих изделия были приобретены в Московском ювелирном салоне «Голден Ада». По словам директора салона, это колье было продано около года назад, как, впрочем, и серьги. Покупателя, естественно, продавцы не помнят. Помнят только, что он расплатился наличными без всякой рассрочки. Колье стоит десять тысяч условных единиц, серьги две с половиной тысячи.

Что касается Загряжского, его придется передать отделу по борьбе с организованной преступностью. К убийству Рогова и его сотрудников он не имеет отношения. В

день убийства Загряжский был на районных соревнованиях по Тхэквандо в качестве жюри и не отлучался до восьми вечера. Пьяных по-прежнему не найден. Его жена утверждает, что таким образом он исчезает довольно часто, но если задерживается больше недели, то звонит. Возможно, он позвонит. Его домашний телефон на прослушке.

Мордвинова и Сомойлова тоже следует передать в отдел по борьбе с оргпреступностью. Но пока не объявится Пьяных, об этом не может быть речи.

5 сентября 2000 года

19

Когда на следующее утро я приплелся в офис, меня поразила непривычно деловая атмосфера, царившая в нем. Все сидели на своих местах и молча работали. Я посмотрел на часы: было без пяти девять.

— У меня часы сбились? — спросил я у секретарши, пожав плечами. — На моих без пяти.

— Все правильно, — официально произнесла Вероника, не отрываясь от компьютера.

— Тогда ничего не понимаю.

Она подняла на меня глаза и воровато покрутила головой

— Вчера вы ушли с обеда и, конечно, не знаете, что произошло, — прошептала она. — А явилась госпожа Рогова и назначила нового управляющего. Вы думаете кого? Сабитова!

Я присвистнул.

— Так вот, едва вдова произнесла его фамилию, он сразу начал вводить новые порядки. В первую очередь, оплевал всех начальников отделов, потом обругал всех главных специалистов, прошелся по службе охране, по сторожам, водителям, а юридический отдел вообще смешал с грязью. Вы бы его послушали: дисциплина ни к черту, все распустились, никто не хочет работать... — Вероника втянула голову в плечи и с опаской покосилась на дверь. — Чья бы корова мычала? Словом, если так будет продолжаться дальше, он всех уволит. Теперь за опоздание будут взыскивать по всей строгости, а за появление в нетрезвом виде — увольнять по статье. Отныне все сотрудники должны приходить на работу за пятнадцать минут до начала работы, а уходить пятнадцать минут седьмого.

Я снова присвистнул и отправился в свой отдел. В отделе царила деловая тишина. На мое приветствие сотрудники поздоровались, не поднимая глаз. Подобное напряжение, с которым билась мысль нашего отдела, мне приходилось наблюдать впервые. Я прошел к своему месту и сел за стол. Работать не хотелось. За окном начинал накрапывать дождь. Такая тягостная тишина в отделе была непривычной и сильно давила на мозги. Здорово же их напугал Сабитов.

Так продолжалось около двух часов. В одиннадцать, как ни в чем не бывало, в отдел заглянул юрист Захаров и уселся на Машин стол.

— Покурим? — предложил он с улыбкой.

— Вы что, Валерий Константинович, с ума сошли? — вытаращила глаза Маша.

— Расслабьтесь, господа! Сабитов уехал в Чердаклы.

Все облегченно выдохнули, и комната начала наполняться жизнью. Виктор поднялся и сделал десять приседаний.

— Мы были недовольно Роговым, а Рогов, оказывается, чистое золото, а не начальник. Как запой, так можно вообще не приходить, — произнесла Маша. — А Сабитов — непьющий.

— Зашился, что ли? — поморщился Виктор.

— Хуже! Идейный.

— Идиот он, а не идейный, — вставил свое слова юрист. — Думает, если мы будем отсиживать от звонка до звонка, то дела пойдут на поправку. А не фига! Заинтересовывать надо людей.

— Дурак, не дурак, а вот теперь председатель! — вздохнула Маша.

— Да потому, что он любовник Роговой.

— Что вы говорите, Валерий Константинович! — подняла брови Маша.

— А ты разве не знала? — засмеялся Виктор. — С назначением Сабитова уже было решено заранее. Ты вчера слышала, какую он речь толкнул по поводу дисциплины? Такие речи спонтанно не рождаются. Такие речи вынашиваются годами. И младенцу понятно, что он давно к этому готовился.

— Давно готовился возглавить фирму? — захлопала ресницами Маша.

— Да нет, — засмеялся Виктор, — давно готовился толкнуть речь.

— Стоп-стоп, господа! — поднял палец юрист, сделав хитрый прищур. — Стоп... Все правильно, Витек! Ты не ого-

ворился: он давно готовился именно возглавить фирму. Вот скажи мне, почему в этом году наша контора покатила по наклонной?

— Из-за отдела сбыта, который возглавляет Сабитов, — ответил Виктор с раздражением. — Вернее, возглавлял до вчерашнего дня. В этом квартале они вообще обнаглели. Продали только пятьдесят процентов от планируемого. И Сабитова назначили главой! Анекдот!

— Стоп! — снова поднял палец юрист. — А теперь скажите мне, из-за чего у нас вдвое сократились продажи?

— Из-за конкуренции на рынке! — пискнула Маша.

— Из-за какой, к черту, конкуренции? — взорвался Захаров. — Разве в городе появились новые фармацевтические предприятия, или открылись частные аптеки, или мы подняли цены на лекарства? Где она, конкуренция?

— Я читала отчет, — тряхнула волосами Маша. — Четыре аптеки, которые работали с нами, стали пользоваться услугами челноков!

— Да, ерунда все это, Маняша! Все лекарства, которые поступают в нашу область, проходят через отдел экспертизы. Отдел экспертизы, не работает с частными лицами. Отдел работает только с организациями. Это приказ губернатора. Поняла?

У юриста на лбу выступил пот. Но Машу это не убедило.

— Работает с частными лицами! — воскликнула она. — Я точно знаю. И аптеки берут на реализацию у всех, у кого есть лицензии. И не смотрят, кто частное лицо, а кто от организации.

— Но челнокам не дают лицензии на поставку лекарств...

— Дают! — топнула ножкой Маша.

— Ни в коем случае.

— А я видела.

Они начали спорить и махать руками, но Виктор стукнул по столу кулаком.

— Черт с ними, с лицензиями. К чему вы клоните, Валерий Константинович?

— А вот к чему, — юрист подозрительно оглянулся на дверь и снизил голос, — а не кажется ли вам, что отдел сбыта в течение этого года умышленно сажал фирму на мель.

— Зачем? — удивился Виктор.

— А вы подумайте...

Пятнадцать минут седьмого Виктор выключил компьютер и подошел ко мне.

— Шеф, я целый день размышлял над словами Захарова и пришел к выводу, что так оно и есть.

— И я, — тревожно отозвалась Маша, накидывая на плечо ремешок от сумочки. — Что теперь с нами будет?

— Да разгонят к чертовой матери! — махнул рукой Виктор. — На наши места Сабитов посадит орду своих родственников, и начнется новое татарское иго.

— Но вы не расстраивайтесь, Александр Викторович. Вас оставят, — успокоила Маша.

— Почему? — удивился я.

— Без вас фирма крикнется! Это понимает даже Сабитов. Вы счастливы, Александр Викторович?

На столь неожиданный вопрос я даже не сразу нашелся, что ответить. Немного подумав, я пробурчал не совсем членораздельно:

— Такая ерунда не может подразумевать счастья.

«Счастье — это когда себя не помнишь», — подумал я и заторопился домой, чтобы записать это в дневнике. Войдя в квартиру, я, не разуваясь, проследовал на кухню, плюхнулся на диван и зажмурил глаза, чтобы снова провалиться в прошлое. Я был счастлив дважды. И оба раза не помнил себя. Не могу сказать, когда закончилось мое первое небытие, но хорошо помню, когда оно началось.

Это было двадцать седьмого июля в девять тридцать. Почему я с точностью запомнил дату, потому что этого числа и в это время я расписался в журнале дежурств в отделе вневедомственной охраны. После чего вяло выполз на улицу. Я выполз на улицу после ночного дежурства сонный и унылый и вдруг сразу увидел Алену. Она ждала меня, прислонившись к столбу. Мы сразу бросились друг другу на встречу.

С той минуты все было решено. Мы живем вместе неразлучно до гроба, как сокол с соколицей, и умираем в один день, и нас вместе хоронят в одной могиле. Словом, она переезжает ко мне сегодня же. Только зайдет домой и уложит вещи.

Алена зашла домой, а я остался ждать у подъезда, приготовившись тащить минимум три чемодана. Через полчаса она вышла налегке с весьма расстроеным видом.

— Это глупая затея, — покачала головой Алена. — Мои родители меня не отпускают...

На следующий день я облачился в новый костюм, затянулся галстуком, вылил на себя флакон одеколона и, купив букет роз, отправился к ее родителям.

Родители встретили меня если не с ужасом, то с весьма настороженным видом. Как после выяснилось, в их глазах я не имел никакого статуса. Для них я был просто ночным сторожем и больше никем. Мой художественный дар в расчет не брался. Они же, как узнал я позже, относили себя к отечественной аристократии: ее мать работала главным бухгалтером на каком промышленном предприятии, отец — начальником цеха на оборонном заводе. Я же не работал нигде.

Разговор был тяжелым, но обстоятельным. Отрицательным во мне было все: я был женат — это раз; у меня нет образования — это два; у меня нет профессии — это три, и самое главное — я был, по их понятиям, совершенным нищим.

— Плодить новую нищету? Зачем?

Я не упал духом. Я обещал, что все исправлю, кроме первого пункта. Мою первую женитьбу уже не вырубить ни топором, ни потерей паспорта.

Через три дня Алена уплыла на теплоходе к родственникам в Волгоград. Боже мой, целый месяц без нее! Как я вытерплю? Однако именно этот месяц я решил употребить на искоренение моих недостатков. Алена обещала писать каждые два дня, а по возвращении, не заезжая домой, явиться ко мне.

Она действительно писала. Правда, не каждый два дня, но пару писем я получил. Я же за время ее отсутствия снова устроился специалистом по сигнализации, сорвал несколько шабашек, чтобы сколотить энную сумму на свадьбу и поступил в университет на философский факультет.

Нет, философом быть я не собирался. Собственно, чтобы им стать, совсем не нужно заканчивать университет. Как говорил Сократ, для этого достаточно жениться: «ПопадетсЯ хорошая — будешь счастлив, попадетсЯ плохая — станешь философом». Лично я собирался стать счастливым, а на философский факультет поступил чисто для формальности, ради заполнения пробела в графе о моем образовании.

Через месяц Алена вернулась. За всеми этими заботами я не успел даже как следует стосковаться по ней. Мы встретились в речном порту, и я, подхватив чемодан и сумку, намылился везти ее к себе. Но она воспротивилась.

— Нет, сначала к предкам. Ты езжай, а я приду к тебе завтра.

— Как? Мы же договаривались, что сразу ко мне...

— Нет, это не по-человечески по отношению к родителям.

Была суббота. Я приехал домой и в унынии завалился на диван. Это мука — ждать до завтра. К тому же меня коробило, что она опять не сдержала слово. Впрочем, пока она во власти родителей, это простительно.

Я вскочил с дивана и кинулся к мольберту, как к последнему спасению. Едва я смешал на палитре краски, на меня напало такое вдохновение, что я напрочь забыл об Алене. В самый разгар работы в двери раздался звонок. Кого черт принес в такую минуту? Я пошел открывать с палитрой в руках, с твердым намерением выпроводить любого, кто бы ни был, будь она хоть дочь английской королевы. Однако это была дочь главбуха и начальника цеха, которую, конечно, я выпроводить не мог. Это была она, моя принцесса Алена. Хотя и без чемодана.

— Ты же обещала придти завтра, — удивился я, впуская ее в квартиру.

— Ты не рад? — удивилась она, чутко уловив мою легкую досаду.

— Рад, конечно, но в чем дело?

Наши губы слились, и кисть с палитрой полетели на пол.

— Родители пересмотрели свое отношение к тебе. Они дают согласие на женитьбу...

Следователь В.А. Сорокин

Мы показали фото Анны Роговой таксисту. Он сказал, что в принципе, похожа, но предупредил, что память на лица у него всегда была неважной. К тому же, та женщина была в темном платке и черных очках.

Сочетание черных очков и темного платка уже наводит на определенные мысли. Рогова очки не носит. Возможно, что платок с очками выполняли функцию маскировки.

Удалось выяснить, что 28 августа с 13.20 до 18.15 Роговой дома не было. Коттедж сдавался на пульт в отдел вневедомственной охраны. Когда я поинтересовался у Анны Петровны о месте ее нахождения в день преступления, она смутилась и ответила, что ходила к подруге. Однако

телефон подруги дать категорически отказалась. Я намерен в ближайшее время вызвать ее на допрос.

Вчера вечером выяснилась еще одна любопытная деталь. За три дня до происшествия Рогова и Пьяных видели в конторе дочернего предприятия в Чердаклах, которым руководит Клокин. Глава «Симбир-Фарма», по словам секретаря, приезжал в филиал по поводу открытия новой торговой точки. Они с Пьяных (это подтверждают четверо сотрудников) пробыли в офисе около часа. После этого Рогов попросил секретаря показать Пьяных фото Клокина.

Секретарь принесла его удостоверение, и Пьяных больше минуты рассматривал фотографию главы филиала. Затем Рогов тряхнул его за плечо и произнес: «Да, не бойся! Никто не подкопается!» Что имел в виду Рогов, секретарь сказать затрудняется. Не смог ничего по этому поводу пояснить и заместитель главы филиала. По его соображениям, этому парню, которого привез шеф, Рогов собирался вручить полномочия главы филиала. Но это какой-то бред!

Честно говоря, данный факт меня несколько обескуражил. Пока на этот счет у меня нет никаких догадок. К тому же, несмотря на то, что Пьяных опознали по фотографии, я не вполне уверен, что Рогов появлялся в Чердаклах именно с ним.

6 сентября 2000 года

21

Что за прелесть была моя вторая жена Алена! Я не осязал более мягкой, более гладкой, более шелковистой кожи, чем была у нее. Я не видел более изящных изгибов бедер, не вкушал более нежных губ, не ощущал более жарких объятий. Не в пример моей первой супруге, она была необычайно женственной. Как художник я не мог этого не оценить.

Мне нравилось в ней все: от нежно-розового румянца на щеках до тонких сахарных пятючек в крохотных туфельках. Мне нравилось, как она двигалась, как танцевала, как полегединому протягивала руки. Мне нравилось, как она вздыхала, как пугалась, как вздрагивала и даже как кокетничала с другими мужчинами. Именно она научила меня всяким милым эротическим штучкам и приучила к великолепно пахнущим простыням. Она приучила меня к добротным вещам:

бокалам, свечам, тихой музыке, пледам, журнальному столику, к изысканному кружевному белью, ажурным чулочкам... Она научила меня распознавать тонкие духи, дезодоранты, но никакие духи с дезодорантами в подметки не годились тому запаху, который исходил от нее.

Она приучила меня к кулинарному разврату: ко всяким голубцам, ростбифам, муссам, коктейлям, жульенам, на приготовление которых уходили целые вечера. И после этого уже часто за полночь я мыл сковородки, кастрюли, тарелки, а перед этим пылесосил, скреб, чистил. А на утро бежал в магазин, на рынок и еще черт знает куда, чтобы добросовестно отстоять в очередях те самые часы, которые предназначались мне для мольберта.

Какой к дьяволу мольберт? Я совершенно забыл о мольберте. Да и не было у меня теперь времени. Днем я работал по обслуживанию систем сигнализации, вечером делал малярно-штукатурные шашки, а ночью строчил контрольные и курсовые.

Теперь, благодаря моим усилиям, мы жили в роскошной двухкомнатной, квартире, какой-то последней серии, с подвесными потолками, паркетом и импортным кафелем на кухне. Ремонт, который я сделал в моей холостяцкой «хрущевке», теперь у меня самого вызывал улыбку. Ведь это же надо до такого додуматься — оклеить кухню клеенкой и покрасить полы масляной краской. Просто девятнадцатый век!

А как я одевался? Боже мой! Я мог облачиться в костюм с галстуком и при этом влезть в штиблеты, или мог с джинсами надеть двубортный пиджак, или вязанную шапочку сочетать с длинным пальто. А еще художник!

Если я обладал абсолютным художественным вкусом, то в бытовом плане был полным профаном. Этого я не отрицал и спокойно постигал учения моей супруги, тем более что от меня она могла добиться практически всего при помощи ласки. Только глупая женщина добиваются от мужчины всего посредством луженой глотки. Алена относилась к умным, и знала, что с помощью сладких намурлыкиваний на ухо можно добиться значительно больше.

Нет! Нельзя так любить! Ой, нельзя. Из двух влюбленных, тот, кто любит меньше, непременно становится паразитом. Но тогда я не знал этой горькой истины, и знать не хотел. Я был слишком счастлив.

О чем речь? Я обожал ее. А она обожала комфорт. И своей неистовой любовью к комфорту она развратила меня до

основания. Всего два года понадобилось ей, чтобы из меня, из художника, своими духами, объятиями и нежными намурлыкиваниями сделать вальяжного ленивого кота. Нет, разумеется, не ту усатую полосатую тварь, которая целыми днями вытягивается на диване. Я целыми днями вкалывал. Но когда у меня выпадала свободная минута, а это обычно случалось в выходные, я именно по-кошачьи вытягивался на диване перед телевизором без единой мысли в голове.

По началу мыслей не было, потому что большая часть головы была забита учебой, а потом стало не до них. У нас родился ребенок. Это был прелестный малыш, который почти не доставлял хлопот. Он был спокойным, некрикливым и послушным. В конце концов, для того, чтобы выбрать время для прогулок с коляской, мне пришлось бросить университет. Я это сделал без всякого сожаления, потому что был уверен, что философ из меня не получится: мне слишком повезло с женой.

О чем речь? Я был счастлив, особенно первые три года нашей жизни. Да простят меня за банальность, они пролетели одним мгновеньем. Если несчастья можно описывать томами, тем более что все они, по уверению старика Толстого, несчастны каждый по своему, счастье не поддается описанию. Оно просто пролетает, как дым над паровозом, или как фанера над Парижем, в зависимости от квалификации. Мое же счастье было похоже на пьяный запой. Однако любой запой заканчивается похмельем.

Похмелье, как известно, — это болезненное вхождение в реальность, прощание с иллюзиями, созерцание той самой фанеры, что летала над Парижем. В один из каких-то осенних вечеров, я неожиданно снова вспомнил себя. Вспомнил и ужаснулся. Ужаснулся, потому что ощутил, что уже нахожусь на грани гибели. Как я мог забыть, Боже, ты мой? Как я мог забыть?

В тот же вечер я достал из-под кровати мольберт, установил его посреди комнаты и, наконец, взял в руки кисть.

22

«Счастья — это когда себя не помнишь», — прочел я в дневнике и зачеркнул. Да нет же! Разве это счастье? Это пьяный угар. «Счастье — это когда тебя понимают». Стоп! Кажется, я это где-то читал, или слышал, или даже видел в

кино. Однако я совсем не то имел в виду, что подразумевалось в кино. «Счастье это когда близкие понимают твою высшую цель...» Так, пожалуй, точнее. Впрочем, дело не в определении. Дело в сути.

В тот вечер было тихо. Ребенок уснул. Телевизор не работал. Алена что-то уютно вязала под голубым торшером. Я же, не произнеся ни слова, поднялся с дивана, вытащил из-под кровати мольберт и разложил его посреди комнаты. На меня смотрела та самая недописанная картина, работа над которой прервалась с приходом моей возлюбленной. Тогда у меня было вдохновение, а сейчас его не было. Я смотрел на картину и никак не мог вспомнить, что я хотел выразить, начав полотно? Кажется, что-то об иллюзии земного счастья, или об иллюзии земного бытия. Словом о каких-то иллюзиях... Я макнул кисть в краску и начал рисовать. Я впервые в жизни начал рисовать без вдохновения, надеясь, что оно придет в процессе. Но оно не приходило.

Алена подошла сзади и мягко обняла.

— За сколько ты это продашь?

— Понятие не имею. Может быть, вообще не продам.

— Тогда зачем теряешь время?

Я взглянул в ее шикарные глаза и сразу понял, что счастья быть понятым мне никогда не познать на этом свете.

— Ты ошибаешься, — ответил я сердито, — как раз в данный момент я делаю именно то, на что мне отпущено время.

Она поднесла ладонь к моему лбу и спросила с тревогой:

— Ты случайно не болен?

— Был болен, а сейчас выздоровел...

Я замолчал, чтобы обдумать свои слова, догадываясь, что от них будет зависеть наша дальнейшая судьба. Однако мое молчание Алена истолковала по-своему. Она нахмурилась и сухо произнесла:

— Я пошла спать. Не забудь, что ты завтра штукатуришь гараж.

Следующий день был воскресным. Обычно за неделю я так выматывался, что воскресенье для меня было истинным праздником. По субботам я делал домашние дела: ходил на рынок, крутил мясо, делал в квартире уборку, выбивал ковры (их у нас было шесть), но по воскресеньям я позволял себе отоспаться за все дни. Именно по воскресеньям я, на манер Обломова, бессмысленно валялся на диване и сквозь дремоту смотрел все телевизионные передачи. Но в последнее

время по воскресеньям я приноровился брать штукатурные работы, поскольку мы меняли старую мебель на новую, и денег катастрофически не хватало.

— Постой! — произнес я, удерживая ее за рукав. — Я завтра не пойду штукатурить. Я буду всю ночь работать.

Она пренебрежительно взглянула на мою недописанную картину и хмыкнула:

— Это ты называешь работой?

— По-твоему, работа — это только то, что приносит деньги? Но пойми, никакими деньгами не удовлетворишь потребности души? За деньги можно лишь слегка потешить плоть.

Алена не поняла.

— Почему свои причуды ты ставишь выше семейных интересов? Почему именно сейчас, когда семья и без того в нелегком положении, тебе вздумалось рисовать. Мы же с тобой решили, что купим новый гарнитур! Или ты раздумал?

Презрительный тон, с каким Алена говорила по поводу моего «рисования», начал меня раздражать. Мне стоило невероятных усилий, что сдержаться и не накричать.

— Видишь ли, — произнес я как можно мягче, — мое предназначение в жизни и есть рисование. Я все-таки художник, а не маляр-штукатур.

— С чего ты взял, что ты художник? — перебила она. — Кто тебе сказал? У тебя есть диплом художника? Нет у тебя никакого диплома. И, пожалуйста, не внушай себе, что ты второй Гоген и что мир без твоей живописи не сможет существовать. Ты сейчас обязан заботиться о семье. Вот поставишь на ноги сына, уйдешь на пенсию и рисуй себе на здоровье.

— Да кто ты такая, чтобы решать, что я обязан, а что не обязан? — взорвался я.

— Жена твоя, — ответила она невозмутимо. — Словом, ты серьезно подумай над своим поведением. И отправляйся спать. Завтра тебе штукатурить.

Она ушла в спальню, нервно хлопнув дверью, а я опустился на корточки и закрыл ладонями глаза. Впервые за три года семейной жизни у нас возникли противоречия. До этого мы жили душа в душу, и я всегда был уверен, что когда снова возьмусь за кисть, она поймет меня. Но я жестоко ошибся. Она понимала во мне каждую мелочь, но не поняла самого главного. Точнее, не захотела понять. Я даже догадывался, почему? Понять — это значит пожертвовать, это значит взять половину ноши на себя.

И вдруг я сообразил, что именно сейчас, в эту самую минуту мне предстоит сделать свой окончательный судьбоносный выбор: оставить все как есть и отправиться спать, или снова взвалить на себя свой тяжелый крест художника?

«Снова! — прошептал я. — Ибо талант — есть поручение, которое нужно исполнить во что бы то не стало...» Кажется, это сказал Баратынский. Впрочем, неважно, кто сказал. Важно, что это истина.

Я поднялся с корточек и взял в руки кисть. Меня охватило жуткое волнение: а вдруг у меня больше нет таланта. Так бывает, и очень часто! Господь отбирает дар у тех, кто им не пользуется, или пользуется ради наживы, как пользовался, например, Пикасо. Отбирает и отдает другому, более целеустремленному.

Подозрения мои оправдывались. Я все ночь корпел над мольбертом, и ко мне не приходило вдохновения. То, что получалось на холсте, было ужасно. Мысли разбегались, рука не слушалась, сердце молчало. К утру я понял, что картины не получатся. Я закрасил холст черной краской, чтобы не видеть плоды своей деградации и обессиленный рухнул на диван. Неужели жена права, и у меня нет никакого художественного дара? Но ведь когда-то был!

За окном уже рассвело. Часы показывали половину восьмого. В девять я уже должен быть в гараже. Впрочем, какой к чертовой матери гараж? Сил уже никаких не осталось.

Из спальни вышла заспанная жена. Она подошла к мольберту и с любопытством взглянула на холст. Минуту она молчала, после чего ее губы тронула саркастическая усмешка.

— Эта и есть та картина, в которой нуждается человечество? — тонко осведомилась она.

**Прокурору области
ст. советнику юстиции Л.Г. Уханову**

Докладная записка

Только что получены результаты лабораторных исследований кафельного подвала в загородном доме. Рогова. Они поистине сенсационные.

Прежде, чем вскрыть полы, мы тщательным образом обследовали железный лист. На нем царапины и выбоины, оставленные режущими и рубящими орудиями. Не похоже, что здесь рубили капусту. Исходя из глубины царапин,

можно утверждать, что удары этими орудиями наносились гораздо мощнее, чем требуется для шинковки овощей.

Под железным листом оказалось бетонное основание с медной трубой посередине. Труба уходит в глубину на метр, затем загибается и идет под домом и земельным участком около восьми метров. Заканчивается она в сточной яме, которая была закрыта листом железа с насыпанным на него землей. Обследование почвы ямы никаких результатов не дали. Однако когда мы срезали трубу и провели лабораторный анализ ее внутренней части, наши догадки подтвердились. По трубе спускали кровь. Это было около восьми, десяти лет назад. Несмотря на то, что полы подвала потом тщательно вымывались водой, внутри трубы осталось множество засохших кровавых капель. По ним мы определили, что кровь была второй группы и имела отрицательный резус. Копию отчета лабораторных исследований прилагаем.

*Начальник экспертного отдела
советник юстиции А.В. Звонарев
7 сентября 2000 года*

23

И все-таки в то утро, несмотря на смертельную усталость, я отправился штукатурить гараж. Хозяин гаража, озабоченно взглянув на меня, спросил:

— Ты, брат, с похмелья что ли?

— С чего ты взял?

— Лицо воспаленное, и глаза совсем провалились.

— Нет, все нормально! Я просто вчера поздно лег...

Мой вид владельцу гаража не понравился. Нужно было видеть его озабоченную физиономию.

— А то давай, похмелю!

— Не стоит...

В тот день я штукатурил особенно остервенело. Мне было необходимо собраться с мыслями. Однако мой работодатель без конца подходил ко мне и отвлекал глупыми вопросами:

— А почему ты швыряешь цемент руками, а не лопаточкой, как все штукатуры.

— Потому что я не штукатур, а художник...

«Да, я все еще художник, — говорил я сам себе. — Мои руки несколько заостенели, но это и понятно — столько лет

не брать в руки кисти». Однако мыслить художественными категориями я еще не разучился. Искусством надо жить и дышать. Искусству надо отдаваться целиком, а не только в свободное от работы время. Мне заново придется вживаться в этот горный мир образов. Для этого нужно чем-то пожертвовать. Но чем?

Я решил пожертвовать халтурками в выходные дни и подработками после работы. Институт к этому времени я уже бросил, взяв академический. Но все равно этого было мало. В идеале мне опять нужно было устраиваться ночным сторожем.

Отштукатурив гараж, я вернулся домой другим человеком. Быстро перекусив, я снова встал за мольберт. В глазах жены я впервые увидел страх. Она ничего не сказала, но позвонила родителям.

С этого дня моя жизнь резко переменилась. Ее родители приходили дважды в неделю и внушали мне, что я никакой не художник, что таланта у меня нет, что все это мои выдумки. У меня также нет культуры, образования, а есть только амбиции.

Поначалу я пытался им что-то доказать, а потом плюнул. Приходя с работы, я сразу же становился за мольберт и молча начинал работать. Заканчивалось все скандалом. Да-да, моя обожаемая жена начала скандалить.

Она сделалась упрямой, бестолковой и непонятливый. Куда делись ее мягкость, мудрость и любовь. Я с ужасом замечал, что с каждым днем она все больше становилась похожей на мою первую супругу. То, что обычно женщины добиваются лаской, она пыталась борзо отвоевать глоткой. А скандалы наши были только по единственному поводу, что дел до черта, что дома все разваливается, что денег нет, а я занимаюсь черт знаем чем.

Она была права. В доме действительно все начало разваливаться после того, как я перестал следить за чистотой в квартире.

— Почему бы тебе не убраться? — с раздражением спрашивал я. — Или у тебя все еще токсикоз?

— Я тебе не служанка, — дерзко отвечала она, точь-в-точь как моя первая жена Алиса.

Дело в том, что токсикоз у нее действительно затянулся. Когда она была беременной, то пожаловалась, что не может убираться из-за сильного токсикоза, ее тошнит от одного вида мокрой тряпки.

— Ничего! — сказал я самоотверженно. — Я на себя взвалю обязанности домохозяйки.

В тот вечер, когда я впервые взял в руки веник, мне и представиться не могло, что теперь эта обязанность будет у меня пожизненной.

Разумеется, после родов ей тоже было не уборки. Я это прекрасно понимал и управлялся по хозяйству без напоминаний. «Ничего, это поначалу», — думал я.

Однако у кого, у кого, а у меня в жизни все предпринятое «по началу» в дальнейшем стабильно перерастало в систему. Ведь подрабатывать в ущерб своему творчеству я тоже начал «по началу». Думал, когда потом определим ребенка в садик, жена пойдет работать и немного освободит меня для моего творчества. Но работать она, кажется, больше не планировала. Ребенок уже давно ходил в среднюю группу, а она продолжала сидеть дома на правах домохозяйки, все более приводя в запустение наш некогда уютный и счастливый уголок.

Только после того, как я снова вечерами начал творить, мне неожиданно открылись глаза на мою обожаемую супругу. Правду говорят, что любовь слепа. Как же я не видел с самого начала, что у Алены все признаки паразита. Она ленива, эгоистична и притворна. С чего я взял, что она мягкая и ласковая? Ведя праздный образ жизни представляться таковой не так уж и сложно. Но люди спускаются на землю для великих трудов.

Мой насущный вопрос, собирается ли она когда-нибудь работать, вызывал у Алены лютую злобу. Ее родителей от подобной постановки вопроса впадали в шок.

— Где ты видел, чтобы женщины работали? — восклицали они на разные голоса. — Не стыдно тебе выезжать на женщинах и детях?

Как бы ни было мне стыдно, все равно вечерами я продолжал наращивать свою художественную технику. Не писать я не мог. Меня денно и нощно мучило томление по несовершенному. Наша квартира стала походить на вокзал. Жена по-прежнему отказывалась убираться и не собиралась работать. Но я научился творить в полном бедламе.

Что касается Алены, то вся эта бордель в доме стала странным образом сказываться как на ее характере, так и на внешности. С каждым днем она становилась все стервозней и невыносимей. Мы уже больше не общались по-человечески. Мы только переругивались. В основном она вы-

сказывала мне претензии, а я отнекивался в грубой форме. Внешне она тоже очень изменилась. Вид ее стал дико неряшливым: грязный халат, сальные волосы, сердитая сонная физиономия. С этим еще можно было мериться. Но когда она в порыве гнева изрезала ножницами все мои полотна, я внезапно понял, что существуют какие-то силы, препятствующие продвижению моего искусства.

На четвертом году нашей семейной жизни районный суд зафиксировал наше первое заявление о разводе.

24

Восьмого сентября в пятницу в конторе нас ждал непредвидимый сюрприз. Ровно в двенадцать на доску объявления вывесили приказ об увольнении юриста Захарова за трехчасовое отсутствие на рабочем месте. Все сотрудники «Симбир-Фарма» были в панике. Прочтя приказ, мои коллеги безропотно разбрелись по своим местам и тихо погрузились в экраны компьютеров. Вернувшись с обеда, Виктор произнес с досадой:

— Ну, и времечко настало. В курилке как в пустыне. Будто вымерли.

— Естественно. Все боятся за свои места, — подала голос Маша. — А, между прочим, Захаров вчера предупредил Веронику, что с утра повезет машину на техосмотр.

— Понятно, что опоздание — только повод. Сабитов давно точил на Захарова зуб. Видимо то, что говорил про него Захаров, не так уж далеко от истины.

Виктор многозначительно поднял палец кверху и хитро подмигнул.

— Сейчас ты тоже договоришься, — прошептала Маша. — И тебя уволят.

— Если успеют? — засмеялся Виктор. — Скоро Сабитову конец, ребятки!

Мы одновременно подняли головы:

— Это еще что за новости?

Виктор покосился на дверь и снизив голос до шепота:

— Сегодня утром милиция арестовала Рогову.

— Откуда такие сведения? — поинтересовался я.

— Я только что встретил корреспондента «Вестей». Он мне сказал, что преступление раскрыто. Это дело рук Анны Петровны. Значит, скоро арестуют и Сабитова.

— Нашел, кому верить — корреспонденту «Симбирских Вестей».

— Да, действительно! Они и соврут — не покраснеют, — замыкнула Маша. — Им лишь бы «бомба» была.

— Но то, что Рогову арестовали, это хотя бы правда? — спросил я.

— Корреспондент и сам не знает, — махнул рукой Виктор. — Якобы, по слухам. Этот репортеришко мне полчаса мозги парил, а потом признался, что все эти сенсации их заставляют придумывать редактор.

— А если в суд подадут на газету? — хлопнула глазами Маша.

— А что суд? Чем больше судов, тем больше у издания популярности. Некоторые газеты специально пишут подсудные материалы, чтобы за счет скандалов увеличить тираж. А вообще суды — такая рутина. Кто с ними связывается? Этим и пользуются журналисты. А потом, даже если суд и вынесет какое-нибудь решение — где гарантия, что тебе возместят убытки? Будешь ты с этим исполнительным листом, носиться как курица с яйцом. Лично я в суд никогда не обращался, и обращаться не собираюсь, — закончил Виктор.

— И я, — призналась Маша и почему-то вздохнула. — А вы, Александр Викторович, были когда-нибудь в суде?

— Дважды, — ответил я. — И оба раза по бракоразводному процессу...

Если с первой женой я был разведен почти молниеносно. То со второй все было иначе. Первое заявление о разводе я подал на четвертом году нашей жизни. Причина та же — полная невозможность творить. Однако развод затянулся на долгие три года. За это время было еще шесть моих заявлений. И когда мы разъехались окончательно, мне уже было тридцать пять, как Гогену. У меня не было написано ни одной выдающейся картины, но я снова был свободен. И я снова ясно представлял свое предназначение в этой жизни, и четко видел смысл человеческой эволюции. Незадолго до развода, в какое-то затишье между боями у нас с женой на эту тему состоялся разговор.

Я стоял у мольберта и рисовал песочные часы, но вместо песка у меня были люди. Много людей. Они были грязные, пузатые, небритые, дикие и злые, но, проскочив через узкий перешеек в часах, — трансформировались и делались тонкими, чистыми, красивыми...

— Как ты считаешь, — спросил я у Алены, — какой смысл в нашей земной жизни?

— Чтобы муж на жену не орал, — ответила она сердито, не отрываясь от телевизора.

— Да нет же, — засмеялся я. — Вообще смысл течения человеческой эволюции. Сколько до нас было культур и цивилизаций. И не одной не осталась. Наша — тоже когда-нибудь исчезнет, как исчезла греческая, римская и египетская. Некоторые из них достигали таких высот в искусстве, какие нам и не снились. И все равно они канули. Китайцы, например, добились такого совершенства в поэзии, что даже кляузы на соседей писали стихами. И все равно все это кануло в небытие. Какой же смысл во всех этих расцветах культур?

Если бы Алена хоть краем глаза взглянула на мою картину, то, вероятно, смогла бы ответить на мой вопрос. Но она смотрела очередной бразильский сериал, и поэтому пробурчала недовольно:

— Смысл: чтобы муж слушался жену.

— Да нет же! — воскликнул я, раздражаясь от ее узколобости. — Смысл от всего этого может быть только один: чтобы следующая цивилизация рождалась в ином качестве. Понимаешь?

— В лучшем, или в худшем? — рассеянно спросила она.

— Конечно, в лучшем.

Она подняла на меня глаза и спросила:

— Какое тебе дело до следующей цивилизации? Тебя уже там не будет.

Вопрос меня обескуражил. Я не знал, что ответить, но точно знал, что качество людей будущей цивилизации меня кровно волновало.

— Почему ты решила, что меня там не будет? Мы все там будем. Хотя нет. Представители племени Ханаана приходят на Землю единожды, и непременно рабами... У них будущего нет...

И снова, словно тополь на Плющихе, стоял я посреди своей «хрущевки» и вглядывался в белые обои, которые я наклеил в ожидании счастливой жизни. А на кухне сияли алые розы на клеенчатых стенах и слой пыли покрывал газовую плиту с перевернутым холодильником. И нутро мое наполнялось тихой грустью. Ведь как-никак, кроме некогда любимой жены, я оставил шестилетнего сына. Похоже, мой сын повторяет мою судьбу. На мне тоже с шести лет зияет

клеймо безотцовщины. Не дай Бог, если он пойдет по моим стопам и возьмет в руки кисть.

От такой мысли мне сделалось дурно. В ту минуту мне показалось, что если я не свершу то, что на меня возложили свыше, моя ноша перейдет на сына.

В ту же секунду я сорвался с места и начал панически раскладывать мольберт. «Я все смогу, и все еще успею — еще не стар, и помыслы чисты», — бормотал я стихи своего друга. Ничего-ничего! Тридцать пять — хороший возраст. Данте еще не думал приступать к своей «Божественной Комедии», а Даниил Андреев едва только сделал первые наброски к своей великолепной «Розе Мира». Работа на ментальном уровне и предполагает именно такой возраст. Отчаиваться еще рано. Пускай я потерял полжизни, зато узнал истинную цену свободы. В тридцать пять Гоген ушел из дома, чтобы взять в руки кисть. В тридцать пять все еще только начинается, — бодро думал я. И светлая ностальгия по юности переполняло мое серое нутро. Но это была спокойная грусть, при которой можно творить.

25

Я заметил одну вещь. Мне совсем перестали сниться сны. Сегодня девятое сентября, суббота, тринадцатый день, от того дня, как я сгубил душу. Только что миновала двенадцатая ночь небытия. Учитель говорил, что сны не могут не сниться. Если ты встаешь утром и не помнишь ни фрагмента, значит, твоя душа поднималась слишком высоко. Моя же, — судя по всему, опускалась слишком низко.

Я поставил на плиту кофейник и подумал, что для божественного проведения тринадцатый день как-никак был кстати, чтобы закончить с моей неопределенностью. На этой мысли кофе, как и в прошлый раз, с шипеньем залил горелку. Выждав минуту, я со вздохом выключил газ.

В холодильнике не было ничего, кроме прогорклого масла в масленке. Это обстоятельство больше обрадовало, нежели опечалило. Уже двенадцать дней подряд я насильно вталкивал в себя пищу, и сейчас мне судьба давала шанс проветриться до магазина.

Я вяло влез в туфли, снял с вешалки сумку и отправился на улицу. Не дойдя до гастронома, я внезапно увидел в киоске на одной из газет огромный заголовок: «Убийство раскры-

то. Жена «заказала» мужа». Я подошел и ткнул пальцем в эту страницу. Разумеется, это были «Симбирские Вести». Только они способны пугать читателей такими изуверскими заголовками. Я раскрыл газету и начал читать.

УБИЙСТВО РАСКРЫТО **Жена «заказала» мужа**

Как стало известно нашему корреспонденту, следствие по делу о тройном убийстве в Красном Яре практически завершено. Прокуратура по-прежнему отказывается от комментариев, но дает понять, что расследование находится на завершающей стадии. Главные зачинщики убийства уже арестованы, хотя исполнитель по-прежнему в бегах.

Как мы и предполагали, следствие не блеснуло оригинальностью: подозреваемый все тот же Леонид Пьяных, который все еще на свободе, а вот мотив преступления кардинально изменился. По слухам, следователь прокуратуры Валерий Сорокин больше не связывает эти убийства с угоном КАМАЗа лекарственных препаратов с Красногорского завода.

Однако будем последовательны. Почти сразу же после убийства, а точнее на девятый день овдовевшая владелица фирмы неожиданно поставила во главе фирмы начальника отдела сбыта Марата Сабитова. Это назначение вызвало у работников «Симбир-Фарма» кривотолки. «Почему именно Сабитов? — удивлялись сотрудники. — Только благодаря его отделу, оборот лекарственных средств фирмы сократился вдвое?» Свой выбор госпожа Рогова объяснила так: «Сабитов явился ко мне домой на второй день после похорон мужа и попросил доверить фирму ему. Он пообещал, что в течение двух месяцев выведет Акционерное общество на уровень прошлого года».

Рогова доверила. Но вот что любопытно: процветание фирмы полностью зависели от отдела сбыта. Возникает резонный вопрос: что же господин Сабитов не выводит фирму на должный уровень при живом хозяине, а наоборот, отдел под его руководством работал день ото дня хуже. Подобный факт не мог не навести на мысль, что начальник отдела сбыта сажал родную фирму на мель умышлено.

А, может, такой исход событий был разработан совместно с Роговой?

Не будем гадать. Обратимся к фактам. Следствию стало известно, что Пьяных был частым гостем в доме Роговых, но хозяйка дома категорически отрицает свое знакомство с ним. Это не может не вызывать подозрения. Далее выяснилось, что госпожу Рогову в день убийства видели недалеко от Красного Яра. Сама она это отрицает, но, в то же время, не дает вразумительного ответа на вопрос, где она была в момент убийства мужа?

В результате госпожа Рогова, а заодно и новоиспеченный глава «Симбир-Фарма» взяты под стражу. Прокуратура уверена в их причастности к тройному убийству. В данный момент следствие устанавливает долю участия каждого в этом преступлении. Также правоохранительные органы намекнули на то, что ищут уже не самого Пьяных, а его труп, причем неподалеку от Красного Яра. Когда тело будет найдено, многое встанет на свои места, в том числе и будет получен ответ на вопрос: для чего мадам Рогова в день убийства ездила в Красный Яр?

Прочтя заметку, я швырнул газету в урну и произнес в сердцах:

— Скоты!

Что я мог произнести еще? Это слишком, даже для желтых журналюг. Куда смотрит прокурор?

Я вернулся домой и стал звонить по всем инстанциям. В прокуратуре находился только дежурный, однако домашний телефон следователя Сорокина, он дать категорически отказался. Не произвело на него впечатления и мое заявление, что у меня есть эксклюзивная информация по тройному убийству в Красном Яре. Дежурный также невозмутимо отпарировал:

— Если у вас есть какие-то факты по этому делу, мы готовы принять их от вас в письменном виде.

Я решил не медлить. Быстро собрался, кинул в сумку две ручки и пачку бумаги, взял паспорт и уже шагнул за порог, но внезапно вспомнил про дневник. Пришлось вернуться, вырвать исписанные страницы и сжечь их в алюминиевом блюде. Только после этого я окинул взглядом свою одинокую квартиру и вышел вон.

Был солнечный сентябрьский день. Пахло прелыми листьями и сырой землей. Во дворе шумно резвилась детвора,

чирикали воробьи и ворковали голуби. Я решил сначала зайти к Дмитрию Дмитриевичу, хотя и не был уверен, что он сейчас в мастерской. Обычно мастер приходил ближе к вечеру, но все равно там должны быть ребята. Завернув на улицу Гончарова, где находится Дом Художника, я неожиданно увидел того, кого искал. «Что ж, это действительно судьба», — усмехнулся я и пошел к нему на встречу. Сорокин узнал меня и первым протянул руку.

— Зря вы проходите мимо этого здания, — произнес я, кивая на Дом Художников. — Как раз в нем вы и найдете разгадку в вашем деле. Вас к этому месту привело само провидение.

Следователь засмеялся, приняв мои слова за шутку.

— Вы читали сегодняшние «Вести»? Это правда, что они пишут относительно Роговой?

— У меня эти «Вести» вот где сидят! — скривился Сорокин, проведя ладонью по горлу. — Я все-таки подам на них в суд.

— Значит, Рогова не арестована?

— Пока Рогова только задержана.

— Да ну? Неужели вы действительно думаете, что Анна Петровна «заказала» своего мужа?

— Почему нет? — сверкнул очками Сорокин. — В день убийства вдова была в Красном Яре, но сама это отрицает.

— Вы хотите сказать, что зарубила она?

— Что вы? — улыбнулся следователь. — Зарубить она, конечно, не могла, но «заказать» мужа — резон был. А порубал их всех мужчина недюжей силы, который раньше имел дело с рубкой мяса. Одним ударом раскрыть череп — может только мясник. Либо патологоанатом.

— А дровосек, разве не может?

— Может, конечно, — засмеялся следователь. — Но в числе подозреваемых у меня дровосека нет. А мясник есть.

Мне ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть.

— Давайте зайдём с вами в мастерскую. Я вам кое-что покажу, и вы сразу перемените свое мнение.

Брови следователя взметнулись вверх. Он недоверчиво посмотрел мне в глаза и потребовал дополнительных объяснений.

— Я не шучу, Валерий Александрович. Пойдемте!

Было видно, как он колебался, но любопытство взяло верх. Сорокин украдкой взглянул на часы и заинтригованный направился за мной. Честно говоря, я догадывался, что

он ничего не поймет, просто мне захотелось в последний раз окинуть глазами мастерскую.

Как я и предполагал, Дмитрия Дмитриевича не было. Но орелики уже трудились. Среди них и скульптор Сережа, который был мне нужен. Ребята радостно приветствовали меня и завалили вопросами, где я пропадал столько лет? Я отвечал неопределенно, а сам искал глазами подходящую скульптуру. Наконец я прямо спросил у Сереги:

— У тебя есть какая-нибудь фигура, от которой ты мечтаешь избавиться?

Скульптур неопределенно дернул плечом.

— Такие фигуры есть всегда. Весь вопрос в том, кто будет потом убирать?

— Не волнуйся, уберу! — соврал я. — Покажи только фигуру.

— Вон ту бабешку с дротиком мечтаю больше никогда не видеть.

— Тащи колун! И покажи товарищу, свое истинное мастерство.

Ребята бросили работу и окружили Серегу. Подобная процедура нравилась всем. Он самодовольно хмыкнул, взобрался на соседний постамент и вдруг одной рукой со всего маха хряпнул скульптуре по голове, да так, что она рассыпалась, до самых ног.

— Дай, добыю ноги! — закричали пацаны и вырвали из его рук колун.

Серега подошел к нам и с улыбкой пояснил.

— Главное, найти середину центра тяжести, и скульптуру можно разбить одним ударом. Конечно, классически она разбивается молотком, но от колуна больше кайфа.

Сорокин, как я и думал, ничего не понял. Он удивленно посмотрел на меня и спросил:

— И что?

— А то, что убийцей мог быть не только мясник и не только патологоанатом, но и художник.

Сорокин с минуту смотрел на меня, не моргая, затем неприлично расхохотался.

— Ну, если так рассуждать, то убийцей мог быть и игрок в гольф.

Я взял его за рукав и вывел в коридор, чтобы не слышали ребята.

— Хорошо, не буду водить вас за нос. Это я зарубил тех троих в Красном Яре.

Часть вторая СМЕХ КУКЛЫ

УБИЙЦА ЯВИЛСЯ С ПОВИННОЙ (газета «Симбирские Вести»)

И снова сенсация, связанная с кровавой драмой в Красном Яре. В минувшую субботу добровольно сдался властям настоящий убийца. Им оказался начальник отдела планирования АО «Симбир-Фарм» Александр Ветлицкий. По его признанию, он собственноручно зарубил топором главу фирмы Алексея Рогова и двух своих сослуживцев. Точная причина еще не установлена, но, как сообщают наши источники, это связано с деньгами, найденными в карманах убитых. Прокуратура по-прежнему отказывается прояснить что-либо по этому делу.

По нашим данным, добровольное признание Ветлицкого явилось полной неожиданностью для следователя прокуратуры Валерия Сорокина. Если действительно этих несчастных зарубил начальник отдела планирования, то это еще больше запутывает дело и не снимает прежних вопросов. Куда все-таки делся Пьяных? Что делал мадам Рогова в день убийства в Красном Яре? Почему на девятый день после убийства главой фирмы назначили Сабитов? Почему преступник прибежал к помощи топора?

Как выяснил наш корреспондент, Александр Ветлицкий — наиболее уважаемый служащий компании. Он — эталон спокойствия и уравновешенности. Его не только никогда не видели гневным, но и даже раздраженным. То, что он способен на убийство, да еще топором, в это никто не верит.

По словам секретаря, в день убийства Ветлицкий возвратился из московской командировки. Поезд прибыл в два часа дня, а в три служащего уже видели в офисе. Он был как всегда — спокойным и доброжелательным. Ничего странного ни в его лице, ни в манере поведения сослуживцы не заметили. Отчитавшись за командировку, Ветлицкий отправился домой, поскольку оставаться на работе

уже не имело смысла, — было около шестнадцати часов. Теоретически он мог совершить убийство, которое произошло между 17:00 и 17:30. Но практически — это мало вероятно.

P.S.

Когда верстался номер, прокурор области сделал сенсационное заявление: «Тройное убийство в Красном Яре оказалось более сложным, чем представлялось в самом начале. Не исключено, что оно каким-то образом переплетается с делом о расчленении девочек в 1988 и 1989 годах...»

1

Он смотрит в глаза и не верит ни слову. Я описываю детали, а он кивает головой, щурит глаза и иногда снимает очки, чтобы протереть стекла. Однако все равно не верит. Впрочем, мне безразлично. Какого черта еще? Главное, что преступник признался, а все эти незначащие подробности — фантики для девочек. Тем не менее, Сорокин упрям. Он хочет знать истину и впивается глазами как бульдог. Но истины не добиваются бульдожьей хваткой. Она также заслуживается трудами и днями, как Божий дар.

— Допустим, — устало прерывает Сорокин. — Допустим, все, что вы говорите, — правда. Но возникает резонный вопрос: почему вы не признались сразу.

— Сразу трудно признаться, — отвечаю я и отвожу глаза от его сияющих очков.

— А почему решили признаться именно после задержания Роговой? Почему, например, ни после ареста Лебедкиной?

— Мне не жалко Лебедкину. Она ворует. Именно из-за Лебедкиной мы потеряли четыре аптеки. Она по полгода гоняет деньги по чужим счетам. Ей давно нужно было воздать по заслугам.

— Значит, Лебедкина не вызывает у вас симпатии, а Рогова, стало быть, вызывает?

Я смотрю в глаза Сорокину и вижу в них раздражение.

— Рогова несчастная женщина. Она столько настрадалась от своего мужа, а тут вы еще бросили ее в каталажку, не разобравшись.

— Не бросили, а задержали.

— Не важно! Рогова здесь ни при чем. Она святая. Как только этим ублюдкам роговым, достаются такие женщины? Хотя, не об этом речь. Знаете ли вы что такое провинциальные музыкальные вечера в каких-нибудь ГПТУ или районных школах? Это сборище нищих музыкальных работников, которые делают вид, что все еще чего-то значат для общественной жизни города. Сходите из любопытства. Я вам советую. Посмотрите на их унылые лица, на их тоскливые глаза, на их дешевую одежду, на их натянутые улыбки. Никаких чиновников на подобные мероприятия не заманишь калачом. А вот Анна Петровна, которая тоже окончила музыкальное училище, всегда приходит на эти вечера с двумя ведрами роз.

— И что? — удивился Сорокин. — Что такое для богатой женщины купить два ведра роз? Ее муж ворочает миллионами.

— В том-то и дело, что муж ворочает, а ей не дает ни гроша. Он жмот, каких поискать. Рогов может за вечер спустить миллион на шлюху, а жене дает только полторы тысячи рублей на пропитание. И потом требует отчет.

— Где же она берет на розы? — удивился следователь.

— Подрабатывает мытьем подъездов! Не верите? Могу показать дома, в которых она моет по понедельникам и четвергам.

Сорокин смутился. Он протер очки, после чего подозрительно посмотрел в глаза:

— Откуда вам это известно?

— Случайно увидел ее в подъезде с тряпкой в руках. Глазам не поверил. Думал, обознался. Навел справки — действительно она.

После короткого молчания, следователь постучал по столу ручкой и произнес с досадой в голосе:

— Значит, вы решили выгородить Рогову? Взять вину на себя? А более достоверного ничего не могли придумать, кроме как ограбление. Какой же дурак вам поверит, что вы зарубили троих топором только за то, что они вас ограбили?

— Вы не верите, что эти тридцать три тысячи долларов мои?

— Допустим, что ваши. Допустим, вы всю жизнь копили. Допустим, воровство сотрудников вас так ошеломило, что вы, не помня себя, искромсали обидчиков топором. Но почему тогда свои деньги вы не забрали обратно?

— Я не люблю шарить по карманам, — ответил я, отведя глаза. — Да я и не знал, что мои деньги у них в карманах.

— Откуда же вы тогда знали, что именно они вас ограбили?

— А больше некому, — пробормотал я, понимая, что это звучит глупее некуда.

— Александр Викторович, — улыбнулся следователь. — Вы взрослый человек. Вы хоть понимаете, как это неправдоподобно?

Я вздохнул и опустил голову. После небольшой паузы Сорокин сделался серьезным:

— Вы продолжаете настаивать на том, что это вы в полном рассудке и здравии зарубили Рогова, Петрова и Клокина?

— Продолжаю, — ответил я, не поднимая головы.

— Из-за денег?

— Да.

— Что ж, — щелкнул пальцами Сорокин, — я начинаю составлять протокол. Может быть, все-таки подумаете? Так мы можем пойти и до «вышки».

Сердце мое встрепенулось. «Вышка» — самое то. С жизнью я расстанусь с улыбкой, как Демокрит, потому что дальнейшее продолжение жизни — это бессмысленная жестокость по отношению ко мне. Хотя жестокость тоже способствует прозрению, но прозрение меня больше не занимает, поскольку мне прозревать уже не зачем. О чем речь? «Вышка» — это гораздо лучший вариант, чем зона, или психушка. Только все это мечты. В России мораторий на смертную казнь.

Душно. За решеткой комнатухи, где меня допрашивают, проплывают тучи. Тучи — не разновидность атмосферных явлений, это вечное состояние моей души. У следователя тоже под глазами тучи. Заметно, что он не желает составлять протокол. Он желает выставить меня отсюда и всерьез заняться Роговой. Но Рогову он не получит.

2

Когда меня отвели в камеру и, наконец, оставили одного, на душе стало спокойнее. Теперь моя неопределенность кончилась. Я даже робко выразил надежду, что ко мне снова возвратятся сны. Хотя вряд ли.

Я лег на нары и закрыл глаза. Внутри остался неприятный осадок после разговора со следователем. Мне было ис-

кренне его жаль. Если ему откровенно рассказать, что никакой я не специалист по маркетингу лекарственных препаратов, а простой российский художник, это бы только запутало дело. Можно для всего света быть художником, а в душе оставаться торгашом, но когда я занялся постылым торгашеством, то ни на секунду не забывал, что я художник. Да и как забыть, когда над душой вечно висит эта чугунная гиря несвершённого.

Чтобы слегка встряхнуться, я уезжал в Москву. Бродил по театрам, музеям, выставочным залам. Забрёдал и к друзьям-художникам, с которыми много пил и рассуждал о новых течениях в живописи.

В тот роковой девяносто четвёртый Москва произвела на меня удручающее впечатление. Столица изменилась. Она стала насквозь продажной. Изменились и мои братья по духу. Они все уже были при деньгах. Их, словно мотыльков на свечку, понесло в коммерцию. «То, что произошло в стране, несомненно штучки сатаны», — думал я, но сейчас понимаю, что это испытание Божье. Это испытание лучшей части человечества — творцов. Торгаши, они и в Африке торгоши. Господь испытывал художников: действительно ли они творцы, или при первой возможности променяют свой Божественный дар на презренный самоварный блеск?

Я беседовал с друзьями-художниками, и поражался тому, как глубоко они прониклись всенародным духом торгашества. А может быть, у них и не было никогда Божьего дара? Возможно и так. Но все равно мне было обидно. Они, выдержав натиск железобетонного тоталитаризма, поддались плебейскому духу всеобщего жульничества. Вообще, много унылого я вынес из той поездки в столицу, но особенно грустил, когда смотрел на цветные обложки эротических журналов.

Как-никак я был холостяком, и обнаженные женщины не могли меня не волновать. Я опять скучал по Алене и, глядя на зазывающие телеса журнальных красавиц, бессмысленно усмехался. Как живописец я не мог не оценить, что их вульгарная нагота рассчитана на грубый вкус, и что их прелести, выставленные на прилавок в таком количестве, безнадежно уступали моей бывшей супруге в элементарном обаянии. Я скучал по шелковистой коже, кофейным соскам, молочным ножкам... Черт! С каким огромным счетом проигрывали эти фиговые красотки моей жене в элементарной женственности. И на кой ляд мне нужна свобода? Безусловно, мы были бы счастливы с Аленой и дожили бы с ней до глубокой старости,

если бы я, наконец, свалил с себя этот тяжелый крест художника. Но в утешение, я опять вспоминал Баратынского, что «дарование — есть поручение», и понимал, что Алена была мне спущена свыше в качестве испытания.

А ведь испытание женщиной — это самое примитивное испытание, когда испытывают душу, вознамерившуюся слушать высшему смыслу. Вслед за этим, если верить Флоберу, испытывают смертью.

Как ни трезвы были мои рассуждения, Алена стояла перед глазами как живая, причем, в бесстыдно обнаженном виде. Почему-то припоминалось только хорошее, но таково уж свойство воспоминаний. Я брел по Арбату и догадывался, что наша встреча с ней, не могла быть случайной. В слиянии наших судеб, было много мистического, как будто кто-то специально толкал нас в объятия друг к другу.

А ее плоть! Боже мой, какая у нее плоть. Такая дается только женщине, у которой особая миссия. Если бы еще душа соответствовала ее телу. Неожиданно я встал, как вкопанный, посреди улицы, и мне в голову пришла совершенно идиотская мысль, что я никогда не любил Алену, а любил только ее тело.

И снова попадались киоски с журналами, но не одно тело не могло сравниться с телом моей бывшей супруги. У какого-то секс-шопчика я притормозил, чтобы посмотреть на резиновую женщину, собравшую вокруг себя подвыпившую толпу. Я тоже усмехался и представлял ее с собой в постели. Но ничего, кроме омерзения, эта штукавина у меня не вызвала. Однако именно она навела меня на мысль сотворить Галатею. Я шел и ухмылялся шаловливости своих мыслей и думал о том, что Пигмалион, вероятно не найдя идеала среди земных женщин, изваял такую из камня.

И действительно, кто наделен душой, тот не может существовать без идеала. Без идеала он зачахнет, истлеет, превратится в обезьяну. И опять перед глазами вставала Алена, но уже в совершенно ином качестве.

А ведь, когда человек был андрогинном, который сочетал в себе мужское и женское начало, тогда ему жилось беззаботно. Но когда у человека нет забот, это не совсем хорошо для эволюции. Живут же австралийские племена без войн, катаклизмов и кризисов. Живут в истинно земном раю. Только как бегали десять тысяч лет в набедренных повязках, так и бегают по сей день. Нет-нет, Боги желали нам добра, разделив человечество на женскую и мужскую половины. Боги

разметали половины по свету... Но если бы только по свету! Подозреваю, что и по другим мирам. А мы ищем, ищем свои половины и параллельно движем прогресс, который, в конечном итоге, окажется ненужным. А ведь соль этой жизни в том, что одна половина не может без другой. И конечно прав многомудрый старик Толстой, обронивший однажды, что человек без семьи — это полчеловека.

3

Но если мне не суждено встретить мою вторую половину, то почему бы ни создать ее самому? Такая мысль, пришедшая мне в девяносто четвертом году, до сих пор вызывает волнение. А тогда прострелила насквозь. Я двадцать минут стоял без движения у дверей секс-шопчика и угрюмо смотрел на резиновую куклу. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы ко мне не подошел милиционер:

— Все нормально, молодой человек?

— Да-да, все о,кей!

Я знал, что какие-то силы препятствуют воплощению великих замыслов. Для этого спускают на Землю искусительниц с круглыми бедрами и шелковистой кожей. Но я никогда не думал, что роковые мысли также выковываются на небесах.

Это было началом завершающего этапа моего падения, в пух и прах разбившим четвертый пункт, в котором говорилось, что я никогда не стану жертвой страстей. А перед этим я с уверенностью идиота написал, что никогда не попаду в тюрьму. И вот теперь я лежал на нарах, смотрел в крохотное окошечко под потолком и выявлял свою главную вину, пустившую мою жизнь под откос.

Безусловно, все эти мелкие промашки: вера в свое предназначение, нестойкость к смертельной тоске, желание земного счастья и обе мои жены — всего лишь логическое следствие. Но должна быть и главная причина, толкнувшая меня на эти ошибки.

«В чем моя стратегическая вина?» — вопрошал я себя и не находил ответа. С этим вопросом я засыпал и уже почти в полудреме осмелился попросить у Всевышнего показать мне причину, скинувшую меня на дно. Помню, как я прошептал, засыпая: «Я все знаю о человечестве, но ничего не знаю о себе...»

Я был уверен, что меня не услышат. Но, проснувшись, я с удивлением отметил, что мне действительно приснился сон. Но какой? Можно ли назвать его ответом на мой вопрос? Честно говоря, я не понял.

Мне снилось, что мы шли. Нас было много. Но кто мы были и куда шли — непонятно. Что это была за местность? Тоже загадка. Кажется, предгорье, поскольку под ногами струилась «сыпуха». Хотя я не уверен. Мы шли по наклонной и, когда спустились в зеленую долину, нам неожиданно дали по кувшину с каким-то напитком. Мы стали пить. Это было что-то сладкое и пьянящее. Однако как не притягательно было вино, я оторвался от него, чтобы посмотреть по сторонам. Удовлетворив любопытство, я хотел допить, но не успел. Проснулся.

Это был сон на тринадцатую ночь после гибели моей души. Означал ли он что-нибудь? Непонятно. Я лежал на нарах, смотрел на решетку под потолком и не спешил растолковывать смысл. Возможно, сон ничего не означал. Единственное, что мне пришло в голову, это строка Пушкина: «Блажен, кто не допил до дна». И в эту минуту в дверях заскрежетали...

Второй допрос Сорокин провел более жестко и официально, протоколируя каждое мое слово.

— Отвечайте по возможности кратко и четко, — произнес он строго, едва я расположился на стуле. — Вы по-прежнему настаиваете на том, что зарубили Рогова, Петрова и Клокина.

— Настаиваю, — кивнул я.

— Причина? — сдвинул брови следователь.

— Они меня ограбили, когда я был в командировке. Вытащили из тайника в платяном шкафу все мои сбережения в сумме тридцати трех тысяч долларов.

— Можете показать тайник?

— Конечно.

— Орудие вашего преступления?

— Топор.

— Куда вы его дели?

— Бросил с волжского моста.

— Можете показать это место?

— Могу.

— На чем вы прибыли в Красный Яр?

— На каких-то попутных «жигулях», шестерке.

— Цвет. Номер машины.

— Номера не помню. А цвет, кажется, синий.

— Вас довезли до села?
— Нет. Водитель сказал, что до села не может. Высадил у дороги. От дороги я дошел пешком.
— Вы были в Красном Яре впервые?
— Да.
— И сразу нашли дом Рогова?
— У меня был адрес.
— И никого по дороге не встретили?
— Нет.
— Расскажите, когда вы вошли в дом, где у вас был топор?
— В сумке. А сумка висела на плече. Они втроем сидели за столом и были очень пьяны. Я подошел и...
— Подошли и что?
— И зарубил всех троих.
Следователь едва заметно усмехнулся.
— Сразу?
— Почти.
— Что значит, почти. Вы с ними о чем-то говорили? Не сразу же вы их начали кромсать?
— Сразу.
— Хорошо, пусть сразу, — согласился следователь. — Куда вы направились дальше?
— Обратно.
— И даже не задержались?
— Нет.
— На чем уехали?
— На каком-то попутном «ГАЗе».
— На попутном «ГАЗе», — пробормотал следователь, дописывая протокол.

После чего он поднял глаза и покачал головой:

— Эх вы, Александр Викторович. Взрослый человек. Я ведь навел о вас справки. — Сорокин закрыл протокол ладонью и подался вперед. — Все ваши сотрудники в один голос утверждают, что вы не могли убить. А тем более из-за денег. По их мнению, вы единственный человек в фирме, который относится к деньгам с полным равнодушием. Вы всем давали в долг, кто бы ни попросил, и сразу забывали. Не правда ли? Кроме того, как говорят ваши коллеги, еще не родился такой человек, который мог бы вас вывести из себя. Не так ли? Эх вы! Сослуживцы к вам относятся с таким уважением, а вы морочите голову.

— Ко мне, с уважением? — удивился я.

И мое изумление был искренним. Никогда не думал, что мой вечно угрюмый вид вызывал у кого-то уважение. Я всегда полагал, что меня терпят исключительно по долгу службы.

— Скажите, Александр Викторович, — блеснул глазами следователь, — а вы часто ввязываетесь в пьяные драки?

Этот вопрос вызвал во мне еще большее удивление.

— Вообще никогда не ввязываюсь.

— А в Волгограде, в автобусе, когда вы были в командировке. Помните? Вы единственный из пассажиров ввязались в драку между солдатами.

— Разве это была пьяная драка? Это было избиение новобранца десятью подонками из другой части. С него хотели снять ремень, а он не дался. Молодец. Он мне понравился.

— А в Череповецкой гостинице, вы один вышвырнули трех хулиганов, которые выломали дверь к женщине.

— Она звали на помощь! Это долг каждого мужчины...

— Однако, как рассказывали ваши коллеги, на крик никто не вышел, кроме вас. А в Москве вы вступились за девушку, которую четверо парней пытались затащить в машину.

— Ну и что? Любой бы на моем месте поступил так же. Что вы этим хотите сказать?

— Что среди коллег вы зарекомендовали себя человеком, который не пройдет мимо чужой беды.

— К сожалению не так, Валерий Александрович. Проходил, и довольно часто...

— Не скромничайте, Александр Викторович. Все эти факты, по крайней мере, дают ответ на вопрос, почему Рогов явился именно к вам, когда на него «наехали» тхэквандисты. Потому что из всего персонала фирмы только вы могли защитить его по-настоящему...

Следователь В.А. Сорокин

Допросил Ветлицкого. Навел о нем справки. Его обувь отправил на экспертизу. Выяснил, что 28 августа он прибыл из командировки московским поездом в тринадцать тридцать. В четырнадцать был уже дома, а к пятнадцати подъехал в офис. На работе пробыл около часа, после чего, по словам сотрудников, отправился домой.

Если сразу поймать такси, то теоретически Ветлицкий успевал к пяти часам в Красный Яр. Туда езды не более

получаса. Однако его соседка по лестничной площадке уверяет, что с четырех до половины седьмого он находился дома, поскольку его дверь все это время была приоткрытой. По словам соседей, когда Ветлицкий дома, он никогда не запирается на замок, несмотря на то, что его дверь отходит.

В тот день в половине седьмого вечера его соседка унюхала запах газа. Она вышла на лестницу и встретилась со старшим по дому и дворником, которые обеспокоенные тем же запахом, обходили подъезд. Они втроем направились к Ветлицкому и не ошиблись: газ шел именно из его квартиры. На звонок никто не отозвался. Троица вошла в квартиру и увидела, что хозяин спит в кресле, а на плите под кофейником залита горелка. Газ перекрыли, открыли окна и принялись приводить Ветлицкого в чувства. По счастью, он надышался немного и быстро пришел в себя.

Над этим фактом стоит поразмыслить. Теоретически, если бы сразу по возвращении из конторы (это где-то в половине пятого) Ветлицкий поставил на плиту кофейник и заснул, то к половине седьмого уже обнаружили бы его труп. Варить кофе он поставил около шести, или даже минут пятнадцать седьмого. В принципе, к этому времени он уже мог возвратиться из Красного Яра.

Но очень маловероятно, что он вообще туда ездил. Я склонен думать, что Ветлицкий из офиса сразу направился домой и по возвращении лег спать. В шесть проснулся, поставил на плиту кофейник, сел в кресло и задремал. Кофе закипел и залил конфорку. А он не услышал.

Если факт утечки газа воспринимать, как попытку самоубийства, то здесь много странного. Обычно самоубийцы не ставят на плиту кофейники и открывают все конфорки вместе с духовкой, предварительно закупорив окна и двери. У Ветлицкого дверь была не заперта, форточка открыта.

Если говорить о нем, как об убийце — здесь много психологических нестыковок. Обычно убийцы после совершенных преступлений не спят несколько ночей. Ветлицкий, зарубив троих, спокойно засыпает. Причем, таким крепким сном, что не слышит, как на плите убегают кофе. Таких нестыковок можно привести с десяток.

Понятно, что убил не Ветлицкий. Он себя оговаривает. Причина не вполне ясна, но ясно одно — он почему-то хо-

чет выгородить Рогову. С чем это связано — пока не знаю. О каких-то особых отношениях Роговой с Ветлицким мне не известно. Очень маловероятно, что она его любовница. Но возможно Ветлицкий питает к ней платонические чувства?

11 сентября 2000 года

4

«Но если мне не суждено встретить свою вторую половину, то почему бы ни создать ее самому? — повторил я про себя, как только убрался с Арбата. — Почему бы ее ни создать, хотя бы в мыслях? Творец я или не творец?»

Следует отметить, что сразу после развода с Аленой я ощутил невероятную творческую силу. Меня больше не смущало, что мастерства для моего проекта у меня не хватает. Я был уверен, что теперь мне по плечу все — я могу полноценно творить, как во сне, так и наяву. Собственно, затем я и прибыл в Москву, чтобы познакомиться с новыми течениями современной живописи, о которых так много писали СМИ. Ничего полезного для себя я не увидел, кроме типичного московского пижонства с претензиями на оригинальность. Отечественная живопись собралась, кажется, пойти по западному пути, с непременным разрушением классической школы. Этот процесс начали шестидесятники, и если бы не Никита Сергеевич, подсуетившийся с бульдозером, художественной классической школы давно бы уже не было.

В шестидесятых художники настолько увлеклись модернизмом, что к живописцам, работающим в традиционной манере, относились с презрительной насмешкой. Только где они, все эти горлопаны-авангардисты? Осталось хотя бы одно имя? Осталась хотя бы одна картина? Ничего не осталось. Сплошная пустота. А имен художников классической школы можно назвать сколько угодно.

Обойдя все выставочные залы, я с грустью отметил, что это смутное время решило взять реванш в войне пластмассовых роз с живыми, и, прежде всего, потому, что настоящие художники ушли в коммерцию. Их место заняли авангардисты-любители, вытеснив профессионалов из выставочных залов на улицу, где они некогда обитали сами. Глядя на их художества, я с грустью думал, что у Сальвадора Дали еще можно найти в картинах какое-то подобие метафоры, здесь

же — сплошной перевод краски. Все это явно ориентировано на несведущих в живописи иностранцев.

Словом, я вернулся домой, ни с чем, если не считать неожиданной болезни Пигмалиона.

В первый же сутки моего приезда я нарисовал тридцать женских портретов, но ни один ни черта не годился. Видимо, душа моя была весьма щепетильна в вопросах женских прелестей. Чтобы как-то успокоиться, я сшил из поролона куклу, обтянул ее китайским шелком, и тем самым вытащил свою мечту из условностей двухмерного пространства. Но лучше бы я этого не делал, потому что в ту же минуту я с ненавистью раскрошил ее в клочья.

Кажется, после этой экзекуции из меня вырвался гомерический смешок, и я, рухнув носом в подушку, впал в классический ступор. Блажь не проходила. Кукла, приближенная к моему идеалу, всю ночь маячила перед глазами и не давала уснуть. Я курил, ворочался, пытаюсь высмеять откуда-то взявшееся волнение, но к утру внезапно понял, что желание увидеть свой идеал воочию никакая не блажь, а как раз та самая роковая ступень в познании самого себя. Только когда я вылеплю женщину, которая хотя бы зрительно удовлетворит мою внутреннюю сущность, тогда, наконец, пойму, чего стою в этом мире в качестве человека.

Я видел много красивых женщин, но у каждой подмечал какой-нибудь досадный недостаток. Мне же пришло в голову изваять свой идеал без единого изъяна. Такая мысль успокоила, и я решил себе выделить на эту работу одну неделю. Однако та неделя растянулась на долгие шесть лет.

Да-да, время имеет привычку насмехаться над художником, если художнику невдомек, что искусство существует вне времени. Планировать что-либо в этом мире ему крайне непростительно, потому что, если действительно кто не наблюдают часов, так это творцы.

Тех шести лет, пролетевших одной минутой, я просто не заметил. Это был второй пьяный угар. Еще ни над чем я не работал с таким упоением, как над этой куклой. Я забывал о сне, еде, питье; путал времена года и время суток. И теперь, вспоминая свою неистовую одержимость в стремлении увидеть свой идеал воочию, понимаю, насколько я тронулся умом.

Сколько же было моделей? Кажется, восемь! И всех их постигла участь моей первой поролоновой куклы. И лишь девятая мне показалась более-менее удовлетворительной.

Должно быть, то, что я делал, походило на безумие. Я доставал самую наитончайшую, наизяжайшую кожу, вываривал, выпаривал, выделял ее кислотой — и с раздражением выбрасывал в мусоропровод. Материал, который был мне нужен, я купил в Китае. Однако чтобы ездить по Китаю и Тайваню мне приходилось «челночить» круглый год бок о бок с теми же самыми торгашами, которых я презирал. Но кожа, наконец, была добыта, и был найден нужной упругости поролон.

Древние ваялы скульптуры столь тщательно, что высекали на мраморном теле каждую пору. По скрупулезности я превзошел греков. Я вшил в ее шелковую кожицу не только тонюсенькие волоски, но и распределил на ушках и над верхней губкой едва заметный золотой пушок. Я сотворил для нее роскошные льняные волосы, длинные ресницы, тонкие брови. Много остроумия потребовалось на создание глаз, чтобы они были блестящими и слегка водянистыми, чтобы иной раз по щеке скатывалась слеза, и на вкус она была соленой.

Кожа ее была тонка, и сквозь нее просвечивали вены, в которых находилась нагревательная система. Ведь моя прелесть излучала настоящее человеческое тепло, и даже показывала на градуснике температуру тридцать шесть и шесть. Все это работало от одной пальчиковой батарейки.

У нее билось сердце, и грудная клетка едва заметно поднималась. Для непосвященного создавалась иллюзия, что она дышит. На самом деле, это были чудеса электротехники. Ее тонюсенькие пальчики были холодны, но стоило их с минуту подержать в ладонях, как они начинали теплеть, и становились слегка влажными. Это тоже было моим изобретением.

Но все электротехнические эффекты были детским лепетом в сравнении с тем, сколь много сил я затратил на то, чтобы из пор ее кожи выделялись крохотные капельки пота, пахнущие самой очаровательной женщиной. Именно на это я ухлопал целых два года, перечитав с десятков парфюмерных книг и тщательно обнюхав все парфюмерные лавки Парижа. Словом, Галатhea удалась.

И когда она была готова полностью, я усадил ее на стул и, наконец, позволил себе взглянуть на нее глазами простого смертного. Без преувеличения могу сказать, что первые две минуты я пребывал в шоке. Мой внутренний цензор не отметил в ней никаких недостатков, и от этого душа наполнилось светлым восторгом. Она действительно была мила, моя Га-

латея, этокое сочетание изящество и нежности, что редко бывает в действительности: задумчивый взгляд, пухленькие губки, кругленькие щечки... Стан ее был тонок и грациозен, бедра круглы и упруги, ножка до обалдения маленькой.

«Вот он, мой идеал воочию», — думал я в тот вечер. И боялся в своем творении найти какой-нибудь изъян. Но еще больше боялся не найти. И как назло не находил. И от этого по жилам опять расползалась тягучая вселенская грусть.

5

Нетрудно догадаться, откуда шла эта грусть. Работая над Галатеей, я был в состоянии сна. Теперь нужно было просыпаться, озираясь по сторонам, глядеть правде в глаза. Пьяный угар заканчивался, начиналось похмелье. А снова вползать в реальность так не хотелось, потому с таким волнением я и выискивал в ней новые недостатки. Но их не было. А мне уже было сорок один. На Земле последний год тысячелетия. С чем человечество войдет в двадцать первый век? Я же ничего не успел создать!

Этим мыслям я не дал распространяться дальше. Если в голове и мелькнуло что-то типа прозрения, то, вероятно, подсознательно. Тут же подсознательно я решил не просыпаться. И следующий этап моего сумасшествия заключался в поисках ей нарядов.

Я купил в антикварном магазине роскошное старинное кресло из красного дерева, и одел ее в шикарное французское платье с алой розой на бедре. Я украсил ее тонкую шею жемчужным колье, и вддел в мочки ушек длинные брильянтовые сережки. А какие деньги я отвалил за тончайшее белье из шелковых кружев... Черт!

Мне приходилось ишачить круглые сутки, чтобы одеть ее в такую роскошь. Но это потом. А по началу деньги мне доставались без особого труда. Я еще удивлялся: чем меньше обращаешь внимание на деньги, с тем большей легкостью они добываются. Когда я был холостым, то в них почти не нуждался. Я никогда не думал о деньгах. Они мне начали засорять мозги только после того, как я женился, и то потому, что о них напоминала жена. Помнится, мне перепалили сущие гроши, которые доставались весьма не просто. Не потому ли, что их так алчно жаждала Алиса. Вторая жена жаждала банкноты не столь алчно, как первая, и они доставались

мне значительно легче и в большем количестве, хотя по-прежнему отнимали львиную долю времени. По этому поводу у меня даже родились двестише в подражание Пушкину: «Чем меньше денежки мы любим, тем легче нравимся мы им».

В период, когда я работал над Галатеей, перехватывание денег у меня вообще не отнимала времени. Я приобретал их попутно, как дельфин приобретает пищу по ходу плавания. Если человек на свой прокорм тратит треть своей жизни, дельфины не тратят ни минуты. Они питаются исключительно тем, что попадает на пути. Так и я.

Началось все с того, что мой знакомый, который свел меня с Роговым, попросил привести из Москвы две коробки Гематогена. Я привез. И он заплатил мне вдвое больше, чем я затратил на его приобретение. При этом добавил, что если появится возможность повторить процедуру, то он будет счастлив. Процедуру я повторил. И неоднократно. Всякий раз, когда мне нужно было удвоить капитал, я ехал в Москву на этот аптечный склад и брал Гематогена столько, сколько мог увести на такси. Работа над Галатеей с каждым месяцем требовала все больших затрат, и я, кроме Гематогена, начал прихватывать какие-то лекарства. Через полгода неожиданно для себя я стал богатым человеком. Но деньги я по-прежнему расходовал только на Галатею.

В то время со мной бок о бок челночил мой будущий шеф. Он тоже возил лекарства, но ему везло меньше, чем мне. Он мечтал о своей фирме, однако денег на осуществление его мечты у него не было. И вдруг в конце девяносто четвертого он неожиданно разбогател, зарегистрировал фирму и пригласил меня к себе работать. Он мне не нравился, как человек, но работать с ним было можно, тем более что в мое личное распоряжение он предоставил четверть склада. Словом, когда я начал работать у Рогова, мои доходы увеличились вдвое, а по времени это занимало практически столько же. Однако самого Рогова богатство здорово испортило.

— Как же ты разбогател? Открой тайну, — попросил я у него однажды на каком-то банкете.

Он расплылся в блудливой улыбке и ответил:

— Благодаря поэзии. Оказывается, и стихотворцев посещают гениальные идеи. Вернее, их вторых половин...

Я ничего не понял, поскольку Рогов уже был достаточно накачен. А после того, как он произнес тост за людей искус-

ства, я убрался восвояси, заподозрив, что он надо мной издевается.

Когда я закончил Галатею, то неожиданно понял, что больше не нуждаюсь в свободном времени, и мне ничего не оставалось, как возглавить в «Симбир-Фарме» отдел перспективного планирования. Кроме того, я продолжал сотрудничать с отделом снабжения. Последнее у меня шло в качестве дополнительного заработка. Как не устал я от этих бесконечных подработок, но, вваливаясь в дом частенько за полночь, я всякий раз был вознагражден, когда видел в кресле Галатею, задумчиво погруженную в себя. Мне нравятся задумчивые женщины. Болтушки меня раздражают с детства. Моя чаровница сидела то с вязанием на коленях, то с журналом в руках, а иногда за столиком над кофейной чашкой. Галатея никогда не надоедала. А если что и вызывало зевоту, то это убогая домашняя обстановка.

Однажды мне пришло в голову покончить со всей этой убогостью одним махом, и через неделю я заменил всю мебель, поскольку старая рухлядь никак не сочеталась с моей милой квартиранткой. Разумеется, моя «хрущевка» была тесновата для того гарнитура, который я приобрел в лучшем мебельном салоне города, но через полгода я планировал въехать в просторную трехкомнатную квартиру в элитном доме. Конечно квартира обойдется недешево, но я привык работать не жалея себя.

Сейчас не помню, бил ли мой рассудок тревогу? Кажется, он впал в наркотическую спячку. Кажется, я совсем забыл, что мое предназначение — ошарашивать мир гениальными картинами, а не ублажать поролоновую красавицу. Но я не мог не ублажать Галатею, потому что слишком ее обожал. И все мое сознательное и бессознательное нутро было поглощено моим шедевром.

Странное дело, после месяца пребывания ее в доме, мне стало казаться, что она у меня жила всегда. Я даже стал забывать о ее поролоновом происхождении, а когда вспоминал, то завидовал Киприотскому царю Пигмалиону. Безусловно, Афродита, сжалившись над ним, вселили в его каменную статую человеческую душу, ожидающую рождения. А почему, собственно, не повторить Богам столь бесхитростный для них фокус? Такая мысль, пришедшая в голову как шутка, впоследствии здорово затемнила рассудок.

Почему не повторить? Ведь живые души вселяются, словно в жилые дома, в биологические тела, творимые матерью-

Землей. Почему бы и в моем творении не поселиться какой-нибудь нетерпеливой сущности? Египетские жрецы умели привораживать души умерших не только к их собственным мумиям, но и к каменным изваяниям, которые и по сей день разгуливают в лабиринтах ненайденных пирамид. Кстати, и ходячие гиганты острова Пасхи — дело рук древних жрецов, знающих тайну внедрения души в материю.

После таких шаловливых размышлений я незаметно привык к мысли, что моя поролоновая прелестница в один прекрасный день оживет. Почему нет? Ведь нисходят на землю души учителей человеческого рода, и нисходят во плоти. Если верить «Ведам», то свои тела они наскоро лепят из космической пыли. А здесь и лепить ничего не надо. Все давно слеplено.

Не помню, серьезно ли я хотел, чтобы Галатя ожила, или по обыкновению подтрунивал над собой. Но каждый вечер умолял Творца, чтобы Он подыскал моей кукле душу, соответствующую ее телу. Ведь тело Галатеи было удивительно гармоничным. Не зря же оно было девятым.

Следователь В.А. Сорокин

Сегодня допросил Сабитова и Рогову. Сабитов подтвердил, что добровольно предложил вдове свои услуги по выводу фирмы из кризиса. По его словам, несмотря на несчастье, свалившееся на Анну Петровну, промедление было смерти подобно. Поэтому он и явился к ней на второй день после похорон мужа. Убийство убийством, а по кредитным платежам нужно было срочно платить, — объяснил он. Документы и копии платежей, подтверждающие истину его слов, были предъявлены. Также Сабитов заявил, что дважды предлагал программу по оживлению деятельности компании самому главе, но, как он признался, Рогов ему не доверял. Оба проекта начальника отдела сбыта зарегистрированы в секретариате. Один датируется 24-м февралем, другой 7-м июнем этого года. Словом, Сабитов — крепкий орешек. Не подкопаешься!

Предположение об особых отношениях Сабитова с Роговой не подтвердилось. Либо я недооценил Сабитова, либо он действительно здесь ни при чем. На день убийства у него безупречное алиби. Его пришлось отпустить по подписке о невыезде. Признаю, что с ним я поторопился.

Рогова по-прежнему не предоставляет алиби. Сегодня заявила, что в день убийства с полудня до шести ходила по магазинам. А до этого уверяла, что была у подружки. Завралась. Провел опознание. Водитель такси сразу указал на нее, но добавил, что не уверен. «Вроде как бы похожа».

Что касается местного «потрошителя», то по просьбе прокурора я ознакомился с этим делом. Вторая жертва маньяка Ольга Соколова действительно имела вторую группу крови и отрицательный резус. Однако не думаю, что убийство Рогова и его сотрудников связано с этим делом. Пролистал дело подозреваемого Г.Н. Агеева — водителя директора молокозавода. Он был знаком с семьей Соколовых и часто бывал у них в доме. Но после пропажи Ольги, резко перестал посещать их дом. Это единственный аргумент, на котором было основано обвинение. Обыски результатов не дали. Агеев был задержан только потому, что не смог предъявить алиби. Он, якобы, в день пропажи девочки занимался поливкой на даче. Однако, как утверждали соседи-огородники, в тот день на его даче ничего полито не было.

Больше никаких фактов, подтверждающих его причастность к убийству девочек, следствию обнаружить не удалось. К этому времени сменился областной прокурор, и новый стал давить на следственную группу, чтобы она быстрее заканчивала с Агеевым. Признания от обвиняемого добиться не смогли. Поэтому обвинение было сфабриковано искусственно в довольно грубой форме. Однако родственники, обратившиеся в генпрокуратуру, не дали довести дело до суда. Оно было отправлено на исследование.

Агеева поместили в психиатрическую больницу, где он пребывает по сей день, а его дело по-прежнему находится на исследовании.

Пролистал личное дело Ветлицкого. На учете в психдиспансере не стоял. Служил в ВДВ. Пятнадцать лет назад был известен в городе как художник, подающий большие надежды. В 1988 и 1989 годах жил в Ульяновске. Работал специалистом по сигнализации во Вневедомственной охране. Зарекомендован как аккуратный и добросовестный работник.

12 сентября 2000 года

На следующий день, когда меня привели на допрос, я заметил, что Сорокин как-то неприятно взбудоражен. Едва я вошел, он сразу кивнул на стул и предложил сигарету.

— Бросил, — пробормотал я.

Следователь взял ручку и склонился над листом бумаги, но писать, кажется, не собирался. Также не ушло от моего внимания, что диктофон был выключен.

Сорокин внимательно посмотрел на меня и выдал из себя скромную улыбку.

— Вы не надумали отказаться от показаний?

— Нет, — ответил я.

— Что ж, дело хозяйское, — покачал он головой. — Кстати, узнал еще об одном вашем подвиге. Оказывается, в своей конторе, вы слыли человеком, к которому не прилипает рэкет. На вас действительно никогда не «наезжали»?

Я отрицательно покачал головой.

— А в поезде «Москва — Челябинск»?

— Тогда наехали не на меня, а на моего напарника. И то, когда он вышел в тамбур покурить.

— А знаете, что вез ваш напарник? Наркотики. Не удивляйтесь! Рогов не гнушался и наркотиками. Так вот слушайте: для той командировки — это не вам дали помощника, а вас приставили к пацану. В целях его безопасности, зная, что к вам не цепляется рэкет. Вы не догадывались? Как же вы так, Александр Викторович. А не показалось вам странным, что тот парень, не проработав двух недель, куда-то потом исчез?

Я пожал плечами. Это для меня действительно было новостью.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался я.

— У меня свои каналы. Итак, вы вышли в тамбур и увидели, как четверо парней закрутили вашему попутчику руки. Каковы были ваши действия?

— Весьма примитивные. Я вытащил из кармана пистолет и перезарядил затвор. В пистолете даже не было патронов, но на архаровцев это подействовало просветляюще. Они сразу вежливо извинились и удалились без лишнего шума. Разве это подвиг? Как же обмельчал мир, что такую пустяковину считает за подвиг.

Следователь нетерпеливо постучал ручкой.

— Значит, у вас был пистолет?

— Был.

— И сейчас есть?

— Есть.

— А разрешение на него имеется?

— Нет.

— Будем считать, что последнего я не слышал, — вздохнул следователь. — Так вот скажите мне, Александр Викторович, если у вас был пистолет, зачем вы тогда прибегли к помощи топора?

Я не нашелся, что ответить. На это так сразу и не ответишь.

— Молчите? Что ж, к этому мы вернемся попозже. А сейчас скажите, в каких отношениях вы все-таки были с Роговой?

Я поднял на него глаза и, взглядевшись в его хитрый прищур, с неприязнью понял, что он не остановится до тех пор, пока не повесит на эту несчастную всех собак.

— У нас с ней не было никаких отношений.

— А в каких отношениях она с Сабитовым?

— Не знаю. По-моему, тоже ни в каких, если не считать деловых. А вообще, вы только теряете время, копая под Рогову.

— Допустим, — ухмыльнулся следователь. — А вам не показалось странным, что Анна Петровна назначила временным управляющим господина Сабитова?

— Нет.

— Почему? Насколько мне известно, ни один сотрудник «Симбир-фарма» не одобрил назначение Сабитова. К тому же, как пишут газеты, благодаря ему фирма стала терпеть убытки.

— Фирма начала терпеть убытки не из-за отдела сбыта, а из-за отдела снабжения. В последнее время глава пустился в разгульную жизнь и выпустил бразды правления из рук. В результате каждый отдел начал проводить самостоятельную политику. Мой отдел планирует закупку одних препаратов, исходя из предполагаемых сезонных заболеваний, отдел снабжения закупает совсем противоположные, в основном те, на которых можно больше накрутить. А в последнее время он стал закупать исключительно то, что залежалось на московских складах. Видимо, за определенную мзду. Главбух по полгода гоняет деньги по неизвестным счетам. Отдел качества подделывает штрихкоды на просроченные лекарства, хотя он должен делать совсем наоборот. И так далее. Словом, фирма пошла в разнос. Что ей сейчас нужно, так это твердую руку, чтобы согласовать деятельность отделов и

снова поднять авторитет «Симбир-Фарма» среди заказчиков. Сабитов — самая подходящая фигура.

— Любопытно! — сверкнул очками следователь. — Ну, а как вы относитесь к увольнению юриста Захарова.

— Мужик он хороший. Но работает только на свой карман. Он создал свою собственную сеть сбыта.

— Это как? — удивился следователь.

— Через врачей. По идее, очень удобно: врач выписывает лекарство и тут же предлагает купить его у себя без всякой аптечной надбавки.

— Но врачам запрещено продавать лекарства! — возмутился Сорокин. — Так можно дойти до того, что врачи будут ставить диагноз в зависимости от того, какие у них в наличии препараты. Хотя не об этом сейчас речь, — сощурился следователь. — Значит, по-вашему, назначение Сабитова было единственно правильным решением?

— Пожалуй.

— Значит, все действия Сабитова, исходя из ваших слов, направлены на процветание фирмы?

— Несомненно.

— Ну, а если бы, скажем, все осталось как прежде, сколько бы еще продержалась фирма? — хитро улыбнулся следователь.

— Думаю, не более полугода!

Карасев победно сверкнул очками и расплылся в широкой улыбке.

— Значит, убийство Рогова пошло фирме на пользу?

В глазах следователя мелькнул ненормальный блеск.

— К чему вы клоните, Валерий Александрович, что убийство главы было совершено во имя интересов фирмы?

— Именно к этому я и клоню.

— Абсурд! Роговой такое и в голову не пришло бы.

— Но может пришло в голову ее другу.

Я вопросительно уставился на Сорокина.

— Вы имеете в виду Сабитова?

— Нет. Я имею в виду Пьяных. Что вы скажете о таких фактах? Пьяных неоднократно бывает в доме Роговых, а Анны Петровна активно это отрицает. В день убийства Рогов дает согласие встретиться с Пьяных в Красном Яре. В результате — три трупа. Пьяных исчезает. В день убийства неподалеку от Красного Яра видят жену Рогову. Что она, по-вашему, там делала?

— А, по-вашему?

— Устраняла свидетеля, с которым она строила планы на будущее. Свидетеля и убийцу. Только этим можно объяснить исчезновение Пьяных и то упорство, с каким Рогова отрицает свое пребывание в Красном Яре.

— Я вас разочарую, Валерий Александрович: она там и не была.

— А где же она была? — удивился следователь.

— Скорее всего, мыла подъезды!

7

Когда захлопнули железную дверь камеры, я спросил себя, а все ли было со мной в порядке? Странно, что этот вопрос не приходил мне в голову прежде. Не потому ли, что теперь я человек конченный и могу без страха смотреть в глаза любой правде. Я могу спокойно размышлять обо всем, потому что теперь одинок на всю вселенную, а не только на весь мир. Я и раньше был одинок, но тогда у меня не было времени на размышления. Все мысли занимала работа. А сейчас ничто не занимает.

Итак, был ли я нездоров? Были у меня отклонения в психике?

Как ни оглядываюсь назад, как ни всматриваюсь в смысл своих поступков, не помню ни единого неразумного шага. Все у меня было логично и обосновано. Нормально было у меня и с головой, и с психикой: и тогда, когда я с упоением работал над Галатеей, и тогда, когда гонялся за изысканными нарядами для нее. Правда, бесконечно изнуряющие поездки отрицательно сказывались на моем физическом состоянии. Я уставал смертельно, но духом не уставал никогда.

Духом я был здоров, как, впрочем, и телом. Сейчас с удивлением вспоминаю, что в жизни я никогда ничем не болел: ни когда в семилетнем возрасте скакал по сугробам в рваных матушкиных ботах, ни когда в интернате носился в носках по лужам, когда меня лишали прогулок. А однажды в десять лет в середине февраля я провалился под лед. Чтобы меня не ругали, я не побежал сразу домой, а начал бегать по ветреным улицам, и бегал до тех пор, пока не высох. И ничего со мной не случилось.

Словом, как говорили пифагорейцы, «когда здоров духом — и телу нет причины для нездоровья». Это уже потом один римский баснописец (не буду называть его имя) поставил все

с ног на голову, пустив по свету выражение: «В здоровом теле здоровый дух». Такое мог ляпнуть только римлянин. Это все равно, что сказать: «В добротной одежде добротное тело».

Итак, я знал, что такое усталость, но не знал, что такое хворь. После очередной командировки я едва дотаскивал ноги до подъезда, однако, когда с сумками и пыльными мешками заваливался в квартиру, мое сердце замирало. Бросив ношу на пол, я на цыпочках подкрадывался к ней и с трепетом брал ее тонюсенькие пальчики. Через минуту пальчики нагревались, и моя прелесть начинала излучать милейший девственный аромат. Это были самые блаженные минуты за долгую и бесцветную неделю. В те мгновения я даже забывал, что у нее вместо сердца реле, и мне хотелось поцеловать ее в щечку. Но каждый раз при этом меня разбирал гомерический смех.

Чтобы как-то расслабиться от однообразия, я пристрастился вечерами попивать бренди. Иногда набирался до такой степени, что едва доползал до дивана. Но как бы ни был пьян, все равно каждой клеткой чувствовал ее молчаливое присутствие. К ее присутствию я вскоре привык, как, впрочем, и к ее немоте. Я часто ловил себя на том, что мысленно беседую с ней.

Однажды после приличной порции джина, когда я, лежа на диване, пытался притормозить вокруг головы свои орбитальные обороты, неожиданно за их пределами среди космических свистов я услышал ее нежный вздох. Потом до меня донеслись едва слышимый скрип кресла и тихий шелест платья. Минуту спустя я ощутил на собственном лбу холодное прикосновение ее пальчиков, но глаз не открыл, чтобы не пустить обороты на новую сверхзвуковую скорость.

— Все пьешь? — произнесла она своим бархатным полусшепотом.

Я в ответ что-то пьяно забормотал, кажется, по поводу скучной безрадостной жизни, дескать, такая она да рассекая и удивительно занудная штука. И что прав Николай Васильевич Гоголь, вздохнувший однажды в какой-то повестушке, что, мол, «скучно на этом свете, господа». Но не подумал Николай Васильевич в ту минуту, что иного света мы не знаем, и что неизвестно какая сатанинская скука ожидает нас там?

При упоминании о том свете мои мозги как-то непроизвольно прояснились. Я вздрогнул. Ее пальчики, уже теплые и

благоухающие чем-то непростительно юным, тут же исчезли, и я с отчаянным воплем вскочил с дивана.

Перед глазами все двоилось и плыло. Но Галатею я видел четко. Она сидела в кресле и укоризненно качала головой. «Нет-нет! Только не это! Свят-свят-свят!»

Признаюсь, что, несмотря на солидную порцию джина, я здорово струсил. «Господи, прости меня дурака! — забормотал я, запинаясь. — И во имя всего святого, не нужно никого оживлять!»

Оторвав ноги от пола, я направился в кухню. Доковыляв до холодильника, я отхлебнул из откупоренной бутылки какой-то мерзости и, наконец, успокоился. Надо же так упиться! Вот болван!

Когда я вернулся в комнату, то застал ее в обычной позе с кулачком под щечкой. Мне ничего не оставалось, как погрозить ей пальцем и опять приложиться к бутылке. Потом я не заметил, как отключился.

Сны в ту ночь мне не снились. В этом я могу поклясться. Но как ни гудела наутро голова, прикосновение ее холодных пальчиков мне помнилось яснее яви.

После этого случая я стал относиться к ней еще трогательней. И однажды мне взбрело в голову, что она очень изменилась. Да-да! Ведь я задумывал ее совсем иной. Конечно, все черты лица остались прежними, но из юной капризной милашки с пухленькими губками, для которой задумчивость, скорее, игра, чем сущность характера, она превратилась в серьезную взрослую девушку с новым непонятным мне шармом.

Следователь В.А. Сорокин

Сегодня мой оперуполномоченный преподнес сенсационную новость. Боюсь, это в корне разрушит нашу основную версию. Однако сначала о Роговой.

Я позвонил в ЖРЭУ №7. Там подтвердили, что Анна Рогова их работница. По понедельникам она моет подъезды домов №6 и №8 по улице Доватора. 28 августа в 14 часов в «подсобке», где она обычно переодевается, с ней разговаривал мастер, а приблизительно через полчаса ее видели жильцы вышеназванных домов в подъезде с ведром и тряпкой. Словом, у нее стопроцентное алиби.

Возникает резонный вопрос, кого видели в Красном Яре? Оказывается и на это есть ответ. Участковый разыскал женщину, которую в тот день подвозил таксист. Это жительница села Сосновка, Лидия Чурбанова. В понедельник 28 августа она ездила на кладбище к своей бабушке. Это кладбище расположено в четырех километрах от Красного Яра и в пятистах метрах от трасы. Вот почему она попросила водителя высадить ее на развилке. Таксист ее узнал без всяких оговорок. И она его узнала, подтвердив, что в тот день около трех часов дня сошла у поворота на Красный Яр.

Анну Рогову я отпустил по подписке. Хотя наверное Ветлицкий прав: она здесь ни при чем. А теперь о сюрпризе. На дне мешка с трикотажными изделиями, который был обнаружен в подвале загородного дома Рогова, опера нашли этикетку с адресом и названием фирмы производителя. Оказывается, эти вещи произведены предприятием «Мадригал», тем самым, у которого в 1994 году мошенники под руководством неизвестной беременной женщины угнали КамАЗ трикотажной продукции.

Теперь я склоняюсь к тому, что мошенничество с трикотажем провернули Рогов с Петровым. Тогда у Рогова не было фирмы, а у Петрова был КамАЗ, не зарегистрированный в ГАИ. Зарегистрировал он его только в 1995 году. Вот почему тогда не был найден КамАЗ. Здесь клеится. Но вопрос вызывает соучастница. Первое, что приходит в голову — это жена Рогова. Но нет! И тут она чиста.

Я послал Синельникова в Красный Яр и он привез показания соседа Рогова Чебыкина. Сосед прекрасно помнит, как в 1994 году на дачу Рогова приезжал КамАЗ с каким-то бархлом. Чебыкин даже принял участие в разгрузке мешков, которые складировали в подвале. Тогда торговали всем подряд, поэтому товар у соседа особых подозрений не вызвал. Водителем действительно был Петров. Чебыкин это подтвердил, узнав его по фотографии, а женщина была стройной, высокой с копной кудрявых волос на голове. Была ли она беременной, этого Чебыкин не помнит. По его словам, кажется, не была. Но то, что она — не жена Рогова, за это Чебыкин дает зуб. Жену он знает. Она черненькая. А эта была беленькая. Кстати, ее Рогов пару раз назвал по имени, но Чебыкин так и не вспомнил.

Сегодня же я разыскал и бывшего директора производственной фирмы «Мадригал» С.А. Османова. В данный мо-

мент он работает сторожем в СМУ №7. Османов узнал свои трикотажные изделия, но никаких дополнительных вопросов не задал. Бывший директор был не очень разговорчив.

Строители рассказали, что после кражи продукции Османову так и не удалось оправиться. Нужно было платить по кредиту. Пришлось продать оборудование, однако средств хватило только на погашение процентов. Он разменял четырехкомнатную квартиру на двухкомнатную и комнату. Двухкомнатную продал и таким образом рассчитался с долгами. Семью же поселил в комнате. Но вскоре после этого, жена его выгнала. Османов запил. Долгое время бомжевал. Наконец устроился ночным сторожем в строительную организацию.

А теперь самое главное: по свидетельству его товарищей, сторож человек замкнутый и молчаливый, но стоит ему выпить, сразу хватается за топор и кричит: «Зарублю! Все равно, найду и зарублю тех, кто украл у меня трикотаж».

В день убийства его на работе не было. Говорят, он был в очередном запое...

13 сентября 2000 года

8

А потом Галатhea явилась во сне и сказала:

— Неужели ты думаешь, что Афродита действительно оживила каменную статую.

— Так говорит миф, — ответил я.

— Тебе ли не знать, что миф — это в лучшем случае иносказание.

«А в худшем?» — хотел спросить я и в то же мгновение с высоты птичьего полета увидел остров Кипр. Затем я увидел белокаменный дворец, оливковую рощу и пятидесятилетнего царя Пигмалиона, стоящего на мраморной террасе со скрещенными на груди руками. Царь был сам как мрамор, недвижим и хмур, с тусклым взглядом и белым лицом. Но в какой-то миг глаза его прояснились, лицо озарилось счастливой улыбкой, и он как-то удивительно быстро преобразился и помолодел. Это с моря к его дворцу поднималась по ступеням белокурая тоненькая девушка лет пятнадцати. Она было в голубой тунике и золотых сандалиях. Я почему-то знал, что

милашка не ожившая статуя, а дочь Фиванского купца, торгующего оливковым маслом. Кстати, статуя там тоже была. Скульптура Галатеи из белого мрамора стояла в одном из многочисленных залов дворца среди других изваяний. Только на нее Киприотский царь давно уже не обращал внимания. Судя по слою пыли на ее мраморных плечах, Галатея была изваяна лет пятнадцать, а то и двадцать назад. Была ли она похожа на дочку Фиванского купца, которая бежала по ступеням к царю, точно сказать не берусь? Пожалуй, что была. Только прелестница из Фив, была более юной и более сочной.

Сон произвел на меня впечатление. Я целую неделю ходил задумчивым. А потом внезапно получил письмо от своего московского друга, которому выслал фотографию Галатеи, ничего, естественно, не объяснив, но слегка намекнув, что милашка не совсем мне чужая. Дело в том, что Галатею я никому не показывал, а показать очень хотелось, и поэтому я удовлетворился тем, что сфотографировался с ней по семейному и послал фото в Москву.

Как я и предполагал, мой друг не понял подвоха. Он несколько развязно выпытывал о ней, и было заметно, что впечатление девушка произвела, и впечатление не хилое. Сквозь строки проступала даже некоторая зависть. Он спрашивал, где я откопал такую интересную натурщицу, в каких мы отношениях, и не приходится ли она мне случайно внебрачной дочерью? И еще, конечно, дико извиняясь, приятель интересовался, не поссорились ли мы с ней перед тем, как сфотографироваться?

Последний вопрос как-то неприятно царапнул мне грудь. Я отыскал в столе снимок и внимательно взгляделся в себя. Боже, как устало и немолодо выглядел я, а она так юно и свежо. Не мудрено, что приятель принял ее за дочь. Я подошел к зеркалу, в которое не смотрелся месяцами, и то, что отразилось в нем, неприятно поразило меня: затравленный взгляд, мешки под глазами, воспаленный цвет лица. И во всем облике уже проступала какая-то преждевременная рыхлость. Вот же!

Я опять взгляделся в фотографию, и внезапно уловил то, чего никогда не замечал в реальности: лицо мерзкой куклы по отношению ко мне выражало едва заметную неприязнь. Я долго рассматривал ее в натуре, затем на фотографии, и чем больше сравнивал, тем больше запутывался. То мне казалось, что их лица совершенно идентичны, то абсолютно про-

тивоположны. До позднего вечера я проторчал у кресла и лег с большой головой.

И той же ночью мне опять снилось, что она вздыхает, скрипит креслом, бродит по комнате; наконец, подходит к моему дивану, брезгливо собирает одежду с пола и относит в ванную.

Наутро я долго всматривался в свои грязные джинсы и думал, что, пожалуй, очень сильно запустил себя в смысле одежды и в смысле физического состояния. В ту же минуту я поклялся ежедневно бриться, обливаться холодной водой, бегать на стадион и хотя бы раз в два дня менять рубашки. На подобное мероприятие нужно было выбрать еще минут пятьдесят, но что поделать, я привык к уплотненному дню, и ради нее был готов на все, лишь бы она не дула свои пухленькие губочки.

С того дня наши отношения, если это можно назвать отношениями, стали принимать оттенок утонченности. Я начал ее стесняться и даже побаиваться. Мне стало казаться, что она живая, а куклой притворяется. Мне стало мерещиться, что ночами она разгуливает по комнате, трогает занавески, заглядывает в кухню, глубоко вздыхает и напевает что-то бесконечно грустное. Сейчас затрудняюсь сказать, пугали меня эти видения или наоборот? Но хорошо помню, как сжималось мое сердце от дурных предчувствий.

Что касается снов, то теперь Галатеея появлялась в них регулярно, всегда грустной, всегда задумчивой, с нежным грудным голосом. С ней я беседовал очень тонко и деликатно, чтобы ненароком не обидеть. Ведь она была ужасно обидчивой. И никогда не улыбалась.

«Почему ты никогда не улыбаешься?» — спросил я однажды. Но она ничего не ответила: села в кресло и отвернулась к окну.

9

И снова следователь цепко всматривается в меня и постукивает по столу ручкой. Он не верит ни единому слову, и мне его жалко. Мне его жалко разочаровывать в себе.

— Ну, — произносит нетерпеливо Сорокин. — Я жду от вас признания. Можно, без протокола.

— Вы имеете в виду о наших отношениях с Роговой? Заявляю официально: у нас нет с ней никаких отношений. Мы почти не знакомы.

Следователь едва заметно усмехнулся.

— Рогову я отпустил. Теперь жду от вас признания в вашей невинности.

Я поднял голову и заметил у него под глазами круги. Его лицо выражало озабоченность. Было видно, что ему некогда заниматься мной.

— Вы убедились в невинности Роговой? — спросил я, как можно мягче. — Она больше вне подозрений?

— Отнюдь, — покачал головой Карасев. — Я отпустил ее по подписке. — Рогову я не могу не подозревать. Она по-прежнему остается главной подозреваемой. Рогова больше чем кто-либо заинтересована в убийстве мужа.

— Рогова не из тех, кто ищет выгоду, — возразил я.

— Откуда вы знаете? — перебил следователь. — Вы же сами сказали, что едва с ней знакомы.

На этот аргумент мне ничего не осталось, как тяжело вздохнуть и опустить голову. Крыть, как говорится, нечем.

— Да! — внезапно вспомнил я. — Вы сказали, что она главная подозреваемая. Значит, есть и другие?

— Есть, — рассеянно кивнул Сорокин, думая о своем. — В том числе и те, которые могли совершить эти убийства без всякой выгоды. Просто из мести. Кстати, вам не случалось видеть рядом с Роговым женщину лет тридцати, высокую, стройную с копной кудрявых волос, скорее всего, химией. Зовут Алисой.

Я вздрогнул и, не мигая, уставился на Сорокина. Сорокин вопросительно уставился на меня. Молчание длилось более минуты.

— Ну, — подбодрил он. — Вижу по глазам, что вы ее видели с Роговым. И, кажется, неоднократно.

— Нет, — ответил я. — Никогда с Роговым я не видел этой женщины. И даже предположить не мог, что они могли быть знакомы. Женщина с таким именем и такими приметам была моей первой женой.

Пришло время вытаращить глаза Сорокину.

— Опишите ее, — попросил он.

— Собственно говоря, к тем приметам, которые вы сейчас перечислили, добавить нечего. Только по возрасту она чуть постарше. Ей сейчас должно быть тридцать пять.

Сорокин от волнения заерзал на стуле.

— Совершенно верно! Около тридцати ей было в девяносто четвертом году. Ну... и где она сейчас?

— Понятие не имею. После того, как мы расстались в восемьдесят пятом, я ее больше не видел. Слышал, что она вышла замуж за кого-то поэта.

— Поэта? — переспросил следователь. — За какого?

— Не знаю.

— А много у нас в городе поэтов?

— По-моему, ни одного.

Сорокин pokrылся пунцовой краской. В глазах появился блеск. Он перегнулся через стол и спросил с волнением в голосе:

— Скажите, Александр Викторович, а не замечали вы в ней склонность к авантюризму?

— Вроде нет, — покачал я головой. — Только склонность к истерикам.

— А деньги она любила?

— Да какая же женщина не любит деньги, — ответил я, удивляясь его вопросу.

— Так-так, — нервно постучал по столу Сорокин, сузив глаза и что-то мучительно домысливая. — А могла она ради денег пойти на преступление?

— Вы что же, Валерий Александрович, подозреваете ее в убийствах? — засмеялся я, не понимая, к чему он клонит.

— Нет-нет! Тут совсем другие дела. Так могла или нет?

— При мне она не совершала преступлений. Только бросалась под КамАЗ...

— КамАЗ? То есть, она была равнодушно к КамАЗам?

Я засмеялся шутке. Но Сорокин не шутил. Он выскочил из кресла и сунул мне бумагу с ручкой:

— Если вы надумали отказаться от показаний, напишите заявление на имя областного прокурора. А мне некогда... Значит, говорите, вышла замуж за поэта.

Он стремительно выскочил из комнаты, как-то внезапно оставив меня одного. Стало тихо. Ручка сиротливо лежала на бумаге. На обшарпанном столе зияла выведенная фломастером надпись: «Прощай, Родина!». Я отодвинул бумагу с ручкой и поднялся. Вошел охранник и спросил:

— Вы написали, что просил следователь?

Я отрицательно покачал головой.

— В таком случае, руки за спину и на выход.

ЛОВИЛИ УБИЙЦУ, А ПОЙМАЛИ МОШЕННИЦУ (газета «Симбирские Вести»)

В рамках уголовного дело о тройном убийстве в Красном Яре неожиданно удалось раскрыть дело о мошенничестве шестилетней давности, связанном с похищением трикотажных изделий производственной фирмы «Мадригал». Сегодня можно назвать имя этой гениальной мошенницы. Это тридцатипятилетняя медсестра госпиталя ветеранов Отечественной войны Ольга Голубкина. Она во всем призналась, рассказав, что план угона КамАЗа был разработан ею лично. Однако помогли его осуществить Алексей Rogov (тогда еще челнок) и его друг Леонид Петров, только что купивший КамАЗ. По словам мошенницы, с Rogovым они познакомились в поезде. Там же, в поезде Голубкиной и пришла в голову эта остроумная идея. Обсудив ее с попутчиком, они решили взять в долю Петрова, поскольку у него имелась машина.

По признанию мошенницы, выбор на «Мадригал» пал случайно. Просто в здании ГПИ, где находилось это предприятие, сдавалось помещение под офис. Мошенники сняли комнату и повесили на дверь табличку: Торговое объединение «Интрига». Голубкина каждое утро привязывала к животу подушку и к девяти утра являлась на работу. Помелькав в таком виде какое-то время и снискав имидж деловой женщины, она разыграла сцену, что крайне заинтересована продукцией «Мадригала». Попросила у директора предприятия Семена Османова дать ей пустить товар по ее торговым точкам, которых у нее было, якобы, более сорока. Директор обрадовался и в ту же час без каких-либо договоров приказал загрузить КамАЗ соседки по этажу только что выпущенной продукцией. После того, как машина была загружена, Голубкина лично сняла с двери вывеску фирмы «Интрига», сдала на вахту ключи и на глазах у дежурного милиционера вытащили из под плаща подушку. Причем, оставила ее у вахтера в качестве памятного сувенира.

КамАЗ погнали в Красный Яр на дачу Rogova. Все соседи видели, как во дворе Rogova разгружались мешки с трикотажем и складировались в подвале, но не один не заподозрил, что товар похищен. Даже в последующие дни, когда об этом случае «трубили» все газеты, ни одному жителю Красного Яра не пришло в голову, что это дело рук их со-

седа. Через две недели трикотаж был продан оптом пензенским бизнесменом, а выручка поделена. Вот на эти ворованные деньги Рогов и основал свою фармацевтическую фирму. Голубкина же свою долю перевела в валюту и положила в Швейцарский банк.

Имеет ли это дело отношение к тройному убийству? На этот вопрос следствие ответа не дает. Однако, по некоторым данным, задержанная Голубкина убеждена, что эти убийства напрямую связаны с их давнишней аферой. Именно поэтому она так легко и сдалась властям.

Нам удалось выяснить, что талант к подобному роду аферам начал проявляться у Голубкиной с весьма нежного возраста. Мы нашли человека, который был первой жертвой нашей героини. Свою фамилию он назвать отказался, но вот что он рассказал нашему корреспонденту:

«Произошло это в восемьдесят втором году. Тогда я активно «фарцевал» джинсами. Мои знакомые свели меня с одной студенткой медучилища, Алисой Голубкиной, которая пообещала толкнуть восемь «Левайсов» сорок четвертого размера. Ну, дал я этой Алисе восемь «Левайсов» сорок четвертого размера. Думал, посмотрю, как девчонка сработает. В случае чего, никуда она не денется. И действительно, никуда она не делась: пришла на второй день в слезах и сказала, что пакет с джинсами у нее отняли группировщики. Затем добавила, что заявила в милицию, и милиция уже ищет тех пацанов. Когда мусора их найдут и изымут товар, она в тот же день вернет мне джинсы.

Представляет мой ужас? Страшнее придумать нельзя, чем залететь под статью «о спекуляции». Я на это даже ничего не ответил. Развернулся и дал деру. Три месяца я не появлялся в городе, а, когда вернулся, мне принесли восемь «Левайсов» и предлагают купить. Смотрю, джинсы-то мои. Спрашиваю: «Где взяли?». «Да девчонка одна фарцует». «Что за девчонка? Покажите!» Показывают — она. Ну, я за ней. Она — от меня. Думаю, все равно поймаю. Месяц пас ее у дома. Но так и не поймал. А потом узнал, что она вышла замуж за художника. Ну, я и плюнул».

Однако самое невероятное в этой истории впереди: тот художник, за которого наша героиня вышла замуж, и есть Александр Ветлицкий, признавшийся в убийстве своих коллег.

Перед тем, как распахнуть дверь камеры, охранник смеялся не очень дружелюбным взглядом и хрипло произнес, перейдя почему-то на «ты»:

— Что же ты следователя мучаешь? Он тебя выгородить хочет, а ты как осел.

— А меня не надо выгораживать, — ответил я.

Охранник хмыкнул и начал нервно скрежетать задвижкой. Когда дверь с железным лязгом распахнулась, он сердито произнес, толкнув меня в камеру:

— Тебя когда-нибудь совесть мучает?

— Раньше мучила. Сейчас нет, — ответил я.

Дверь за мной захлопнулась, и я повалился на нары. Как только утихли неспешные шаги охранника, сделалось очень одиноко. Серые тучи словно приклеились к этому клетчатому окошку под потолком. Сердце мое едва не разорвалось от жалости. Но не к себе, а к этому убогому миру. Неожиданно мне пришло в голову, что в этом мире второго не дано: в нем либо творишь, либо подышаешь от жалости к его убогости.

Да, раньше меня мучила совесть за каждую праздную минуту. Сердце также тоскливо сжималось, и я не понимал отчего. Думал, от смертельной тоски. Оказывается, от жалости.

Но когда у меня появилась Галатеея, продолжала ли меня мучить совесть по поводу того, что я не писал? Продолжала! Но я себе в этом не признавался. Краски мои давно высохли, мольберт истлел на балконе, палитра канула в небытие. За все эти годы, связанные с Галатееей, я ни разу не зашел в художественный салон, не говоря уж о выставочном зале. Так я выматывался на работе.

Я вскакивал в шесть, наскоро брился, проглатывал яичницу и исчезал часов на шестнадцать в этом чертовом водовороте, который люди называют жизнью. Приползал я ближе к полуночи, выжатый, как тубик, едва ворочая от усталости зрачками. Кроме, как на Рогова, мне приходилось работать еще на двух, а то и на трех хозяев, и все ради того, чтобы выжать из этого гнусного мира как можно больше денег. Но это не правда! Не деньги мне были нужны.

За полгода я дважды обставлял квартиру миниатюрной мебелью, которую выписывал из Италии. Галатею одевал только в самое изысканное и дорогое. Даже батарейка, вставленная между лопаток, и та была самой лучшей фирмы. «Еще каких-то десять тысяч баксов, и можно подыскивать

новую квартиру», — подбадривал я себя. Но в глубине души знал, что она мне тоже не нужна. Все это иллюзии и обман. Не затем меня спустили на Землю.

Как назло, баксы сыпались на мою бестолковую голову буквально отовсюду, как бы желая забыть внутри то, что с таким упорством рвалось наружу. И хотя к этому времени мне уже приходилось возглавлять в «Симбир-Фарме» отдел планирования, я ни в коем случае не брезговал «челночеством», хотя в нем давно не было необходимости. Просто выработалась такая привычка по пути удваивать деньги, которые были в карманах. Вероятно, это и называется классическим бизнесом — механическое «делание денег», занятие бессмысленное и бездуховное, не приносящее ничего, кроме скуки.

Чтобы как-то утешиться (всего лишь утешиться, а не поднаться в чьих-то глазах), я и себе начал покупать только фирменные вещи, без которых раньше обходился вполне. Иногда попадалась откровенная туфта, но она была из престижных салонов. Я видел, что это туфта, подделка, самоварный блеск, выданный за золото, но покупал. Покупал молча и покорно, как будто нес какую-то повинность. Это давало тупое удовлетворение, однако не надолго.

Обедал я в дорогих ресторанах, пил импортные вина, тоже туфтовые, зато известных мировых марок. Их вкус так и не лег мне на душу, и сегодня «Агдам» мне по-прежнему милее «Мартини». Однако я продолжал пить только импортное. Конечно, можно было обходиться без этого идиотского шика, но куда было девать деньги?

Безусловно, деньги — это ухищренная ловушка для духа. Я прекрасно это знал и лениво наблюдал, когда она, наконец, захлопнется и оттяпает лучшую часть моей души. Однако деньги еще можно было растратить на всякую дребедень, но как убить свободное время? Ведь только мнимая занятость отвлекает людей от смертельной тоски. Теперь я понимал, для чего человек так много загрузил себя работой, — чтобы не оставаться с собой наедине, чтобы бессмысленной суетой заглушить предсмертные стоны души. А ведь мы пришли в этот мир для ее спасения.

И глупцу понятно, что все заботы, связанные с ублажением плоти, — изобретение сатанинское. Потому, видимо, Моисей и завещал блюсти хотя бы субботу. Ведь пищей души всегда была свобода. Но в том-то и дело, что теперь свобода мне была не нужна.

Я не боялся нагрузить себя еще больше. Я боялся быть свободным. Теперь я вскакивал в пять, натягивал спортивные трусы и бодро мчался на стадион. Затем — турник, гантели, холодный душ. И снова беготня, но уже по аптекам и торговым фирмам. Субботу же я полностью посвящал Гала-теи: протирал ее лицо лосьоном, накладывал косметику, делал прическу и обряжал во все новое. И такое улаживание поролоновой куклы мне самому доставляло райское наслаждение.

Воскресенье я ненавидел. Было много свободного времени, и на душе скребли кошки. Но всех кошек я топил в ликере или бренди. Причем, начинал с самого утра. А потом весь день спал. Но когда меня одолел стыд за свои бесконечные пьянки, я пристрастился ходить в рестораны.

11

Одному, как известно, ходить по ресторанам не очень-то весело, но к этому времени я уже был абсолютным бобылем. Своих товарищей по работе я держал на расстоянии, не потому что их презирал, а потому что так сложилось. Мне почему-то всегда казалось, что я скучный собеседник. Я не люблю тесать лясы на всякие бытовые темы. Не люблю сплетничать, говорить о погоде, о политике и прочем, но особенно ненавижу поддерживать разговор только ради того, чтобы не показаться невежливым. Как бы там ни было, а переливать из пустого в порожнее — несколько не мое.

Единственно, о чем я люблю поговорить и говорю страстно — о смысле человеческой жизни. Но эта тема для большинства пустая и ненужная. Я не вправе, осуждать за это людей. Словом, с простыми смертными, не имеющими отношения к искусству, мне сложно. Да и им со мной не легко. Поэтому ко мне в друзья никто особенно не набивался. И если коллеги терпели мои угрюмость и несловоохотливость, то исключительно из-за моих деловых качеств.

Однажды, заказав столик в одном модном ресторанчике, публика которого состояла из местных оболтусов, изображавших из себя элиту, я заметил одну грустную дамочку, бросавшуюся в глаза своими далеко не аскетическими формами. Для разбогатевших провинциалов она как раз являлась эталоном сексапильности. Настроение и так было неважным, а тут после двух рюмок я заметил, что она бросает в

мою сторону весьма равнодушные взоры. Я тоже поглядывал на нее сквозь клубы табачный дыма и признавал, что с рабоче-крестьянской точки зрения она была очень даже недурна. Но всех особ женского пола я рассматривал исключительно через призму моей прелестницы. Как художник я не мог не выявить недостатки этой кустодиевской бабочки: несимметричные плечи, крашенные волосы, не столь тонкая талия, не столь изящный изгиб шеи, наконец, черные калошеобразные туфли, надетые на ножку сорок второго размера. Дамочка замечала, что я поглядываю на нее, и застенчиво опускала глаза. Она не была похожа на проститутку или на особу, которую интересуют богатые. И данное обстоятельство слегка заинтриговало.

Вполне возможно, что я, допив свой французский коньяк, мирно бы отвалил домой, но красotka внезапно поднялась с места и направилась к моему столику. Она подошла, застенчиво хлопнула ресницами и чопорно пригласила на танец, чем ввела меня в замешательство. Пока я раздумывал, она отцепила мои пальцы от рюмки и, ухватив за рукав, вытащила на середину зала.

Тут нужно отметить, что танцевала она весьма недурно, и что от нее исходил тот самый волнующий жар, какой, вероятно, использовали египетские жрицы для испытания неокрепших юношей. Но талия ее была не столь упруга, сколь хотелось бы, и бедра не столь округлы, сколь требовала душа. К тому же духи ее были отвратительны, и обесцвеченные волосы очень неприятно щекотали щеку. Тем не менее, две трети выпитой бутылки делали свое дело. А на подобной стадии такое же количество женщин кажется обворожительным.

После танца я предложил посидеть со мной и помочь допить этот нескончаемый коньяк. Коньяк незнакомке понравился. Едва пригубив рюмку, она сделала блаженную мину и вожделенно закатила глаза. За разговором выяснилось, что девушка — актриса. Только что окончила Ярославский театральный институт и прибыла в наше захолустье по распределению. Для вчерашней студентки она выглядела не очень юно. «Лет тридцать, — дал я девушке про себя. — Хотя, может, двадцать семь».

— А что, актерской зарплаты хватает, чтобы посещать рестораны? — поинтересовался я без задней мысли.

Она рассмеялась и сказала, что в этом ресторане впервые. Деньги, конечно, в театре платят мизерные, но один ве-

чер в ресторане можно себе позволить. К тому же, на что только не пойдешь, лишь бы избавиться от этой провинциальной скуки. Она оказалась права. Я осмотрел этот задымленную конюшню, и меня потянуло на зевоту.

Поскольку коньяк вскоре иссяк, я вяло вызвался ее проводить. Жила она, кстати, на самой окраине, и я еще по глупости отпустил такси. Пришлось около часа трепаться с ней на лавочке, прежде чем она пригласила к себе.

Но после того, как моя нога переступила порог ее коммунальной комнатухи, на сердце как-то ужасно потяжелело и уже не отпускало весь оставшийся вечер: ни тогда, когда я стаскивал с нее стреляющую блузку, ни тогда, когда задыхался в ее душных объятиях, ни через несколько часов, когда я в ужасе проснулся среди крошечной тьмы и закурил.

Перед глазами внезапно возникло прекрасное личико Галатеи, и мне стало не по себе. Моя случайная спутница, волей судьбы заброшенная в нашу дыру, громко сопела, и ее доменное тело излучало рубенсовский жар.

Мне было неприятно припоминать ее шероховатую кожу и излишки жира в бедрах, наполовину обвислые груди с маленькими сосками отвратительного розового цвета. Какого черта я делал здесь, на окраине города, в одной постели с совершенно не нужной мне женщиной? Да как меня угораздило после какой-то паршивой бутылки французского пойла? И вновь моя куколка сверкнула из темноты глазками, и сумасшедший стыд охватил мое гнилое нутро. Я мигом слетел с кровати и стал по-воровски одеваться.

Потом я расстроено шатался по городу, курил, ждал рассвета и не спешил возвращаться домой. Даже когда загрохотали трамваи, и тогда я не рискнул поехать к себе, а пешком отправился в офис. Но после тяжелого дня поздно вечером, когда, возвратившись домой, я с содроганием толкнул двери зала, то увидел на прекрасном лице Галатеи молчаливое презрение.

Следователь В.А. Сорокин

Сегодня допрашивал Голубкину. Она уверена, что убийство Рогова, Петрова и Клокина — дело рук Османова. Османов уже бросался на нее с топором, причем на глазах двенадцати свидетелей. Это было в начале года в январе. Голубкина принесла мужу обед (он у нее студент музы-

кального училища, но временно работает в строительной бригаде СМУ №7), и вдруг из вагончика вышел пьяный Османов. При виде ее глаза сторожа налились кровью. Он схватил топор и с криком «Зарублю!» пошел на Голубкину. Тут подлетели строители, отняли у Османова топор, дали ему по физиономии и уложили спать. С тех пор Голубкина на стройку ни ногой. Но сторож, как она думает, уже давно ее выследил. А Рогова с Петровым выследил раньше.

Я поговорил с молодым мужем Голубкиной. Он уверяет, что Османов, когда пьяный, бросается с топором на всех. Вряд ли в тот раз он вообще что-то соображал. Своей женой будущий музыкант восхищается и требует посадить его с ней в одну камеру.

С Османовым я тоже поговорил. Он этого случая не помнит. По крайней мере так утверждает. По-моему, у него паранойя на почве алкоголя. Я позвонил в психдиспансер и не ошибся — Османов их клиент. Там мне заявили, что Османов убить вполне мог. Кстати, в день убийства сторож на работу не вышел. Как он сам сказал, был в запое. Но подтвердить это некому. Оба его соседа по коммунальной кухне в тот день были у сожительниц. Думаю, Османов — это пустой билет. Хотя, как сказал классик: «На свете всякие бывают приключения».

Сегодня встречался с матерью Ольги Соколовой. Она подтвердила, что ныне подозреваемый Владимир Агеев действительно часто бывал у них в доме, но не ради их дочери, а (как она откровенно призналась) ради нее. Короче говоря, Агеев был ее любовником. В тот вечер 16 июля, когда пропала девочка, они с Агеевым были на его даче. В этот вечер мать должна была встретить дочь после музыкальной школы, но вместо этого поехала с Агеевым. Соколова считает, что таким образом она наказана за грехи. Винит только себя. Все отношения с любовником прекратила, вот почему он так резко перестал бывать у них.

По словам Соколовой, после поездки к Ванге ее муж очень изменился. Стал замкнутым и нелюдимым. В мыслях у него только одно: поймать маньяка и проделать с ним то же самое, что он проделал с их дочерью. Соколов обещал, что если милиции удастся выследить «потрошителя» раньше его, тон он все равно подкупит охрану, пробежится в камеру и удушит гада его же собственными кишками.

Все это наводит на определенные мысли. Если бы я не знал, что Рогов приехал из Краснодара в 1990 году, то у меня были бы подозрения, что он и есть тот самый «потрошитель», и его убийство — месть Соколова. Но, насколько мне известно, этот дом в Красном Яре Рогов купил спустя год после убийства девочки.

В последнее время не могу отделаться от мысли, что эти убийства в Красном Яре каким-то образом связаны с расчленением девочек. Не исключено, что их потрошили в подвале дома Рогова. Кроме факта совпадения группы крови последней жертвы, я заметил еще одну вещь: головы обеих жертв были найдены неподалеку от дорог, ведущих в Красный Яр. Одна — в мусорном контейнере аэродрома «Восточный», другая — в мусорном баке Восточного рынка. А ведь голова — это первое, от чего избавляются «потрошители». Кстати, есть еще и третья дорога, которая ведет к Красному Яру. Правда, заброшенная. Она проходит неподалеку от барачков бывшего оружейного завода.

14 сентября 2000 года

12

На следующий день меня повезли в Красный Яр на следственный эксперимент. Впервые в жизни я ехал в машине с клеткой. Я смотрел на прохожих сквозь маленькое окошко с решеткой и думал о том, что теперь не скоро пройду пешком по этим улицам. Да и пройду ли вообще? Мне было немного грустно, но не более того. Моя дальнейшая судьба меня не интересовала. Но я хотел знать, что станет с городом после моего исчезновения? Неужели не изменится ничего? Тогда какой смысл в моем даровании? Для кого я писал свои картины? Недосыпал, недоедал, недолюбил... мучился муками творчества, а главное — жертвовал единственным земным счастьем? Какой же смысл был во всех моих лучших порывах? Ах да! Те, кто придут за нами, будут лучше нас.

Иногда прохожие смотрели на мою машину. Их любопытные глаза скользили по окнам с решетками, и когда чей-то взгляд встречался с моим, я видел в глазах неприязнь. Для горожан я уже не существовал в качестве человека. Для них я был преступником.

Когда меня ввезли во двор роговской дачи, ничто не встрепенулось в моей груди. Охранник отпер дверь и прика-

зал выходить. Сорокин взглянул в мои глаза, а я в его. В них была досада. Он был хмур и холоден. Я почувствовал, что он порывается мне что-то сказать, но вокруг были люди.

Меня подвели к крыльцу и повесили на плечо тяжелую сумку с топором. Эксперты приготовили фотоаппараты и записные книжки.

— Ну, — произнес следователь. — Покажите, как вы вошли в дом?

Я нерешительно ступил на ступень крыльца.

— Почему начинаем не с калитки? — прошептал какой-то эксперт.

— В этом нет необходимости, — с раздражением ответил Сорокин. — Продолжайте, Ветлицкий!

Я взшел на крыльцо и взялся за ручку двери. Тут же защелкали камеры и поднялся недоуменный гул. Я оглянулся.

— Ничего-ничего! Продолжайте.

Я вошел в сени. Вслед за мной вошла свита экспертов во главе с Сорокиным. Я толкнул дверь ладонью и вздрогнул. За столом сидели три манекена.

— Смелее! — подбодрил Сорокин. — Итак, вы вошли и увидели ваших сослуживцев. Сослуживцы сидели за столом и пили. Они располагались именно так?

Я кивнул.

— Что было дальше? Подходите смелее! Итак, вы подошли. И что вы сказали?

— Я ничего не сказал.

Точно сомнамбула доплелся я до стола и снова растерянно оглянулся. Эксперты прицелились фотоаппаратами. Сорокин был угрюм.

— Что же вы встали? Продолжайте! Значит вы, не произнеся ни слова, тут же принялись их рубить? Покажите, как вы это делали. Смелее!

Я вытащил из сумки топор, поднял его над головой одного из манекенов, но ударить не решился. Снова ударили вспышки и защелкали камеры. Я оглянулся на Сорокина и увидел на его лице усмешку.

— Вы также дважды замахивались? — спросил он ехидно.

Я поднял топор и с маху ударил манекену по макушке. Его гипсовая голова треснула, но осталась на месте. Я снова поднял топор и более решительно вонзил его в голову второму муляжу. После чего снова оглянулся. Руки Сорокина были скрещены на груди. Эксперты почему-то хмурились.

— Именно с такой силой вы били? — спросил следователь.

— Не помню.

— Продолжайте!

— Третий бросился бежать, — сказал я.

Тут же подошли два моих охранника, взяли манекен под мышки и молча усталились на меня.

— Покажите, докуда он успел добежать.

— До двери.

Охранники поставили манекен у порога, облокотив его о косяк, и отошли. Эксперты снова подняли фотоаппараты.

— Продолжайте! Какие были дальнейшие ваши действия? Вы погнались за ним?

— Нет. Я кинул в него топор.

— Кидайте!

Я неуклюже размахнулся и метнул топор в предполагаемого Клокина. Хотя причем здесь Клокин? Не помню я никакого Клокина! Муляж с грохотом повалился на пол, поскольку топор угодил в ногу. Я подошел к манекену, поднял с полу свое орудие и замер. Воцарилась жуткая тишина. Фотоаппараты снова молча прицелились в меня. Лица экспертов были серьезными. И только глаза Сорокина едва заметно сузились.

— Что же вы остановились? — произнес он насмешливо.

В абсолютной тишине я размахнулся топором, но ударить не смог. Немного собравшись, я неловко ткнул манекену по затылку. Он как-то беспомощно дернулся и затих. «Пора кончать с этой комедией», — подумал я и, решительно наступив ему на спину, нанес еще два удара по голове.

— Все? — спросил следователь.

— Да! — ответил я, прислоняя топор к косяку двери.

— Вы также ставили топор?

— Нет. Я его сразу положил в сумку.

Пришлось поднять это осточертевшее орудие и сунуть в сумку, которая все это время болталась у меня на шее. Я поднял глаза на следователя.

— Дальше, — произнес он.

— Дальше все!

Я перешагнул через манекен и вышел на крыльцо. Солнце ударило в глаза, и обдало пряным осенним воздухом. Я услышал птиц и эту невообразимую деревенскую тишину. На крыльцо за мной вышли эксперты. За ними, минутой спустя, вышел Сорокин. Лицо его было задумчивым.

— Куда вы направились потом? Покажите!

Я проследовал через двор к калитке и вышел на улицу.

— Вы пошли к трассе?

— Да. Но до трассы не дошел. Едва я завернул за угол, мне навстречу выехал «ГАЗ». Я поднял руку и попросил водителя подбросить до города. Он довез меня почти до дома.

Следователь подошел ко мне, пытливо поглядел в глаза и тихо произнес, чтобы никто не услышал.

— Хотите сказать, что все это из-за денег? Бред! Может, здесь замешана женщина?

13

Замешана женщина? С чего он взял? Причем здесь женщина? Разве нельзя зарубить из-за денег по примеру Раскольникова? Всю обратную дорогу я пытался вникнуть в логику мыслей двадцатисемилетнего пацана, вообразившим себя инспектором Коломбо. Львиная доля всех убийств на Земле происходит из-за них, из-за этих презренных банкнот. Из-за чего же еще? Из-за женщин? Какой вздор! Кто сейчас пошевелит пальцем ради женщины?

Перед въездом на мост мы остановились. Следователь вышел из машины и попросил показать то место, с какого я бросил топор в воду.

— Точно не могу сказать, — ответил я. — Где-то на середине моста.

— Вы попросили водителя остановиться?

— Нет. Я бросил его на ходу в открытое окно.

— И как на это отреагировал водитель?

— Он даже не повернул головы. По-моему, ему и в голову не пришло, что я бросил в воду топор, потому что он был в полиэтиленовом пакете. Я бросил его вместе с пакетом.

Следователь более чем недоверчиво всмотрелся в меня и, не сказав ни слова, направился к своей машине. Меня снова затолкали в душегубку, и я подумал, что со мной слишком много возятся. Даже как-то неловко. Столько серьезных людей я отвлек от важных дел, и никакого толку. Ну, да черт с ними!

Так о чем я? Что без дамы это дело не обошлось? Что делать? Проницательные французы по этому поводу восклицают: «Шерше ля фам!» Ибо нет на свете дел, которые не вершились бы во имя дам. А убивают все-таки из-за денег,

да еще ради того, чтобы что-то доказать. Но это шизики. У современных убийц совсем нет фантазии. Однако если обнажить все истинные истоки мировых катаклизмов, то дамочки всех мастей так и вшиты в них розовой нитью. Что касается меня лично, то из трех дам, которых я познал физически, две оказались лишними. И последняя — особенно.

Более месяца та ресторанный бабочка вспоминалась мне с жутким отвращением. Я проклинал себя, артистку, которую злой рок забросил в наше захолустье, театры, в которые еще направляют по распределению, Ярославский институт искусств, куда принимают пышных бабенок неопределенного возраста. Наконец в субботу я поклялся своей чертовой кукле быть верным ей до самого гроба, и только после этого она позволила мне подойти к ней наложить макияж.

Я чувствовал себя дико виноватым и пытался задобрить ее косметикой и тряпками. Если бы Галатhea обладала слухом, я бы мог оправдаться, ибо ничто так не запудривает мозги, как бессмысленное пустословие. Если бы она обладала даром речи, то могла бы накричать на меня, ибо ничто так не выветривает обиды, как истерические вопли. Но она молчала и презрительно смотрела в окно. Больше месяца Галатhea не являлась мне во сне, а когда пришла, — села на краешек дивана и печально сложила руки. Она была печальнее обычного, и я не мог не поцеловать ее перламутровый коготок.

— Тоска, — прошептала она еле слышно и медленно высвободила ручку.

— Почему? — спросил я, но она не ответила. — Почему ты никогда не смеешься? Попробуй хоть раз рассмеяться, и тоска уйдет.

Она опять вздохнула и тихо прошептала:

— Если я рассмеюсь, то...

На этом «то» мой сон оборвался, и я почувствовал, что за ним кроется нечто зловещее. Когда я оторвал от подушки голову, то увидел, что Галатhea сидит в кресле в своей обычной позе и задумчиво глядит сквозь меня. Но в ее задумчивости было что-то необратимо трагическое.

Это роковое «то» повергло меня в уныние и сильно испортило настроение. Это «то» не выходило из головы несколько дней, и я серьезно подумывал, а не сделать ли мерзавке пластическую операцию, чтобы придать ее лицу какую-нибудь куртизанскую легкомысленность? Но одна мысль, что я скальпелем буду врезаться в ее миленькую щечку, приво-

дила меня в смятение. Да и воспримет ли мое привередливое нутро ее новый образ? Если не воспримет, то спровоцирует на новые поиски и опять надолго лишит покоя.

Откуда мне было знать, что мой покой окончится на следующий день? А за день до этого я спокойно лег спать, опрокинув для верности стакан Кагора. И мне снова приснился Пигмалион.

Также как и в первый раз, я с огромной высоты увидел остров Кипр, затем огромную скалу и на ней царский дворец с белоснежными колоннами. Следом передо мной проплыли прохладные залы со скульптурами, огромные будуары для царских особ и маленькие закутки для прислуги. По длинным коридорам деловито прошмыгивали рабы как черных, так и белых цветов, у роскошных арок стояли воины, а по залам прогуливались гости и прочие благородные особы в белоснежных тогах. Самого же царя не было.

«Да, где же он, Цербер бы его побрал?» — воскликнул я во сне. И вдруг увидел залитую солнцем террасу и на ней Пигмалиона с совершенно убитым лицом. Он стоял в абсолютном одиночестве, скрестив на груди руки, и смотрел на простирающееся внизу море. На море было пусто, если не считать одной крохотной, едва видимой точки. Я сразу догадался, что именно эта точка и была источником грусти несчастного царя.

В ту же минуту та маленькая точка начала стремительно расти, и на моих глазах превратилась в роскошный египетский корабль, плывущий в Фивы. На носу лицом к ветру стояла она, дочь фиванского купца, возлюбленная Пигмалиона. Но ее обнимал белокурый юноша с синими глазами в пурпуровой тунике. Когда девушка смотрела на него, ее губы расплзались в счастливой улыбке. Я не знал, кто был этот парнишка, но догадывался, что он богат и именит, и возможно царского рода. Он, владелец этого корабля, навсегда увозил девушка от Пигмалиона к далеким берегам Египта.

Неожиданно Киприотский царь встрепенулся. Брови его вздыбились, в глазах сверкнули молнии. Стремительной походкой он направился в зал, где стояло мраморное изваяние Галатеи. Царь долго всматривался в скульптуру, особенно в ее глаза. Но глаза Галатеи были холодны и не желали смотреть на своего создателя. Брови Пигмалиона поползли к переносице. Он взял кувалду и занес ее над скульптурой. Голова Галатеи разлетелась на кусочки, и по ее белоснежному телу пробежала молния. Пигмалион размахнулся и ударил ей

по груди. Скульптура с грохотом полетела на пол, а он продолжал крушить ту, которую боготворил. Даже после того, как я проснулся, у меня еще с минуту в ушах стоял этот страшный грохот.

Следователь В.А. Сорокин

Сенсационная новость! Сижу как на иголках и жду телефонного звонка. Оказывается, есть человек, который знает, кто «потрошитель». Но об этом позже. А сейчас о следственном эксперименте, который я по настоянию прокурора провел с Ветлицким.

Откровенно говоря, он произвел на меня двоякое впечатление. С одной стороны действия подозреваемого были последовательны, а с другой — в его действиях было много неточностей. Войдя в дом, он сразу подошел к столу со стороны Рогова и встал на то место, где стоял преступник. Также безошибочно он занес топор сначала над Роговым, затем над водителем. После чего совершенно точно сказал, что Клокин бросился бежать.

Мы поставили манекен к дверям и дали возможность подследственному проделать то же самое, что совершил преступник. Ветлицкий метнул топор очень неуклюже, после чего весьма вяло ткнул манекен по голове. Разделавшись с ним, он неожиданно прислонил орудие убийства к косяку. Затем Ветлицкий перешагнул через манекен и, сойдя с крыльца, направился к калитке. На этом эксперимент пришлось прекратить.

Итак, первое, что не соответствует действительности: подозреваемый при открывании дверей пользовался дверными ручками, тогда как преступник открывал двери пинком. Второе: подозреваемый подошел к столу и, вытянув топор, сразу поднял его над Роговым, тогда как убийца сначала с ним говорил. Третье: подозреваемый нанес Клокину всего три удара, тогда как убийца нанес пять. Четвертое: расправившись с Клокиным, подозреваемый перешагнув через него и сразу вышел из дома, тогда как убийца сначала проследовал вглубь гостиной к кровати. И, наконец, пятое: сойдя с крыльца, подозреваемый сразу направился к калитке, тогда как убийца сначала проследовал к мусорной куче.

Также Ветлицкий не смог точно указать место на мосту, откуда бросил топор. По его словам, топор он швырнул в Волгу из окна летящей машины. Номер машины Ветлицкий не запомнил, как, впрочем, и внешность водителя. Запомнил только модель. Старый «ГАЗ», то ли синего, то ли серого цвета.

Теперь о психологическом аспекте. Ветлицкий дважды замахивался на манекен Рогова, не решаясь ударить сразу, между тем как Рогов был укукошен с первого удара. Также не смог он одним ударом разбить голову манекена водителя. Еще более неуклюже Ветлицкий расправился с третьим манекеном, и то, после того, как придавил его ногой к полу.

Для этого преступления Ветлицкий явно недотягивает как по силе духа, так и по физической силе. С такой точностью и силой, с какими были совершены убийства, мог бить только очень сильный человек, или человек в состоянии невероятного аффекта. Но подобное состояние держится всего несколько минут. За это время, пока Ветлицкий добирался из города до Красного Яра, оно бы необратимо ослабло. А состояние сильного аффекта у него теоретически должно выпасть на 14 часов, когда он заметил кражу денег в квартире.

Если убийца Ветлицкий, то предположить можно только одно: в доме Рогова он увидел нечто такое, что его потрясло. Но подобными фактами я не располагаю. Кстати, лабораторный анализ его кроссовок не дал ожидаемых результатов. Никаких следов крови на правой пятке обнаружено не было. Ветлицкий объясняет это тем, что по возвращении домой принял душ в одежде и обуви, после чего и то, и другое замочил в порошке. Такое объяснение меня не убеждает. Я по-прежнему с большим скепсисом отношусь к тому, что убийца Ветлицкий.

А теперь самое главное! Сегодня, наконец, я выбрал время и встретился с Агеевым в психиатрической лечебнице. Он произвел на меня удручающее впечатление. Ничего вразумительного, конечно, от него добиться не удалось, поскольку ничего человеческого в нем не осталось. Человека просто загубили психопрепаратами. За это должны ответить врачи и прежняя следственная группа. Но пока не об этом речь.

Буквально на выходе я встретился с женой Агеева. Она мне рассказала следующее: после того, как ее муж попал

под следствие, на ее адрес пришло письмо без подписи. Писала женщина, которая утверждала, что знает, кто «попрошитель». За эту информацию анонимщица просила двадцать тысяч долларов. Мария Петровна сразу отнесла это письмо в прокуратуру, но письму, как она и предполагала, ходу не дали, поскольку спешили поскорее сфабриковать обвинение. Однако у Агеевой сохранилась ксерокопия этого письма. Она обещала найти и позвонить. Если Мария Петровна принесет его сегодня, это будет самым везучим днем в моей жизни.

15 сентября 2000 года

Дорогая Мария Петровна!

Меня вы не знаете, да вам и не обязательно меня знать. Мне известно, что вашего мужа забрали по подозрению в надругательстве и убийстве этих несчастных девочек. Также мне доподлинно известно, что он невиновен, но, скорее всего, его обвинят, потому что губернатор дал указание в течение двух недель найти убийцу. Прокурор сделает все возможное, чтобы повесить эти преступления на первого, кто подвернется под руку, чтобы усидеть на своем месте. Первым подвернулся ваш муж. И я вам искренне сочувствую, потому что знаю, кто настоящий убийца.

Это бывший мой одноклассник. Он был самый трусливый в классе. От одного вида шприца, или крови он бледнел и падал в обморок. Мальчишки над ним потешались и били. А девочки его презирали.

Если первое он переносил легко, второе его задевало. Дело в том, что он с третьего класса был влюблен в мою соседку по парте Олю. Ходил за ней хвостом, но она им брезговала. Однажды на уроке физкультуры, который проходил на улице, из мусорного бака выползла крыса. Мальчишки схватили палки и погнались за ней. Мой одноклассник тоже схватил палку и побежал за всеми. Неожиданно крыса развернулась и побежала в его сторону. Мальчишки закричали: «Бей!» Он замахнулся, но ударить не смог. Пацаны подбежали, забили крысу, а он упал в обморок.

Через полгода на дискотеке он объявился Оле в любви. Но она подняла его на смех. Припомнила крысу, которую он не мог ударить. На моего одноклассника это очень сильно повлияло. Он замкнулся. Стал нелюдимым. Но неожиданно

в десятом классе на школьном вечере он выманил Олю во двор и показал ей кошку, растерзанную весьма своеобразно. Кошка была прибита к доске за лапы, кишки ее выпущены наружу, глаза выколоты. «Посмотри! — сказал он моей подруге. — Ее сердце еще бьется». И запустил свою руку в кишки. Оля с визгом убежала, и про этот случай рассказала только мне.

Дня через два ей принесли пакет. Развернула, а там собачонка с отрезанными лапами и головой. Она пожаловалась пацанам. Пацаны его избили. После этого он сказал Оле: «Когда-нибудь и тебя найдут по частям». Окончив школу, Оля уехала учиться в Москву. Но, как она мне рассказывала, этот псих и туда присылал органы животных.

Уже после убийства первой девочки, я сразу заподозрила, что это мой одноклассник, поскольку та жертва очень походила на мою подругу. После убийства другой Ольги, я уже не сомневалась, что это он, потому что и другая несчастная напоминала Ольгу.

Моя подруга сейчас живет в Германии. В Германию она, можно сказать, бежала от страха, потому что сразу все поняла после первого убийства девочки. Я могу назвать имя и фамилию этого идиота, и даже дать адрес. Но поймите меня правильно, я тоже хочу уехать, потому что боюсь, что когда он выйдет из тюрьмы доберется и до меня. Денег на отъезд у меня нет. За имя этого подонка я прошу всего двадцать тысяч долларов. Этим вы спасете мужа, а город освободите от опасного маньяка.

Если вы согласны, в воскресенье в десять утра опустите пакет с деньгами в левую урну при входе в Парк им. Свердлова.

4 октября 1989 года
Ваш доброжелатель

14

Этот сон с Пигмалионом оставил в душе неприятный осадок. Причем здесь скульптуры? Зачем крушить произведения искусства? Они-то в чем виноваты?

День после этого сна был очень тяжелым, да к тому же душным. Без конца в отдел звонили какие-то люди, спрашивали то Рогова, то Лебедину. Задавали какие-то дурацкие вопросы, типа: где ваш шеф? Не знаете? А кто может знать?

«Скорее бы закончился этот суетливый день и домой, — думал я. — Там Галатея. Там царит покой».

Однако по возвращении домой, наслаждаться покоем мне пришлось не более часа. В семь часов вечера в прихожей раздался звонок. Я вздрогнул и шестым чувством уловил, что это сигнал к развязке. На пороге стоял Рогов, которого целый день кто-то безуспешно искал. Он был бледным и напуганным. Мой шеф трясся крупной дрожью и трусливо озирался по сторонам. Я подумал в ту минуту, что не люблю этого человека за тупость и плебейское высокомерие, которое как раз и является следствием тупости. Тем не менее, я позволил переступить порог моего дома.

— Навели? — усмехнулся я.

— Да! — закивал он панически. — И уже включили счетчик. Калитку сожгли, выбили стекла на первом этаже...

— Семью отправил?

— Какая к черту семья! Меня обещали пришить к завтрашнему утру, если не переведу полтора миллиона. А как я переведу ночью? Соображают они или нет? Какие все-таки тупые люди? Ничего человеческого!

Мое презрение к нему боролось с чувством гадливости. Жалости не было совсем. Только такие, как Рогов, ценят свою шкуру выше жизни собственных детей. К тому же я знал, что он без документов угнал из Красногорска КамАЗ с лекарствами. Мне бы сразу отказать ему в ночлеге, но пока я раздумывал, он нырнул в прихожую и наглухо захлопнул дверь.

Не успел я что-либо сообразить, как незванный гость мышкой юркнул в комнату, но, увидев Галатею, вздрогнул и удивленно произнес:

— Оля? Ты? Не ожидал тебя здесь увидеть.

Затем, приглядевшись, Рогов суетливо поправился:

— Ой, извините! Я вас, кажется, перепутал.

Было видно, как здорово оробел Рогов при виде моей красавицы. Он согнулся и начал униженно объяснять свой непрошенный визит. В эту минуту мне бы и следовало увести его на кухню с объяснениями, что у меня дама, извини, мол, старик, второй комнаты нет, сам понимаешь ситуацию.

Но вместо этого я расхохотался и этим напугал его еще больше. Я сказал, что извиняться и заискивающе кивать нет необходимости, поскольку та, перед кем он только что позорно прогнулся, всего лишь кукла. Рогов недоверчиво поймал мой взгляд, и это доставило мне удовольствие.

На полусогнутых ногах он подошел к креслу и внимательно взгляделся в ее лицо.

— Бог ты мой! Неужели кукла? А как похожа на дочку Полонского. Только она еще ребенок.

Рогов дотронулся до щеки Галатеи и тут же отдернул руку.

— Блин! Она же теплая!

— Не успела остыть. Только что пришел, — мрачно пошутил я.

Шеф испуганно отпрянул, и внезапная гордость охватила меня. А ведь я думал, что честолюбия во мне не осталось ни капли. Оказывается, не все человеческое еще чуждо великим мастерам! О чем речь, мне были приятны его страх и изумление. Как-никак Рогов был первым, кто живьем увидел мое творение.

Именно это чувство несколько затмило мое презрение к нему, и я уже не мог вытолкнуть его на лестницу.

Мы пили на кухне, и он не хотел верить, что эту красотку «смастрячил» я сам, а не купил в каком-нибудь японском шопе. Мне были глубоко отвратительны его холопские чувства к япошкам, и я переводил разговор на другую тему.

Я советовал ему завтра с открытием банка перегнуть все в полном объеме в Красногорск, и больше не испытывать судьбу. И еще я советовал раскаться и извиниться перед коллегами.

— Раскаться — всегда пожалуйста! — отвечал он. — Но предоплату в полном объеме — ни за что. Только после реализации. Ну, нет у меня ни наличными, ни на счету! — багровел Рогов, клятвенно молотя себе в грудь. — Из каких шишей я им должен перечислять, да еще с извиненьями? Это они у меня должны просить извинения, что подсунули неходовой товар.

Я презирал его еще больше, замечая, как щенячья трусость борется в нем с мужланской жадностью. Он пил, хмелел и жаловался, что денег вечно не хватает, что уже третий год он не может достроить коттедж, что он десять лет ездит на полуржавом «Джипе» и что он не в состоянии купить жене даже норковую шубу, а детям лишний раз позволить шоколадку.

Я тоже пил и брезгливо отводил глаза, потому что знал, что кроме джипа «Цузуки» у него еще есть «Тойота» и «Вольво», и что своей жене он мог бы купить двадцать норковых шуб. Но Рогов ей ни то, что шубу, лишнего рубля не дает на хлеб. А его дети ходят в том, что шьет им мать своими рука-

ми. Все это я слышал от их соседей, которые приходились мне родственниками.

После шестой рюмки Рогов внезапно развеселился и стал отвратительно вспоминать своих любовниц. Нужно было видеть, как похотливо залоснилась его рожа, и я серьезно пожалел, что не выставил его сразу. Неожиданно он вспомнил, что на одну шлюшонку спустил недавно двадцать тысяч баксов.

— Что же ты не перечислишь в Красногорск, если имеешь такие деньги? – сурово произнес я.

— Ты думаешь, нужно перечислить? — смутился он.

Если бы я сказал, что действительно думаю, когда вижу таких ублюдков, то без мордобоя бы не обошлось. Но, к счастью, мы так наклюкались, что оба плюхнулись лбами в тарелки и очнулись только к утру с весьма распухшими физиономиями.

После опохмела Рогов пробормотал, что черт с ними со всеми, он перегонит в Красногорск эти разнесчастные полтора миллиона рублей, и пусть они, эти красногорские сволочи до гроба помнят его роговскую доброту. Он тут же набрал номер телефона главбуха и приказал оформить платежку.

После этого его высокомерие стало хлестать через край, и мне захотелось схватить его за шиворот и спустить с лестницы. А ведь был совсем другим человеком, когда шесть лет назад мы с ним «челночили» бок о бок.

Рогов барином вошел в мою залу и, подойдя к Галатее, мерзко расхохотался. Затем, прищутив глаз, заявил, что с такой штуковиной он был бы не прочь провести ночку. Кулаки мои непроизвольно сжались и внутри напряглись все жилы.

— Послушай, а продай ее мне! — осенило Рогова, и я почувствовал, как мой подбородок мелко затрясся. — Нет, в натуре! За такую телку я и «пять кусков» не пожалею.

Он дотронулся до ее груди, и мои нервы не выдержали. Я коршуном налетел сзади и завернул ему руку. От неожиданности он начал звать на помощь.

— Не смей хапать! Не твое! – прошипел я ему в глаза и грубо толкнул к дверям.

Гость униженно забормотал извинения, но так и не понял, за что его выставили. Уже потом, когда дверь за ним захлопнулась и стало неправдоподобно тихо, я присел на диван и крепко задумался. В ту минуту непонятный страх охватил меня, и я не мог понять причины этого животного страха. Но

сейчас конечно знаю, что это были мои первые потуги к пробуждению.

15

Итак, мы остались вдвоем, и мне было страшно. Я был уверен, что напуган за нее, но теперь знаю, что это сама судьба решила расщелкаться со мной за сладкие годы забывания. Я посмотрел на часы. Было половина десятого. Затем мой взгляд непроизвольно упал на календарь, и я вздрогнул. Было двадцать седьмое июля и на часах девять тридцать... Именно этого числа и в это время ознаменовалось начало моего счастья, точнее — небытия. Вот же! Что бы это значило?

Кажется, я прокричал в спину Рогова что-то не совсем литературное, и мне вдруг сделалось стыдно. Я осторожно подошел к Галатее и посмотрел в глаза, чтобы определить, насколько больше она стала меня презирать после этой сцены. Я даже мысленно попросил прощения за эту свинью Рогова, но она была глуха, как никогда, и задумчиво смотрела в окно. Ко всему прочему, в ее глазах читалась вселенская усталость, которая окончательно выбила меня из колеи.

Устала, моя золотая. А как тут не устать от такого однообразия! Да и я, честно говоря, устал. Боже, как смертельно устал я от этой невзрачной и ни к чему не обязывающей жизни! Ничего-ничего, скоро переберемся в новую квартиру, где у моей прелестницы будет отдельная комната с сорока запорами, в которую, кроме моей, не ступит ни одна человеческая нога. А потом я куплю коттедж! Непременно коттедж с зимним садом и мраморным бассейном, в котором будут плавать золотые японские рыбки, но самая важная, самая прекрасная моя рыбка будет занимать вместе с роскошным итальянским гарнитуром весь второй этаж.

И когда я снова с мешками и сумками буду мотался по грязным городам России, и когда усталый буду валился на третью полку какого-нибудь общего вонючего вагона, и когда с пеной у рта буду переругивался с зарвавшимися проводниками и бригадирами, и когда буду учинять разборки в тамбуре с мошенниками и уголовниками, тыча им в морды девятимиллиметровым револьвером, мою душу будет согревать она, всегда юная, всегда прекрасная Галатеея, с венком из белых роз перед бассейном с золотыми рыбками. Разумеет-

ся, это место, отгороженное от земных сует железобетонным забором, будет истинно райским, и все там будет служить истинной красоте, той самой, которая, по наивному уверению одного великорусского мученика, и спасет этот лживый и продажный мир. Только все не так, дорогой голубчик Федор Михайлович, это красоту нужно спасти от мира! А мир спасется сам посредством зубов.

Да-да, я знал, ради чего так изматывался, ради чего мне были нужны миллионы. Исключительно ради истинной красоты! И тут я был солидарен с блистательным Периклом, утверждавшим, что богатство хорошо только в том случае, когда знаешь, на что его используешь.

Но все эти радужные грезы омрачала похотливая физиономия Рогова, которая в самый наисладчайший момент выплывала неведомо откуда. Такие не способны восторгаться красотой. Такие удовлетворяются только варварским надругательством над ней. Это все проклятое Богом Ханааново отродье. Если оно позавидует величию храма, то непременно его разрушит, если позавидует алтарю, то обязательно в нем нагадит, на скале же, которую не в силах сдвинуть с места, непременно нацарапает: «Здесь был Вася». Проклятые небом правнуки Хама приходят на Землю единожды и непременно рабами. Им не дают вселенских имен, поэтому они пытаются увековечить свои временные земные имена. И Герострат — классический тому пример. Только все это напрасно. После смерти они все равно погружаются в небытие.

Такие мысли часто посещали меня в дороге, и страх за Галатею возрастал с каждым днем. Было удивительно, что она никогда не снилась мне в поездках, но однажды, когда я возвращался из Москвы, бессонно ворочаясь на второй полке плацкартного вагона, она неожиданно возникла у изголовья и положила мне на лоб свою узкую ладонь. Я почувствовал холод ее пальчиков и услышал, как она прошептала:

— Бедный мой, бедный...

Я хотел спросить, почему же я бедный, когда у меня в каждом кармане по пачке долларов, но не успел. Она внезапно расхохоталась.

Я вскочил и сильно ударился о третью полку. Но она не исчезла по обыкновению, а только отпрянула назад и продолжала смеяться. Поезд трясло, пассажиры спали, но при тусклом свете я видел, как сверкали ее жемчужные зубы и лихорадочно сияли глаза.

— Ты смеешься? Бог ты мой! Неужели смеешься?

Тут я сообразил, что смех ее не был радостным, а, скорее, истеричным, и в глазах змеилась все та же неземная усталость. Я обнял ее за талию, но она гибко выскользнула и побежала куда-то по вагону, ничего и не объяснив. Я начал кричать, чтобы вернулась, и пассажиры стали просыпаться и недоуменно поднимать свои заспанные головы. Нужно было сорваться за ней, поймать за локоть, потребовать объяснений, но я сидел на своей полке, как прикованный, и потирал ушибленную макушку.

Следователь В.А. Сорокин

Сегодня самый удачный день! Я вычислил «потрошителя». Жаль, что он уже не сможет сесть на скамью подсудимых. Но и совершить злодеяние над новой девочкой он тоже уже, к счастью, не сможет. Однако по порядку!

Вчера после прочтения письма я сразу запросил миграционное агентство. Выяснил, что в 1988 и 1989 годах из нашего города эмигрировало в Германию восемь женщин с именем Ольга. Из них только две учились в Москве. Одна в Московском Педагогическом, другая в Сельскохозяйственной академии. Ту, что закончила Педагогический в 1971 году, я отбросил сразу. По возрасту она не совпадала с описываемой Ольгой. А с другой Ольгой по фамилии Миллер 1965 года рождения я занялся вплотную. В 1982 году она закончила 4-ю школу, а в 1987-м — Сельскохозяйственную академию. В тот же год она вернулась в Ульяновск. В 1988 году произошло убийство девочки, и в этом же году она начала оформлять документы на выезд. Процедура длилась около года. За это время произошло еще одно убийство. Я запросил фамилии учеников 4-й школы выпуска 1982 года и сразу наткнулся на нашу работницу Валентину Злотникову. Она работает в секретариате прокуратуры.

Я еще во время чтения письма заподозрил, что посланница либо близка к областной администрации, либо работница прокуратуры. В личном деле Злотниковой я выяснил, что она была принята к нам в 1982 году, сразу после окончания школы. То есть, она пережила всех областных прокуроров и была в курсе всего, поскольку работает с документами. (У меня даже возникло подозрение, что она и есть тот эксклюзивный источник «Симбирских Вестей»)

Словом, кроме нее, больше никому было написать это анонимное письмо.

Смотрю дальше список учеников этого класса и вдруг натыкаюсь на фамилию: Клокин! Всю ночь не спал: думал, случайность, или нет? И утром Синельников мне приносит купчую дома Рогова. Документов на дом в Красном Яре как не было, так и нет, а копия купчей лежала в бюро недвижимости Чердаклинского района. Так вот, исходя из купчей, этот дом продал Рогову никто иной, как Клокин. Оказывается, этот дом раньше принадлежал Клокину!

Тяну ниточку дальше. Строить он его начал в 1987 году — как раз в этот год Ольга Миллер вернулась из Москвы. Продал его в 1990 году, когда уже стало ясно, что Миллер больше не вернется, поскольку отбыла в Германию. И с тех пор убийства девочек прекратились. Все факты говорят о том, что «потрошитель» — Клокин.

Это объясняет, почему из троих зарубленных, Клокин изуродован больше всех. Убийца выместил на нем злобу. Отсюда и объяснение, почему убийства были совершены топором.

Возникает резонный вопрос: кто? Думаю, отец Ольги Соколовой. Он, по словам жены, был одержим идеей собственноручно поймать маньяка. Соколов специально копил деньги, чтобы нанять киллера.

В принципе, логика в этой версии есть: Соколов выслеживает Клокина, каким-то образом заманивает его в дом, в котором бывший хозяин потрошил свои жертвы, и совершает над ним возмездие. Рогов и Петров попались под горячую руку.

Я послал Синельникова проверить у Соколова алиби. Алиби у него есть. Весь день 28 августа он провел на работе, но, по словам сотрудников, очень нервничал и на каждый звонок кидался к телефону. Предполагаю, что Соколов личного участия в убийствах не принимал, а нанял для этого дела Пьяных. Сейчас опера выясняют, был ли знаком Пьяных с Соколовым?

Только что осторожно поговорил со Злотниковой. Спросил, не училась ли она вместе с моей знакомой Ольгой Миллер. Злотникова сказала, что училась и даже сидела с ней за одной партией. Кстати, Миллер сейчас гостит у родителей.

Я сразу же взял адрес родителей Миллер и отправился к ним. Ольга Миллер мне слово в слово пересказала то, что

было написано в письме, и речь действительно шла о Клокине. Однако, по ее словам, в Германию она уехала не из страха за себя, а потому что у нее там родственники. Кстати, она не уверена в том, что девочек потрошил Клокин. По ее мнению, он слишком труслив для этого.

16 сентября 2000 года

16

— Вас уже ничто не спасет, — первое, что произнес Сорокин, когда я переступил порог его кабинета. — Допрыгались. Доигрались в благородство...

Глаза его выражали досаду. Под глазами были круги. Он долго раскладывал какие-то бумаги на столе. Вчитывался в отдельные места и морщился. Затем поднял глаза на меня.

— Итак, вы продолжаете настаивать на том, что зарубили троих ваших сотрудников за то, что они вас ограбили?

— Какая разница, за что я их убил? Главное, что я признался в содеянном, — вяло ответил я.

— Так из-за денег не убивают, — покачал головой Сорокин. — Так убивают из мести. И то не все, а сумасшедшие.

— Читайте, что я сумасшедший.

— Нет, — поднял палец следователь. — Сумасшедшие, обычно, не замечают следов.

— А с чего вы взяли, что я их заметал? — улыбнулся я.

— Посудите сами: ни одного отпечатка пальца, орудия преступления брошено туда, откуда его не достанет ни один водолаз. На вашей одежде ни капли крови, на кроссовках тоже ничего не обнаружено, хотя убийца наступил пяткой на мозги убитого.

— Ну, я же вам сказал, что по возвращении принял душ прямо в одежде и обуви. А потом одежду с кроссовками замочил в порошке.

— Чтобы смыть кровь?

— Да нет. Так получилось.

Следователь более чем недоверчиво впился в глаза и ничего не ответил. Немного пошелестев бумагами, он произнес с раздражением:

— Как все глупо! Вы себя сгубили ни за грош. Понимаете? С мадам Роговой мы бы и без вас разобрались, а вот вам писать отказную уже поздно. Машина запущена! Вам шьют

обвинение. В основу возьмут ваше признание, а факты сфабрикуют.

Сорокин наклонился ко мне и прошипел:

— А знаете ли вы, что я уже нашел убийцу и «потрошителя».

— Какого «потрошителя», — удивился я.

— Того самого, который распотрошил двух несовершеннолетних девочек в восемьдесят восьмом и восемьдесят девятом. Слышали?

— Слышал. Но при чем здесь я?

— А притом, что прокурору дано указание связать убийства сотрудников «Симбир-Фапма» с убийствами девочек.

— Для чего? — еще больше удивился я.

— Для того чтобы успокоить население. Тем более что в подвале этого дома маньяк действительно потрошил свои жертвы.

Перед глазами поплыли стены, и я стал проваливаться в туман. Чтобы удержать себя, я поднес ладони к вискам.

— Но я не потрошил девочек.

— Я знаю, — кивнул следователь. — Но свыше дано указание повесить этих девочек на вас.

— Как! — вскочил я с места. — Я не хочу, чтобы на мне висели чужие грехи! Это несправедливо. Наконец, вы же сами сказали, что нашли «потрошителя».

— Да, нашел, — устало кивнул Сорокин, указывая жестом на стул. — Но он мертвый. Понимаете? Чтобы доказать его вину, показания должен дать работник прокуратуры, который все эти одиннадцать лет знал маньяка. Знал и молчал. И не только молчал, но и занимался вымогательством. Вы понимаете, что значит такой скандал за два месяца до выборов? Газетчики только этого и ждут. Если они начнут вопить по поводу прогнившей прокуратуры, полетят такие головы. Прокурора — само собой. Но это и пятно на губернаторе. Поэтому вы — их единственное спасение.

— Я не хочу быть ни чьим спасением! — возмутился я.

— А большой разницы нет, — пожал плечами Сорокин. — Что три особо тяжких трупа, что пять. Пожизненное — и в том, и в другом случае.

С моим лицом, видимо, произошло что-то ужасное, потому что следователь быстро налил в стакан воды и протянул мне. Но я не притронулся к воде. Тогда Сорокин отставил стакан и швырнул мне лист бумаги.

— Пишите на имя прокурора. Пишите так, что мол взял на себя вину, чтобы отвести подозрения от Анны Роговой... Только это будет филькина грамота. Машина уже запущена. Но все равно пишите. Пусть будет в моей папке. Честно говоря, вас может спасти только чудо. Эх! Какого черта в вашем шкафу пахнет теми же духами, что и доллары в карманах убитых?

Я не ответил на это вопрос. Не мог же я сказать, что это не духи, а естественный запах Галатеи. Я его чувствую даже во сне, и чувствовал тогда в поезде, когда она приближалась ко мне.

В тот день, еще не ступив на перрон, я сразу понял, что с Галатеей стряслась беда. Поймав на вокзале такси, я весь на нервах понесся домой. Подкатив к подъезду и влетев на свой этаж, я увидел, что дверь в квартиру выбита, и выбита весьма профессионально. Не без дрожи в коленях вошел я в прихожую и не обнаружил никаких следов беспорядка. Я вынул револьвер, толкнул стеклянные двери залы, и мое сердце оборвалось. Галатеи не было. Кресло стояло на месте, но это единственное, что стояло на месте. В комнате все было перевернуто вверх дном. Выброшенные из шкафа вещи валялись по всей квартире. Я заглянул в тайник в платяном шкафу. Из него были вытащены все мои сбережения, которые я откладывал на новый дом. Но это были сущие пустяки, о которых не стоит вести речь. Я и сам бы отдал этим мерзавцам все вместе с квартирой, лишь бы они трогали мою девочку.

Придя в себя, я поймал себя на том, что лежал на полу и со стоном грыз ковер. Я постарался взять себя в руки: встал на ноги и уселся в кресло, в котором еще вчера сидела Галатея. Оно еще хранило ее тепло и запах. Мне стоило больших усилий начать рассуждать трезво. Это было нелегко. Кто мог ее украсть? Только Рогов. Вряд ли бы куклу прихватил случайный вор. Моих сбережений ему бы хватило с лихвой. Но Рогов никогда бы не решился выбить дверь даже на пару с водителем. Значит, он кого-то нанял. Очень маловероятно, что свою же охрану. Скорее, одного из тех, кто побил ему окна?

После нескольких глотков джина я уже был убежден, что Галатею похитил Рогов. Тут же в голове сформировался четкий план мести. Я хладнокровно достал из кладовки топор и положил его в полиэтиленовый пакет. Затем, немного подумав, кинул пакет в сумку через плечо. После чего побрился,

принял душ, надел свежую сорочку и, не заботясь о квартире, вышел на улицу. Кто видел меня в ту минуту, не мог не заметить на моем лице добродушной улыбки, означавшей, что теперь мне терять нечего.

Через полчаса я вошел в офис и был очень спокоен, вежлив и внимателен к своим сотрудникам. Секретарше Веронике я преподнес коробку конфет, купленную по дороге, и ответил шаловливый комплимент. Она, в свою очередь, сообщила, что патрон в командировке и вернется только через два дня.

— Шеф уехал один?

— Со своим шофером, Петровым.

И Вероника простодушно выложила, что он поехал в Тольятти зондировать насчет новых точек. Только это была утка.

Я бродил по конторе, всматривался в своих коллег и не улавливал ни одного насмешливого взгляда. Уж не ошибся ли я, часом? Уж не подвел ли меня мой волчий нюх? Но вдруг в курилке мой затылок почувствовал, чей-то сверлящий взгляд. Я оглянулся: Гена Козлов из того же племени, что и Рогов, смолил «кэмел» и с чрезвычайным вниманием смотрел в окно. Такой интерес к будничной жизни улицы в моем присутствии не мог быть случайным. Я догнал его на лестнице, схватил за шиворот и, расстегнув на ходу сумку, вволок в пустую комнату. Все эти сукины дети, рода Ханаана, — отчаянные трусы, потому что, кроме собственных шкур, им дорожить больше нечем. Я подставил к его горлу топор, и он затрясся, как Иуда под иерусалимской осиной.

— Где? — задал я единственный вопрос.

Козлов тут же сообразил, о чем идет речь, и без каких-либо выкрутасов выложил все, что мне было нужно.

— Они на даче в Красном Яре, — прошептал он трясущимися губами. — Только не говори, что я сказал.

— Где его дача?

— Я дам адрес! Только не выдавай!

Идиот! О тебе совсем нет речи! Ты букашка, трус, слизняк! О таких сразу забывают, как только они становятся ненужными. Как говорил великий Цезарь: «Люблю измены, но ненавижу изменников!» И мы с Гаем солидарны в этом вопросе...

Следователь В.А. Сорокин

Сегодня на допросе Ветлицкий признался, что оговорил себя, чтобы отвести подозрения от Роговой. От всех прежних показаний, связанных со своим обвинением, Ветлицкий отказался. Также он признался, что деньги, найденные в карманах убитых, не имеют к нему никакого отношения. Об их существовании он узнал из газет, и воспользовался ими для фабрикации мотива преступления. Такую развязку я ожидал.

Я намерен в ближайшее время отработать версию с Соколовым. Мне стало известно, что он водил дружбу со многими членами криминальных группировок. Не исключено, что он хорошо знал Пьяных.

Сегодня приезжает жена Клокина. Я нацелился с вокзала повезти ее на опознание тела.

17 сентября 2000 года

17

Следователь снова смотрит в глаза и все пытается в них что-то прочесть. Но мои глаза, видимо, совершенно тусклы. Я уже знаю, что прокурор настаивает на том, чтобы Сорокин продолжал работу со мной, а о задержании работника прокуратуры не заикался. Еще я знаю, что предъявить общественности мертвого «потрошителя» также бесславно, как подать к столу кости от рыбы. Разоблачить и обезвредить живого — это эффектно. Маньяку, потрошившему девочек, ничего не стоит зарубить топориком троих сослуживцев из-за тридцати тысячи зеленых. Кто же в этом усомниться? И вот он пойман, посажен за решетку и изолирован от общества. Народ ликует и больше не хочет безмолвствовать. Оказывается, эта местная полудохлая власть еще на что-то способна. Сорокину это не нравится. Он хмурится и интересуется духами.

— По мнению экспертов, это какие-то редкие духи. Чуть ли — ни единственные в мире. Где вы их купили?

— В Париже, — ответил я.

Не говорить же ему, что я сам их изготовил.

— У них это ширпотреб? — поморщился Сорокин.

— Вряд ли. Это, кажется, эксклюзивное исполнение.

— Значит, вы их все-таки порубали, — как-то очень буднично произнес Сорокин.

Я грустно кивнул головой.

Следователь закрывает папку и, чуть подавшись вперед, спрашивает полупшепотом:

— И что же вы чувствовали, когда топором крошили их черепа?

Я гляжу в его глаза и вижу в них не профессиональное, а обыкновенное животное любопытство. Еще я вижу в них едва заметный страх и понимаю, что в качестве человека я для него уже больше не существую.

— Ничего не чувствовал. Это был не я.

Зрочки его сужаются, и я физически чувствую, как крепнет стена между мною и следователем. Я догадываюсь, что вопросов больше не будет, что на все вопросы, которые поставила жизнь, я уже, кажется, ответил, а те, на которые еще хотел бы ответить, эту жизнь уже не интересуют... Во всяком случае — от моего «я».

В ту самую минуту моя душа отплыла куда-то в сторону, и тело совершенно без нее проделало свою раскольниковскую работу. Это не значит, что рассудок мне изменил. Я делал все сознательно и хладнокровно. Я уничтожал их не как людей, а как ненужные, уродливые творения на манер скульптора, разбивающего свои неудачные поделки.

...Было такое ощущение, что стемнело, когда я на какой-то попутке через ухабы и бездорожье добрался до роговской дачи. Еще было нестерпимо душно. Над землей висели тучи, и невероятная тяжесть от них ни на минуту не отпускала мой бедный затылок. Когда моя нога ступила на крыльцо, сердце затрепетало так сильно, что я опасался свалиться раньше времени где-нибудь в сенях или в гостиной. Я молил Бога только об одном, чтобы мой нюх на этот раз ошибся. Неужели сейчас увижу Галатею поруганной и измятой? Но к черту сантименты! Пропади оно все пропадом!

Я пнул ногой дверь и увидел их. Они трое, пьяные в лоскуты, сидели за столом перед батареей бутылок и что-то бессмысленно бубнили друг другу. Глаза их были мутны, физиономии тупы, движения замедлены. Они уже ничего не ображали. А на проваленном диване с отсутствующим взглядом лежала она, моя бедная девочка. Моя любовь была совершенно голой, распластанной и варварски измятой. Тут же у дивана валялись ее французское, бархатное платье и изодранные кружевные колготки. К ней не нужно было притрагиваться, чтобы определить, как она холодна. И хотя я знал, что это всего лишь вышло из строя тепловое реле, мое сердце остановилось и сознание поплыло в бездну. Ноги и

руки сделались ватными, но контроль над движениями я не потерял. Совершенно чужими, но все-таки послушными рукам я расстегнул сумку и подошел к столу.

Прежде, чем вытащить топор я хотел посмотреться Рогову в глаза. Что я собирался в них увидеть: раскаяние, страх? Не знаю. Но глаза его были пусты и бестолковы. Он поднял их на меня и бессвязно забормотал угрозы. Потом нетвердым движением вытащил из кармана «Вальтер», передернул затвор и долго не мог взвести курок. Если бы он попытался выстрелить, я не стал бы препятствовать. Но он был настолько труслив, что даже не набрался мужества направить на меня ствол. Я плюнул ему в лицо, достал из сумки топор и занес над его головой.

Череп Рогова раскололся на две половинки, и во все стороны брызнули мозги. Его товарищи, пьяно наблюдавшие за этой процедурой, остолбенели. Не дав им опомниться, я следом уколошил и второго. Третий бросился бежать, и мне на манер гурона пришлось метнуть в спину топор. Обух топора сильно впечатался убегающему в позвоночник. Он упал и, воя от боли, кубарем покатился по полу. Мне пришлось нанести еще пять ударов, чтобы он, наконец, умолк.

Потом я подошел к ней. Ее тело было белым, грязным, в жирных безобразных пятнах. Глаза не имели жизни. Но что меня особенно поразило, черты лица и близко не напоминали тот одухотворенный лик, который я замышлял с самого начала, который я боготворил, и ради которого безвозвратно сгубил свою единственную душу. Передо мной лежала обыкновенная салонная кукла, с совершенно отсутствующим взглядом.

В ту же минуту сознание вновь вернулось ко мне, и я, наконец, понял, что все кончено. Перед тем, как отправиться домой, я вынес Галатею во двор, облил бензином и сжег.

18

По пути в камеру мое сердце щемило. Ведь я был не вправе распоряжаться жизнями чужих творений. Своими — другое дело. Скульптор, разбивающий свои работы по причине их несовершенства, безусловно, художник. Но если это проделывает кто-то другой, то он уже варвар. Ведь если Бог создал людей такими, как Рогов, значит, это кому-то нужно.

Разве нам понять великие замыслы Творца, когда мы и своих порывов не понимаем...

И вдруг я понял вину своей сущности. Я понял причину всех своих страданий, чаяний и порывов. Я понял, почему замахнулся на чужое творение, и не просто на чужое, а на творенье Божье. Я понял причину своей смертельной тоски и истоки своего дарования видеть эволюцию человечества в целом. Это все от моего нетерпеливого любопытства. Это все из-за того, что я не допил из кувшина. Так вот, что имел в виду Пушкин в стихе: «Блажен, кто не допил до дна». Тот сон, когда все пили из кувшинов, а я, не допив, поднял голову, чтобы поглазеть по сторонам. Да как же я забыл об этом трактате Платона, в котором без всякой метафоры говорится, что тем, кого отпускают на Землю, дают выпить вина, чтобы забыть о своей небесной жизни. А я не допил. Поэтому всегда помнил ее, мою вторую половину. Память о ней жгла меня всю жизнь и не давала спокойно творить. А ведь старик предупреждал, чтобы я не искал ее на Земле.

Однако если я помню ее и то место, и тот барак, из которого она вышла, значит это кому-то тоже нужно?

Я шагал по тюремному коридору и думал о том, что, пожалуй, не стоило водить следователя за нос. Ему следовало с самого начала рассказать все, как есть: и про мое детство, и про моих жен, и про Галатею, и что я художник, задавшийся целью научиться рисовать во сне. Конечно, он многого бы не понял, или понял бы с точки зрения криминалистики и криминальной психологии, но все равно, если бы можно было прожить этот период заново, я бы выложил все как на духу. Ведь для меня он был последним человеком, с кем я еще мог поговорить по душам. Потом, правда, можно будет пригласить священника. Но исповедоваться попу, — все равно, что в пустую бочку. Ну, да Бог с ними, со всеми!

Уже поздно. Все равно мне жить больше не за чем, да и, честно говоря, не хочется. Я устал. И, пожалуй, тюрьма с психушкой — для меня вариант наихудший, чем смертная казнь. Несмотря на то, что смертные казни отменены, для моего случая могут сделать исключение, тем более что на меня вдобавок собираются повесить этих несчастных девочек. Ну, да черт с ними, со всеми! Меня в этой жизни больше ничего не держит.

Но если бы можно начать сначала. Эх! Если бы только допустить, что я снова мог вернуться к своим прежним истокам, как бы я начал писать...

Я закрываю глаза, и у меня кружится голова. Все слишком поздно и слишком невозможно. Перед моим носом скрежещут ключом и открывают дверь. Меня впахивают в камеру, и камера плывет от сладостной перспективы все начать сначала.

Душно. Сквозь решетку вижу тяжелую тучу, зависшую над моей душой, и понимаю, что это угрюмое чудовище — не просто климатическая особенность этого паршивого городка, а состояние нашей всеобщей души, состояние нашего всеобщего житейского болота, которое как раз и характеризует классическую русскую провинцию.

Вся моя жизнь прошла под тяжестью этих туч, под тяжестью надвигающихся творческих потуг, но творчески я так и не разродился. Мною ничего не открыто, не сотворено, кроме Галатеи, да и та сожжена из страха за нее. Свинцовое небо над головой — это еще и символ моей невзрачной одинокой жизни. Да-да, жизнь не радовала меня разнообразием, не баловала счастьем, однако Дмитрий Дмитриевич не уставал повторять, что у каждого над головой такой космос, какой он желает видеть. Мне же и в солнечные дни небо казалось хмурым. И все из-за того, что ее не было рядом.

За решеткой темнеет. Затихает город. Но духота не проходит. Хоть бы хлынул дождь, хоть бы напоследок оглушил своим свежим, веселым хохотом, хоть бы омыл эти пыльные крыши и серые души под ними, хоть бы раз позволил вздохнуть легко и свободно. Ведь если бы мне было позволено попросить что-то у Господа в качестве последнего желания, я бы попросил родить меня (уже, конечно, после суда, расстрела и ада) на великой планете дождей. Если таковая существует.

Именно на этой мысли заскрежетала замок, с лязгом открылась дверь и, возникший на пороге охранник, хмуρο произнес:

— На выход! Тебя хочет видеть прокурор.

«Ему-то что от меня надо», — подумал я, досадуя, что меня отвлекли от моих мыслей.

Они выглядели не лучшим образом. Прокурор мрачный, с воспаленными прожилками на скулах и огромными мешками под глазами. Следователь бледный и растерянный, с каким-

то потухшим взором. Прокурор Уханов долго всматривался в меня. Было видно, что мои ответы его не интересовали. Он лишь приехал взглянуть на того, на которого намеривался повесить всех собак. Наконец господин Уханов вытащил из портфеля альбомный лист с рисунком и положил передо мной.

— Это кто? — спросил он.

Я взглянул на рисунок и попятился. Передо мной лежал мой собственный акварельный эскиз к портрету Галатеи.

— Это мой рисунок, — ответил я.

— Я знаю, что это ваш рисунок, — мрачно произнес прокурор, не сводя с меня глаз. — Я спрашиваю, с кого вы рисовали?

— Ни с кого? — пожал я плечами. — Это из воображения.

— У вас найдено тридцать рисунков с таким лицом. И они все из воображения? — сдвинул брови прокурор.

— Все, — вздохнул я.

— То есть, вы эту девочку не знаете?

— Естественно, не знаю.

— И никогда не встречали?

— Никогда.

Прокурор вынул из кармана фотографию и поднес к моему лицу. Я вздрогнул. На меня смотрела моя Галатея. Нет, ни кукла, а девушка, с живыми блестящими глазами и неподдельной улыбкой, та, что приходила ко мне во сне, только более юная. Пол под ногами качнулся и поплыл. Чтобы удержаться, я вцепился в край стола.

— Чем вы объясните сходство вашего рисунка с этой фотографией?

Я ошарашено смотрел на фото и не мог произнести ни слова. Наконец, сглотнув слюну, я выдавил из себя через силу.

— А это кто?

— Резонный вопрос, — подал голос Сорокин. — Это как раз то самое чудо, которое вас спасет.

— Помолчи, Валера! — рявкнул прокурор. — Вы не ответили на мой вопрос, чем вы объясните сходство вашего рисунка с фотографией этой девочки? Может, вы ее встречали на улице?

— Нет, я не встречал ее ни на улице, ни где-либо, — пролепетал я, едва справляясь с собой. — Во всяком случае, живьем.

Прокурор со следователем одновременно вздрогнули и недоуменно переглянулись.

— Что значит, живьем? — сузил глаза Уханов.

— Ничего не значит. Я хотел сказать, что никогда не видел ее в жизни. Я видел ее во сне.

Уханов снова метнул негодующий взгляд на Сорокина и вдруг устало опустил на стул, видимо, сообразив, что больше от меня он ничего не добьется. Прокурор закрыл глаза ладонями и произнес, обращаясь к следователю.

— Что, Валерий Александрович, будем предпринимать? Вся милиция на ногах, а толку? Кстати, — взглянул на меня прокурор. — Это дочь вашего коллеги, Павла Полонского. Он тоже, как и вы, возглавляет отдел перспективного планирования в чердаклинском филиале. Его дочь исчезла сегодня в два часа дня. Ее зовут Олей, ей четырнадцать лет, у нее тот же рост и те же внешние данные, что и у ее предшественниц.

Словно волна ударила по мозгам от этого страшного известия. В ушах загудел океан, перед глазами вспыхнули искры. Все смешалось в моей голове: сны, реальность, жены, мои картины, старик в холщевой рубашке, она, выбежавшая из барака, чтобы обнять меня напоследок... Пигмалион остервенело разбивает мраморную скульптуру, юноша в пурпуровой тунике обнимает дочь фиванского купца. Это был целый калейдоскоп снов. Мне казалось, что образы кружились перед глазами невообразимую вечность, что я в них потерялся до такой степени, что меня больше не существует. И не только на этом свете, но и уже нигде. Однако я, видимо, еще существовал. Сквозь рокот волн я услышал голоса, доносившиеся издалека.

— Как видите, Лев Григорьевич, ваша версия с Ветлицким не прошла.

— Ваша с Клокиным тоже. Кто же он? Одиннадцать лет не напоминал о себе.

— Кажется, у меня есть на этот счет соображения.

— Излагайте, Валерий Александрович.

Сознание снова вернулось ко мне. Я с надеждой взглянул на Сорокина.

— Ничего подобного не было одиннадцать лет, не так ли, Лев Григорьевич? Ровно столько, сколько жила в Германии Ольга Миллер.

— Вы думаете, это она? Давайте пошлем машину. Не похоже, что это женщина. Нет, это бред, конечно. Не то говоришь, Валера! Хотя машину все же пошлем. Если бы Клокин

был жив, то можно было бы предположить, что похищение девочки он устроил в честь приезда Миллер. Это объяснило бы все! В том числе и одиннадцатилетнее затишье.

В это время в кабинет вошел охранник и, встав у двери, вопросительно уставился на прокурора. Уханов кивнул, и страж молча хлопнул мне по плечу.

— Слушай, Валера! А может, это Пьяных? — озарило прокурора.

— Может. Только где его искать?

Я уже почти вышел в коридор, когда перед глазами снова мелькнула она, выбежавшая из барака обнять меня в последний раз. Я почувствовал родные руки, ощутил на затылке дыхание и узнал ее запах. Возможно, «потрошитель» уже сделал свой первый надрез скальпелем. Меня передернуло. Я оттолкнул охранника и шагнул обратно в кабинет.

— Я знаю, где искать!

Прокурор со следователем замолчали и вопросительно вперились в меня. Охранник сзади потянул за рубашку.

— Кого, Пьяных? — выгнул бровь Уханов.

— Нет. Эту девочку.

Наступила тишина. Уханов покосился на Сорокина, Сорокин на Уханова, а охранник застыл с куском моей рубахи в руках.

— И где же? — нарушил паузу прокурор.

— Это в восточном направлении, на одной из дорог, которые ведут к Красному Яру.

— Если вы имеете в виду дом Рогова, то он давно уже под присмотром.

— Я не имею в виду дом Рогова. Я имею в виду совсем другое место. Но это на пальцах не объяснишь. Надо показать.

Новое молчание воцарилось в кабинете.

— Точно знаете? — пылливо спросил прокурор.

— Точно не знаю, — признался я. — Предполагаю.

Охранник сильно дернул за рубашку, и я оказался в коридоре.

— Оставь его Сережа! — произнес прокурор. — Ну что, Валера, рискнем?

— Сейчас надо цепляться за все, — ответил Сорокин.

Меня посадили на переднее сиденье милицейских «жигулей», а не в душегубку с решетками. Сзади расположился следователь с двумя оперуполномоченными. За нами приготовился следовать «УАЗик» с группой захвата. Прокурор не поехал. Он приказал Сорокину сообщать о каждом своем шаге по радиотелефону и укатил на своей «Волге».

Мы тронулись. За все время пути никто не проронил ни слова. Никто не спросил, куда мы едем, и какими доводами я руководствуюсь, указывая направление. Все были напряжены и серьезны. Если бы они знали, что никаких доводов у меня нет, а есть только смутные предчувствия, то, наверное, убили бы меня тут же в машине.

Водитель послушно следовал туда, куда я указывал пальцем. Мы выехали за город и завернули на заброшенную дорогу, которая вела к Красному Яру. Сзади я услышал одобрителный кашель Сорокина. Это меня подбодрило. Путь, по которому мы следовали, не был усыпан розами. Нас трясло и подбрасывало, но никто не выказывал недовольства. Я зорко вглядывался вперед и все боялся проехать мимо нужного поворота. Наконец моему взору предстал силуэт полуистлевшего комбайна.

— Заворачиваете направо, — произнес я.

— Направо дороги нет, — ответил водитель. — Там поле, а за ним какие-то бараки.

— Вот они нам и нужны, — ответил я, не совсем уверенным голосом.

Когда мы подъехали к этим заброшенным полуразрушенным строениям, меня охватило дрожь. Моторы заглохли, фары потухли, наступила тишина.

— Ну, где? — нетерпеливо спросил Сорокин.

— Сейчас соберусь.

Я вышел из машины и стал оглядываться по сторонам. Какой же из этих бараков похож на тот, который я видел во сне? Ночь на мое счастье была лунной. Я поплелся к одному из них, но, не дойдя десяти метров, остановился, почувствовав, что это не тот.

— Посветить фарами? — спросил водитель.

— Нет-нет. Сейчас я ориентируюсь.

Опера вышли из машины и, закурив, начали хмуро наблюдать за мной. Моя нерешительность им не нравилась.

— По-моему этот барак, — произнес я, указав на первый попавшийся. — Менты сразу зажгли фонарики и деловито

ринулись в него. Они шарили в бараке больше полчаса, и вышли из него грязными и сердитыми.

— Где хоть искать? На чердаке или на крыше? — проворчал один из них.

— Наоборот, в погребах, — ответил я.

— Какие к черту погреба в бараках? — проворчал один из оперов.

— Погреба не здесь! Они вон там! — указал водитель на сараи.

— В общем, так! Давайте шарить везде! — произнес Сорокин.

— Эти бараки тянутся на три километра...

Ребята искали очень добросовестно. Мне дали фонарик, и я тоже активно включился в поиски. Часа через полтора, когда я уже трижды раскаялся в своей дурацкой самонадеянности, фонарь водителя неожиданно уперся в дорогу.

— Мужики, по-моему, здесь недавно проезжала машина. Смотрите, какие четкие следы. Опера окружили единственную песочную плешину среди моря травы и согласились, что след протектора совершенно свежий. Кажется, он вел к барaku, который стоял на другом конце поля.

Когда мы подъехали к нему, я мог поклясться, что это был именно тот барак, который я видел во сне. Не произнеся ни слова, я первый ринулся в него. За мной проследовали все остальные.

Мы искали долго и тщательно. Обошли все комнаты, облазили чердак, прошли по крыше, проползли по балкам — никого. И вдруг в ту самую минуту, когда оперативники в чрезвычайном унынии поплелись на выход, Сорокин внезапно споткнулся о какую-то железку. Он громко выругался, затем для чего-то опустился на корточки и застыл.

— Ребята, все сюда! — прошептал он взволнованно.

Орлы ринулись к нему и застыли в изумлении. Изумиться было чему: неподалеку от выхода прямо из земли торчал большой амбарный замок. Минуту спустя пространство вокруг замка было расчищено, и перед нашим взором предстала небольшая железная дверца.

— Так-так! — пробормотал Карасев. — Монтажка есть?

Водитель сбегал за «болгаркой», и через некоторое время сорванный замок уже валялся на земле. Железную дверь открыли с чрезвычайной осторожностью. Из темноты пахло эфиром. Шесть лучей впилась в затхлые внутренности погреба, которые оказались на удивление чистыми, с тексто-

литовыми листьями на полу и со стенами из ДСП. Погреб уходил куда-то вглубь барака. Сорокин лег на пол, свесил голову и вдруг воскликнул.

— Вижу тело девочки!

Двое оперативников тут же спрыгнули вниз и исчезли из поля зрения.

— Еще связал, сука! Попадись он мне... — изругался один из них после тягостного молчания.

— Ну, как она там? — подал голос Сорокин.

Ответа не последовала. Тогда следователь тоже спрыгнул в погреб, неприятно поскрипел текстолитом и затих.

— Ну, чего там! — заволновались остальные и, не получив ответа, начали один за другим прыгать вниз. Все, кто исчезал в подполе, почему-то немели. Наверху остались только я и водитель. Мы переглянулись, и он произнес с досадой:

— Наверно, уже порезал, скотина.

И вдруг внизу раздались возбужденные голоса:

— Бьется, бьется сердце! Точно говорю.

— Да тише вы, мужики! Дайте ему осмотреть.

— Дышит! Гадом буду, дышит. Она просто усыплена эфиром, вот почему такая бледная.

— Посмотри, нигде не порезана.

— Вроде нет! По щекам что ли похлопать?

Тут я не выдержал и тоже спрыгнул вниз. Она лежала на полу тоненькая, хрупкая, точно мотылек. Девочка была одета в красную курточку и в трогательную клетчатой юбочку. Она была бледна, как мел, без единой кровинки на губах. Сердце мое набухло от слез.

Вокруг нее стояли громадные солдафоны в грубых ботинках на высокой подошве и короткими автоматами на плечах. Один из них своими здоровенными ручищами осторожно хлопал ее по щекам. Внезапно девочка пошевелилась, что-то простонала и открыла глаза.

Боже мой! Это были глаза Галатеи, и они смотрели прямо на меня. Да-да, они смотрели на меня и узнавали. Они разгорались изумрудным огнем, а губы расплзались в понимающей улыбке.

— Как ты себя чувствуешь, — осторожно спросил Сорокин.

Девочка перевела на него взгляд, и ее зрачки удивленно расширились. Она недоуменно обвела глазами стоящих перед ней мужчин в камуфляжной форме и нежно воскликнула:

— Ой, где это я?

Ее бережно укрыли курткой и посадили на заднее сиденье «жигулей». Сорокин приказал навесить замок обратно и завалить дверцу погреба ветошью, словом, сделать так, как было. Опера загнали «УАЗик» в разрушенный сарай и начали обсуждать место для засады. Решили, что один с рацией ляжет у комбайна, двое спрячутся у входа в барак, остальные затаятся внутри. Мы с Сорокиным направились к «жигулям», в которых уже сидела она. Прежде, чем открыть дверцу, следователь достал телефон и коротко проинформировал прокурора:

— Девочка найдена. Она в полном порядке. Была усыплена эфиром. Нашли мы ее в трех километрах от города в восточном направлении, где раньше был поселок оружейного завода. Она была заперта в погребе в одном из барakov. Я с ней возвращаюсь. Опергруппу оставляю в засаде.

Мне снова велели сесть с водителем. Сорокин расположился на заднем сиденье рядом с Олей Полонской. Мы тронулись. Следователь приказал ехать с выключенными фарами, чтобы не спугнуть «потрошителя».

— Он видимо поехал за инструментами, — предположил Сорокин.

— За какими инструментами? — встревожилась Оля.

— Все нормально. Не бери в голову, — ласково успокоил следователь, обняв ее за плечи. — Скоро приедем. Там тебя уже ждут родители. Только расскажешь прокурору, кто тебя похитил и поедешь домой.

— А меня похитили, да? — удивилась Оля.

— А ты не помнишь?

— Нет. Помню, вышла из школы, подошла к киоску. Он был закрыт. Сзади остановилась машина. Из нее вышел какой-то дядечка и направился к киоску. Больше я ничего не помню.

— Что за дядечка, можешь описать?

— Нет. Я на него не смотрела. Я только заметила силуэт в отражении стекла, и то не очень внимательно. А что, он на меня напал?

— Судя по всему, накинул маску с эфиром. А какая машина, не заметила?

— Что-то типа вашей. Но точно не знаю. Могу ручаться только, что не самосвал.

Слушать ее голосок было наслаждением. Его я тоже узнавал. А когда мы выехали на освещенную трассу и зажгли фары, появилась возможность незаметно смотреть на нее в зеркальце. Я замечал, что она тоже на меня посматривает. И не без интереса. Но ее лицо больше не озарялось той первоизданной улыбкой.

— Подумай. Может, еще что-то вспомнишь?

Девочка замолчала и задумчиво уставилась в темноту. «Чистая Галатеея», — подумал я, глядя на нее в зеркальце. Я тоже создавал ее задумчивой. Но оригинал превзошел все ожидания. Образ моей куклы просто померк перед этой четырнадцатилетней очаровашкой. Теперь я понимал, почему Пигмалион разбил свою мраморную скульптуру.

Едва мы въехали в ворота прокуратуры, к машине метнулись мужчина с женщиной.

— Мама! — воскликнула девочка и, выскочив из машины, бросилась им в объятия.

— Ты жива? Слава Богу! — восклицала женщина, осыпая дочь поцелуями и одновременно осматривая ее с ног до головы.

И плач, и смех вырывались у матери одновременно. Она то прижимала дочь к груди, то отрывала, и снова ощупывала, точно слепая. Мужчина был более сдержанным. Он обнял из обоих, мужественно играя желваками скул. Хотя тоже при этом прослезился. Но, в конце концов, стыдливо смахнув слезу, подошел к Сорокину и с чувством тряхнул ему руку.

— Спасибо! — произнес он коротко.

— Не меня благодарите. Вон его!

Сорокин указал на меня, и я почувствовал неловкость. Мужчина подошел ко мне и тоже с чувством тряхнул мою руку. В его глазах была бесконечная благодарность.

— Откуда вы узнали, где она? — спросил он.

— Это трудно объяснить...

В это время на крыльцо вышел прокурор, сопровождаемый двумя милиционерами. Лицо его было озабоченным. Потрепав девочку за щеку, он подошел к Сорокину и полупшепотом произнес:

— Есть новость. Жена Клокина не опознала тела мужа.

— Как не опознала? — удивился Сорокин.

— А вот так. Зарубленный оказался не Клокиным.

Услышав это, я вздохнул с облегчением. Кажется, все начинает вставать на свои места. Ведь я в упор не помнил Клокина.

— Он отдыхал на Корсике вместе с семьей, — продолжал прокурор. — Двадцать пятого августа Клокин получил телеграмму с работы, срочно возвратиться в Россию. Заметьте, за три дня до убийства.

Сорокин закрыл глаза, с минуту был недвижим, и вдруг со стоном хлопнул себя по лбу.

— Точно! Как я не допетрил раньше! Вот, собака!

Следователь принялся шарить по двору глазами. Когда его взгляд остановился на одном из офицеров, он крикнул ему:

— Синельников, немедленно езжай за женой Пьяных.

— Зачем? — удивился лейтенант.

— Для опознания тела.

Сорокин, забыв о присутствии прокурора, подозвал к себе родителя Ольги Полонской.

— Кто двадцать пятого августа послал телеграмму вашему шефу на Корсику? В этот день к вам в филиал приезжал генеральный с одним молодым человеком.

— Даже не слышал, — пожал плечами Полонский. — Хотя слухи ходили, что Рогов, намеривается сменить управляющего. Вот что! — озарило родителя. — Телеграмму с предупреждением, что Клокин в немилости, мог послать главбух. У него с нашим шефом какие-то свои дела.

Прокурор открыл рот, чтобы тоже о чем-то спросить, но в это время зазвонил телефон. Все мгновенно притихли и обратили взоры на прокурора. Уханов поднес телефон к уху, но было так тихо, что услышали все:

— Только что с дороги в сторону барака повернули «жигули» с потушенными фарами. Наши уже в курсе. Я покидаю комбайн и следую за машиной.

— Оставайся на месте. И без тебя справятся, — громыхнул Уханов.

22

Лев Григорьевич медленно обвел взглядом присутствующих, после чего подошел к спасенной Ольге и ее родителям.

— Езжайте домой. Сейчас я распоряжусь насчет машины. Бедная девочка, столько натерпелась. Спать, наверное, хочешь?

Прокурор нежно коснулся ее волос.

— Нет, я не хочу спать. Мне интересно, — сверкнула глазами девочка.

— Они пусть едут, а я остаюсь, — напряг желваки Полонский. — Я хочу узнать, кто похитил мою дочь.

— Завтра все узнаете. Сейчас не до вас. Садитесь в «жигули», — махнул рукой прокурор и остановил свой взгляд на мне.

Лев Григорьевич хотел, видимо, что-то у меня спросить, но раздумал. Ему было не до меня. Он повертел головой и крикнул на весь двор:

— Охрана, ты где?

Из дверей прокуратуры выскочил милиционер с наручниками на поясе. Полонский шепнул что-то жене, и она в обнимку с дочерью направилась ко мне. Подойдя совсем близко, мама Ольги произнесла:

— Спасибо вам. Вы спасли мою дочь. Я ваша должница.

Девочка смотрела на меня серьезным взглядом, и я не мог не видеть, что в ее душе тоже что-то происходит. Она смотрела на меня теми же глазами, что и девушка из сна, и голова моя кружилась. Я тоже смотрел в ее глаза и не мог от них оторваться. Они были родными.

Ее мама со слезами на щеках благодарно коснулась моей руки, но в это время охранник развязно хлопнул мне по плечу.

— Вперед, — произнес он коротко и озорно подмигнул.

Женщина перевела недоуменный взгляд на охранника и все поняла. Она торопливо схватила дочку за руку и потащила к машине. Но девочка еще трижды оглянулась, и в глазах ее блеснули слезы.

Меня посадили в душегубку, закрыли на ключ и велели сидеть смирно. Я выглянул в окошечко, в надежде еще раз увидеть эту девочку. И я увидел. Когда «жигули» выезжали за ворота, она опустила стекло, и мы опять встретились глазами. В ее взгляде не было отчужденности, какое бывает у простых смертных, при виде осужденного.

И вдруг в ту самую секунду я внезапно вспомнил, ради чего мне был ниспослан тот сон, после развода с Алисой. Я дословно вспомнил все, что мне сказал старика в холщовой рубашке и даже интонацию, с какой это было произнесено.

— Что, не понравилось? — спросил он насмешливо относительно моей Алисы. — А я ведь предупреждал, что ты не будешь счастлив. Ладно. Не отчаивайся. Я отпускаю ее на Землю...

Так, значит, она — моя вторая половина? Не может быть! Хотя арифметика тут не сложная. Сон мне приснился в двадцать семь. Родилась она через год, то есть — сейчас ей должно быть четырнадцать...

— Заводи! — сказал охранник водителю.

Но в это время прокурор, уже почти вошедший в здание, вытащил из кармана телефон и поднял палец вверх. Во дворе воцарилась неправдоподобная тишина. Все замерли, устремив взоры на прокурора. Лицо его было напряженным и хмурым. Он стоял как глыба, не шевелясь, чуть наклонившись к трубке, и внимательно слушал. Но вот он пошевелился и сдержано, однако не скрывая радости, произнес:

— Поймали!

Все, кто были во дворе, грянули ура!

— Кто это? Уже известно? — заволновался Сорокин.

— Известно. Это ваш друг — Клокин! — ответил прокурор...

Я всю ночь пролежал с открытыми глазами, глядя в крохотное окошко под потолком. Несмотря на то, что небо было в тучах, я видел перед собой звездный свод. Улыбка не сходила с моего лица. Впервые за все это время мне было тепло и уютно на этих жестких нарах. Она здесь, со мной, на Земле.

Я больше не хотел «вышки». Я хотел жить, чтобы видеть ее. Ничего больше, только видеть. Сколько мне дадут: десять, пятнадцать? Пусть дадут пятнадцать. Все эти годы на зоне меня будет согревать мысль, что она на Земле, что она рядом и что когда я выйду на свободу, то смогу ее увидеть. Мне уже к этому времени будет пятьдесят семь, а ей двадцать девять. У нее будут муж и дети. Но это не важно. Я найду способ, чтобы видеть ее хотя бы издалека. Видеть, больше ничего.

На рассвете я заснул, и мне приснилось, что я стою за мольбертом. Я хочу выплеснуть свои чувства на холст, я хочу зрительно выразить одну банальную истину, что только полным душам открывается вселенная. А человек без второй половины — это только полдуши. Я рисую мужчину и женщину. Они держатся за руки. А над ними простирается громадное звездное небо. Это звездное небо, вырывается из их

сплетенных рук, пробивая тучи и стены бетонных зданий. Этот звездный свод живой и добрый. Я рисую его с натуры и чувствую, что Он одобряет мое творение. Еще я чувствую, что Он меня прощает...

С этим чувством я проснулся. Господь очень великодушен, что допустил меня в свою небесную мастерскую. Однако, то художественное решение, воплотившее мои чувства во сне, вполне укладывалось в земную категорию. Несомненно, моя рука в деталях отобразит то, что я сотворил ночью. Но такую картину я мог написать и не прибегая к сну. Хотя мне только и остается, что творить во сне. Когда еще наяву я возьму в руки кисть? Сдается мне, что уже никогда.

Я с грустью подумал, что звездный свод не так уж и глух к людским чаяниям, что если бы моя судьба сложилась, как полагается, и я действительно бы воплотил все, что на меня возлагали свыше, то к сорока пяти годам я бы уже отписал все свои картины. Я исполнил бы свой долг перед мирозданием, и в награду получил бы ее.

На этой мысли дверь моей камеры лязгнула и, возникший на пороге охранник, угрюмо произнес, перейдя обратно на «вы»:

— На выход. Вас хочет видеть следователь.

23

Он был настроен благодушно. Он был вальяжен, уверен и спокоен. Ну, еще бы, поймать «потрошителя», да еще вырвать из его лап совершенно невредимую жертву. О чем речь? Сорокин — герой! Одно меня беспокоило, намерен ли Клокин признаваться в своих злодеяниях? Как бы угадав мои мысли, следователь произнес с какой-то странной улыбкой:

— Клокин уже во всем признался. Он рассказал все, и довольно откровенно: и как искал свои жертвы, и как увозил их в Красный Яр, и как издевался над ними, и как потрошил, и как потом разбрасывал куски тел по городским помойкам.

— Но зачем? — ужаснулся я.

— Чтобы доказать себе, что он сильный. Точнее, доказать своей однокласснице, что он не трус. Ну, да черт с ним!

Следователь подписал какую-то бумажку и сунул ее мне.

— Это ваш пропуск. Вы свободны.

— Как свободен, — воскликнул я, не веря собственным ушам. — Вы забыли про тройное убийство в Красном Яре.

— Ничего я не забыл. Порубал их Клокин.

— Он в этом признался?

— Конечно бы признался, если бы успел. Но, к сожалению, сегодня утром он удавился у себя в камере. Причем, удавился весьма своеобразно: распорол себе живот и удушил себя собственными кишками. Хорошо, что его признание мы записали на видео.

Я долго молчал, не зная, что сказать. Наконец, промямлил, не решаясь взять со стола бумажку:

— Но зачем Клокину убивать Рогова с Петровым и...

— Пьяных, — закончил за меня Сорокин. — Третий убитый был Пьяных. Нас сбило с толку удостоверение Клокина, которое Пьяных зачем-то умыкнул из Чердаклов. Но не об этом речь. А убивать было вот зачем. Рогов хотел турнуть Клокина из совета директоров, а вместо него ввести Пьяных. Вот Клокин и порубал их топориком в отместку. Ему же это в удовольствие.

— А деньги? — спросил я. — Чьи у них были деньги?

Сорокин посмотрел на меня не очень дружелюбно.

— Александр Викторович, эта забота криминалистов. Они разберутся. Они специалисты в этой области. А вы у нас кто? Художник? Так идите и рисуйте! А трупы пусть вас не беспокоят.

Я поднялся, и проклятые слезы навернулась на глаза. Дрожащими руками я взял повестку и выдохнул:

— Спасибо.

Следователь улыбнулся и подал мне руку. Затем снизил голос и произнес, покосившись на дверь:

— Как видите, не только вы способны на подвиги...

Он притянул меня к себе и спросил полупшепотом:

— Вы действительно заснули после того, как поставили кофе на плиту?

— Нет, — ответил я. — Хотя травиться у меня мысли не было. Во всяком случае, сначала. Только после того, как кофе сам залил горелку, я подумал, что это судьба, и не стал выключать конфорку.

Я вздохнул, вспомнив, что когда-то с уверенностью барана написал по второму пункту в дневнике, что никогда не покончу жизнь самоубийством. Следователь сощурил глаза и долго с задумчивостью смотрел на меня. Затем неожиданно встрепетнулся и произнес громко:

— А вот это напрасно! С газом шутить нельзя. Идите!

Я шел по улице, и у меня кружилась голова. Она у меня кружилась от свободы. Мне хотелось кричать, прыгать, плясать, летать, тем более что небо в тот день было необычайной синевы. Оно отражалось в лужах, и я наступал на них в надежде провалиться в синюю бездну и навсегда слиться с этой бездонной и необъятной прелестью. Впрочем, это излишне. Ведь в Чердаклах живет четырнадцатилетняя девочка по имени Оля. И от этого на душе было легко и весело. Скорее домой, скорее за кисть!

Я вошел в квартиру, открыл все окна и полез под кровать за мольбертом. Разложив его посреди комнаты, я осмотрелся. Нужно было немного прибраться. Служенье Муз не терпит бардака. Первым делом следовало избавиться от пепла, в который превратился мой дневник. Он покоился в алюминиевом блюде и сильно портил настроение. Когда я понес пепел в ванную, то обнаружил в нем не сожженный клочок. Пришлось поднести его к глазам и прочесть: «Я больше никогда не возьму в руки кисть...» Ну уже дудки! «Еще как возьму!» — подумал я и смыл его вместе с пеплом в унитазе.

И уже потом, когда я стоял за мольбертом и с наслаждением выписывал звездное небо, мне неожиданно пришло в голову, что провидению тоже иной раз не чужда ирония...

Содержание

Часть первая	
МУКИ ПИГМАЛИОНА	1
Часть вторая	
СМЕХ КУКЛЫ	94